

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
А. Н. Тимофеев (Москва)
М. В. Хлебников (Новосибирск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Дмитрий Рябов
начальник отдела общественно-политической жизни

Елена Богданова
редактор отдела общественно-политической жизни

Евгения Акимова
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

2/2022

Содержание

ПРОЗА

Александра ЗАЙЦЕВА. Воронье место. Повесть.	3
Игорь КОРНИЕНКО. Непроснувшиеся. Рассказы.	73
Артур АХМЕТШИН. Побежали? Рассказ.	92
Екатерина МИНАЕВА. Лев, пес, Майя. Повесть.	104

ПОЭЗИЯ

Дмитрий КАРШИН. Пять белых птиц. Цикл стихотворений.	71
Елена БЕЗРУКОВА. Вертикальный воздух. Стихи.	88
Василий МАТОНИН. Свет растаявшего лета. Стихи.	99

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир УГРЮМОВ. Юрий Вячеславович Грдина. Шаг в будущее.	131
--	------------

Народные мемуары

Владимир ПАХОМОВ. Вовчик, или Вам завхоз нужен?	145
--	------------

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Володя ЗЛОБИН. Крапчатая страница: мухомор в русской литературе.	162
Валерий КОПНИНОВ. Путешествие к себе. Заметки о сборнике прозы Сергея Шаргунова «Свои».	174

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ «СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»

Наталья СЕМАКОВА. Творческий путь Бориса Смирнова.	179
--	------------

<i>Авторы номера</i>	191
----------------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Александра ЗАЙЦЕВА

ВОРОНЬЕ МЕСТО

Повесть

— Ярик, хочешь грушу?

Брат не ответил. Он продолжал трудиться над Олиной куклой: если хорошенько надавить, то и вторая гладкая розовая нога хрустнет, а из резинового колена высунется железная спица. Непростая задача для хилого шестилетки, но Ярик справится.

Куклу звали Барби. Барби — королева пляжа. Ее привезла мамина подружка тетя Алла, которая была не просто в России, а в Москве. Здесь-то, высоко в горах, таких кукол не найти. Ни в военном городке, где всего десяток пятиэтажек за колючей проволокой, ни в чумазом городишке местных.

Нет, магазины были. Например, военторг, но без игрушек. Мама и тетя Алла приносили оттуда темно-красную копченую колбасу, чтобы потом эта колбаса висела на веревочке в кухне: подсушивалась к празднику на газовой трубе. Мама говорила, что в России совсем нечего есть из-за перестройки, а у военных не такой дефицит. И зарплата у папы хорошая, и на городском рынке всего завались. Особенно овечьего сыра — «сыра-пердыра» с запахом тухлой селедки, если он круглый и мокрый, или с ароматом нечищенных зубов, если волокнистый. Еще плоский лаваш с острыми краями, мясо, фрукты, пучки и стручки всякой зелени. В одежных рядах вязаные носки и шелковые блузки — белые, черные, красные. А юбки только черные, широкие, до самых пяток. Только Барби нет. Наверное, потому, что не бывает Барби в вязаных носках и в такой юбке.

Вот мама и дала тете Алле денег, когда та поехала в отпуск. И письма, которые нужно бросить в любой почтовый ящик, главное, чтобы в России, иначе не дойдут. И попросила привезти бородинский хлеб, сало, а если получится, то водку «Столичную» для папы. И Барби. Оле, а не Ярику!

Тетя Алла привезла. «Аллочка, какая ты умничка!» — щебетала мама. Папа с ней соглашался. Однажды Оля подсмотрела в окно, как папа с тетей Аллой целовались у тети Аллы дома, но никому не сказала. Стоило маме узнать, и ее подружка перестала бы приходиться в гости, накручивать Олино жиденькое каре на плойку и позволять красить ногти своим бордовым лаком. Но наябедничать хотелось, очень хотелось, потому что Барби оказалась с изъяном. Аллочка-умничка положила куклу на дно чемодана, и от этого золотистая прическа королевы пляжа разлезлась во все стороны. Оля пыталась заплести по-своему, но только напортила.

И все же это была Барби! Синеглазая, розовогубая, длинноногая, с гнущимися коленками и приподнятыми пяточками. Настоящая, прямо из Америки. Теперь и сама Оля стала намного ближе к этой необыкновенной Америке, где у всех девушек, даже тринадцатилетних, как Оля, есть жвачки, машины и красивые кавалеры с пистолетами. Была ближе, пока Ярик не добрался до кукольного сокровища.

Он давно положил глаз на королеву пляжа: «Я только ее ногами пощелкаю, дай погигать!» Но Оля всякий раз шипела: «Убью!» — и от этого Барби становилась для Ярика в сто раз желаннее, а сестра — ненавистнее.

Все утро Ярик возился с пластилином. Оля скучала, слонялась по комнатам, злилась на мерзкую осень за окном. Хорошо, тетя Алла пришла, и Оля тихонько примостилась у стола в кухне, вроде как попить чаю. Она давно усвоила: если помалкивать, то не прогонят. А уж столько наговаривают про других взрослых, что лучше индийского фильма, какие показывают в гарнизонном Доме офицеров.

В этот раз тетя Алла прибежала прямо от сменщицы по узлу связи, от армянки Нонны, которая привезла из Турции кучу модных нарядов на продажу. У мамы не хватало денег на заграничные тряпочки, но она часто ходила посмотреть и даже померить. Один раз и Олю взяла. Оля думала, что тети-Аллина сменщица — утонченная дама с фигурой, а Нонна эта оказалась здоровенной носастой бабищей. И недовольной, словно к ней не покупать пришли, а воровать. В гостиную не пригласила, сразу потащила в крохотную спальню. Олю удивили плотно задернутые шторы и еле тлеющая электрическая лампочка под потолком. Но это, наверное, для сохранения тайны, ведь Нонна дважды сказала, что пускает к себе только близких друзей и только им показывает широкую кровать, заваленную грудями пестрых одежек. Мама с тетей Аллой благодарно ахали, легонько трогали скользкие полосатые дольчики со штрипками, запашистые кожаные куртки, джинсовые мини-юбочки с металлической змейкой от пояса до низа, а Нонна торопила, цокала языком и кривилась, будто ее щипали. Догадывалась, что ничего не возьмут. Брезовала.

Но это тогда, а сегодня тетя Алла купила у Нонны колготки с лайкрой. Теперь она и мама тянули их в разные стороны, восхищаясь переливами и прочностью ткани. Оля хотела попросить, чтоб и ей дали потрогать, как вдруг почувствовала мягкий толчок в спину. Скорее всего,

в этот момент с Олей случилось ясновидение. Оно часто происходит с необыкновенно чуткими женщинами: с мамой, тетей Аллой и их третьей подружкой — рыжей прыщавой Верой, которая гадает на кофе и картах, но больше врет. Ясновидение подсказало Оле срочно пойти к Ярику.

Ярик сидел на старом цветочном половике посреди комнатухи с блеклыми голубыми обоями. «Наша детская», — важно говорила мама, будто здесь не стояли вислые солдатские койки, длинный складской ящик вместо шкафа и полированный письменный стол с исцарапанной столешницей. Наверное, по привычке говорила. Нормальную мебель вывезли пару лет назад, потому что опасались войны. Тогда все военные позасовывали в контейнеры ковры-хрустали-гарнитуры и отправили родственникам на сохранение. Чтобы, как начнется стрельба, быстренько убежать налегке. Только местные воевать не торопились, жевали свой вонючий сыр и не тужили.

И Ярик не тужил, а чуть слышно гундел песенку на одной ноте, сидя к Оле спиной. Она не стала окликать брата, подошла на цыпочках, заглянула сверху и обмерла.

Маленький поганец ее раздел. Розовое платье валялось под столом, белые нейлоновые трусики изорваны, потому что слишком туго снимались. Но Барби все равно улыбалась. Несмотря на стыдную наготу, на безобразный колтун вместо волос и поблескивающую гладкость там, где раньше была грудь. Плоско! Куда делись два розовых бугорка?! Оля присмотрелась и поняла, что это спина: Ярик свернул кукле голову. Ничего, можно поставить на место, можно исправить. А ноги — нельзя. Одна уже выломанная, раскуроченная в колене. Вторая цела, но Ярик доломает. Обязательно.

— Ах ты гад!.. — всхлинула Оля.

Ярик обернулся и уставился на нее круглыми голубыми глазами. «Котенок мой!» — заливалась мама, тиская Ярика. Если пожаловаться, сразу начнет орать, что Оля должна следить за своими вещами, тем более за дорогим подарком тети Аллы, который та волокла аж из Москвы. «И вообще, иди отсюда, не мешай разговаривать! Вымахала дылда, ни помощи от нее, ни нормальных отметок по русскому языку, вечно с кислой рожей. Брата трогать не смей, поняла меня?!» А потом: «Он же маленький, будь умнее». «Ма-а-аленький», — блеет, как коза. Неудивительно, что папа целуется с ее подружкой. А та все время поддакивает: «Ох и трудно с этими подростками!» Ей-то откуда знать? всю жизнь работает дурацкой телефонисткой, детей нет, мужа нет, кривые зубы вечно помадой измазаны. И туда же.

Оля почувствовала, как в груди раздувается едкий горячий пузырь, если он лопнет, она закричит, завоет. И тогда мама обзовет ее истеричкой и отдаст Барби Ярику навсегда. Нет, Оля отнесет раненую куклу в секретное место на горе. Там можно успокоиться и подумать. Там станет ясно, как спасти королеву пляжа.

Оля до крови прикусила губу, вдохнула, выдохнула и тихо потребовала:

- Отдай.
- Я играю, — буркнул Ярик.
- Отдай!
- Нет.

Оля уставилась на затылок брата. «Ярика трудно стричь, у него вихор, будто коровка лизнула», — умилялась мама. Такого же цвета, как волосы Барби. Врезать бы ему! Взять стул или настольную лампу и со всего маху съездить по белобрисой башке. Оля тайком побивала Ярика прыгалкой или веником, но тяжелым по голове — никогда. А в этот раз ударила бы, но опять вмешалось ясновидение: они пойдут вдвоем. Пусть Ярик несет куклу, главное — ускользнуть из дома по-тихому. А в секретном месте он перестанет вредничать, никуда не денется.

- Ярик, хочешь грушу?
- Давай. — Хряп, и вторая Барбина нога неестественно выгнулась, но не сломалась.
- Нет, дома нету, надо пойти на улицу.
- Я играю. — Хряп.
- Потом доиграешь. Пойдем, я тебе военные машины покажу.

А может, и танк.

Ярик снова обернулся:

- Мама не пустит.
- Мы ей не скажем. Пусть думает, что мы недалеко гуляем.

Он недоверчиво покосился на дверь:

- Танк?
- Настоящий.
- Ладно.

В прихожей Оля быстро натянула на Ярика коротковатую болоньевую куртку, старую шапку с обмусоленными завязками и резиновые сапоги. Сунула куклу ему за пазуху. Оделась сама, крикнула:

- Мам, мы гулять!
- Смотри, недолго.
- Угу.

Оля знала, что их не хватятся. Потому что вот-вот начнется сериал про мексиканскую швею, а мама от него дуреет. Оля и сама накрепко прилипла к телевизору, и тетя Алла, и вообще все. Только папа не интересовался. Раз забежал с работы зачем-то, заглянул в комнату, а там во весь экран плачет юная Марианна. «Знаю, — радостно заявил папа, — это дон Мигель!» Мама назвала папу кретином, но не заметила, что он заперся на ковер в грязных сапогах. А он и сам уставился в телевизор и не обратил внимания на «кретина». Даже и не подумал разораться. Так что Оля не волновалась: сейчас взрослые будут смотреть фильм, а потом долго обсуждать его на кухне. Жалко пропускать новую серию, вернее, разговоры про нее, но Оля как-нибудь переживет.

На улице сеялся мелкий холодный дождь. Оля натянула капюшон и огляделась. Никого, только две тощие коровы с грязными репейными боками топтались на помойке. Они часто приходили к мусорным контейнерам, чтобы уныло пережевывать месиво из картофельных очистков, мандариновой кожуры, рваных пакетов, туалетной бумаги и прочих отбросов. Поэтому мама старалась не брать молоко на рынке. И мацони. По воскресеньям горластая местная тетка обходила подъезды, колотила в каждую дверь и верещала: «Мацони-и-и! Мацони-и-и!» В семь утра. Мама просила ее не стучать, ругалась, клялась, что никогда не купит, но тетка все равно долбилась. И всякий раз будила Олю. Надоело, до чего же все надоело!

- Пошли быстрее! — Она взяла Ярика за руку.
- Танк посмотреть?
- Танк. И груши.

Они припустили по единственной улице. Оля утерла нос тыльной стороной ладони: холодно. И сумрачно из-за низких бурых туч. Тучи залепили и небо, и снежные горные вершины вдалеке, и даже городские домики на ближнем склоне. Текли на землю липким влажным туманом, лезли в рукава и под штанины, пронимали до костей. Надо прибавить шагу. Ярик сопел, но не жаловался, шустро перебирая короткими ногами. Целыми, не то что у Барби. Оля вспомнила, налилась злобой, начала озираться по сторонам, чтобы отвлечься.

Грязь, кругом жирная грязь. Оштукатуренные тускло-желтые стены домов подмокли и покрылись неряшливыми потеками. Тополя-уродцы задрали к небу культы спиленных по весне веток. Зачем люди над ними издеваются? Оля не могла понять. Но привыкла, что деревья увечат, а собак стреляют. Однажды рано утром она сонно топала в школу, когда из подворотни прыснула рыжая дворняга, бросилась в ноги. Дядька в военной форме выскочил следом, вскинул ружье и всадил пулю в собачью голову. Быстро и легко. Тогда дворняга захрипела, завалилась на бок, а дядька подошел, взял ее за лапы и потащил за угол. Оля хотела что-то почувствовать, хоть немного опечалиться. Понимала, что надо, а не смогла. Деревья жальче, потому что их корявые обрубки каждый день на глазах.

Возле КПП Оля задержалась, чтобы полюбоваться звездами на серых створках ворот. Ее всегда удивляли эти рисунки: если близко, то плоское изображение, а отойдешь — звезды выпуклые, точно собранные из кусков темного железа. Можно долго смотреть, и не устанешь. Отойти — подойти, отойти — подойти, два шага сюда — два назад. Хоть что-то интересное. Из проходной выглянул хмурый солдат, зыркнул на детей и скрылся. Наверняка подался к маленькому переносному телевизору с плачущей Марианной. И хорошо.

- Мне холодно, — потянул за рукав Ярик.
- Бежим! — скомандовала Оля.

Танковый полк надо проскочить по-быстрому: детям не положено шататься по военным объектам. Понятно, что ребятя все равно носит-

ся где захочет, лезет в каждую не заколоченную досками дыру, бродит по стрельбищу в поисках стреляных гильз. Но лучше не зевать. Бегом, бегом мимо здоровенных жестяных щитов с картинками про храбрых бойцов и честь Родины, галопом через плац, рысью мимо ангаров. Запертых.

— А танк? Где он?! Ты обещала танк! — Ярик верещал дурным голосом, вырывал руку, но Оля не отпускала.

— Тихо ты! На обратном пути точно увидишь.

— Не хочу никакого пути! Хочу танк!

— Заткнись!

— Пусти, тупая Олька! Забери свою куклу, я домой пойду!

— Заткнись, сказала, или я тебя стукну!

Оля стиснула ладошку брата до острой боли, рванула застежку его куртки, вытащила голую изломанную Барби, прижала к себе. Ярик пискнул и притих. Понял, что сестра наверняка отлупит. А мама далеко, не заступится.

— Пойдем домой, а? — жалобно заканючил он.

— Нет. Мы еще не нагулялись.

— Не хочу.

— А я хочу. Это рядом, только на гору подняться.

Оля не соврала: обогнешь ангары, аккуратно пролезешь под колючей проволокой — и вот она, гора. Не очень высокая, пологая, иди себе и иди. Другие щетинятся низкими разлапистыми соснами, а эта пустая, словно лысая. Оле ее показал Витя Кавицкий, тот, который приехал из Краснодара с мамой-учительницей и папой-кадровиком. Смуглый кареглазый мальчик, неожиданно приветливый и невредный с Олей. Они обрывали недозрелый кизил с колючих кустов, полоскали босые ступни в горном ручье, лезли по склону, соревнуясь в ловкости. Вместе нашли секретное место. Потом Оля ходила сюда одна и других людей не встречала. Только однажды зимой заметила узкие летящие следы лыжника на искристой снежной корке. И больше ничего.

Ярик тяжело дышал после скользкого подъема, даже немного подсвистывал. Его сапоги и Олины ботинки покрылись грязью, колючками и сухой травой, на коленках тоже пятна. Ярик несколько раз падал, но Оля упрямо волокла его вверх. Хорошо, на самую вершину лезть не пришлось. Он бы и туда забрался, но вряд ли без возмущенных воплей. А теперь Ярику скандалить расхотелось. Из-за дерева и ворон.

Дерево раскинулось посреди круглой ровной площадки, единственное на всей голой каменистой горе. Дикая груша. Крепкая, приземистая, она вольно протянула узловатые ветви во все стороны. Жесткие коричневатые листочки трепетали на ветру с едва слышным бумажным пощелкиванием. Оля подумала о кузнечиках, об их твердых прыгучих ногах. Или о копошащихся черных жуках с хитиновыми панцирями. Если они друг о друга трутся, трутся, трутся...

— Фу, птички сдохли, — скривился Ярик.

— Вороны, — глухо поправила Оля. — Это вороны.

Трупики усеивали всю площадку, особенно густо лежали под деревом. Несколько недавно погибших птиц упали на спины и теперь показывали сероватый пух под широко разведенными крыльями. Когтистые лапы скрючились, подогнулись внутрь, острые клювы приоткрылись, глаза поблескивали черными пластмассовыми шариками. Но давних ворон было больше, намного больше — угловатых, безглазых, с ввалившимися грудинами. А еще белые кости и комки истонченных выцветших перьев. Ветер шевелил их, будто тряпичные. Иногда поигрывал свежим черным перышком, и оно неожиданно переливалось синим или зеленым цветом. Всюду птицы. Мертвые вороны в несколько слоев. И ни одной живой — ни на ветке, ни в небе.

Оля много месяцев размышляла о гибели ворон. Спрашивала учительницу биологии, мол, в одной передаче показывали такое удивительное место. Биологичка сначала валила на высоковольтные провода, да только не было столбов на горе, потом бормотала о магнитных полях, пока сама не запуталась. «Загадка природы», — хмыкнула она.

Тайна.

Воронье кладбище.

— Гадость! — внезапно выдал Ярик.

Оля вздрогнула. Брат сосредоточенно ковырял птичий трупик носком сапога. Поднял бледное лицо, посмотрел на нее с вопросом: что дальше?

А что дальше? Надо идти домой. Глупо убиваться из-за какой-то Барби, подумаешь — богатство. Похоронить ее здесь, и дело с концом. Злости не осталось, на горе Оля всегда успокаивалась. Становилась медленной, плавной. Вырастала больше всех знакомых взрослых, только менялась не лицом и телом, а внутри. Наполнялась тишиной. Или, как написано в детской Библии, которую Оля листала из-за картинок, — благодатью. Поэтому и любила сюда приходить.

Но сегодня что-то словно цапало. Отвлекало от главного. Ярик. Вечно он маячил сбоку, раздражал комариным писком. И всегда будет, если они просто уйдут. А если с братом случится беда? Мама с ума сойдет от горя и наверняка не сможет оставаться в этом городке. Тогда она уедет к бабушке в Саратов. И Олю заберет.

Мама говорила, что бабушка не любит папу и ведет себя как тиранка, но Оле это все равно. И Саратов ей понравился, когда она гостила там позапрошлым летом. Не Америка, но тоже есть высоченные дома с лифтами и ослепительные витрины. В Саратове Оле не придется драться с местными мальчишками, которые дразнят ее русской проституткой. И сидеть за колючей проволокой, любясь на помойных коров, не придется. Она будет гулять в парках, ходить в большую школу, в компьютерный класс. Есть мороженое из стеклянной вазочки и дружить с кем-то вроде Вити Кавицкого. Она станет другой — счастливой. И мама, наверное, со временем станет счастливой. И папа, ведь ему останется тетя Алла.

— Ярик, хочешь грушу? — глухо предложила Оля.

Брат быстро глянул на дерево и отвернулся:

— Не-а.

— Я тебе сорву и сюда принесу. Это не простые груши, они желания исполняют.

— Да ну, врешь.

— Как ты думаешь, откуда у меня Барби?

— Я ее сломал, — потупился Ярик.

— Ничего страшного, я себе новую пожелаю. И ты что-нибудь хорошее пожелай. Ладно?

— Прямо что угодно?

— Что угодно.

— Не знаю... Ладно.

Оля пошла к дереву, мягко ступая по птичьим трупикам. Наклонилась, положила куклу на землю возле толстого бутристого корня. Подтолкнула к кучке перьев, будто от них резиновой Барби станет теплее. И вдруг поняла, что не чувствует запаха падали — только прелую траву и полынь. И нет никакого звука, кроме тоненького поскуливания ветра и сухого шелеста листвы. Сладко. Мертво. Почему?

Да, раньше Оля много думала о погибших воронах. И о Вите Кавицком тоже. Он ведь отчего-то заболел. Сначала его забрали в госпиталь, а потом увезли на вертолете. Оля очень крепко размышляла и поняла, что дело в грушах. Она их не ела, а Витя, кажется, попробовал. Или нет? Сейчас Оля узнает наверняка.

Мелкие твердые дички густо висели на ветках. Сморщенные, шершавые, темно-коричневые. Груши. Одной будет мало, надо так, чтобы Ярик не разболелся, а сразу. Оля сорвала две. Вспомнила застреленную рыжую дворнягу, ее мелкие конвульсии, долгий тяжелый хрип и сняла третью. Засомневалась, оглянулась на брата.

В щеку ударило тяжелое и холодное, поползло к подбородку, оставляя мокрый след.

Капля. Дождь. Снова дождь.

«Это ерунда, — подумала Оля. — Это не я плачу». Вздрогнула и уронила груши на землю, чтобы утереть лицо.

— Ты что сделала? Я не буду грязные есть! — возмутился Ярик и захныкал: — Олька, пошли домой, у меня ноги замерзли...

Над горой громыхнуло. Если ливанет по-настоящему, то смоем Олю с Яриком прямо в быструю мелкую речку — «речку-говнотечку».

Прошлым летом Оля случайно плюхнулась в нее, еще когда Витя Кавицкий был здоров. Это он придумал перебраться на другой берег, прыгая с валуна на валун. Оля оступилась, скользнула в ледяной поток, мелкий — едва по пояс. И сразу заревело вокруг, сшибло течением, потащило телом по дну. Она и понять ничего не успела, а речка уже пронесла мимо заброшенного ангара, ржавого остова грузовой машины, длинных кирпичных складов и пустой сторожевой вышки. А потом треснула спи-

ной о твердое, крутанула и наконец оставила. Оля выбралась на большой теплый камень, распласталась, словно полумертвая лягушка. Она тряслась и стучала зубами, а Витя кричал с берега. Ответить ему не было сил. Потом Витя ловко перебрался по камням, уронил на Олю свою долговязую тень, стянул футболку и сказал, что надо переодеться и что он, Витя, не будет смотреть. И не смотрел, хотя ей этого немного хотелось.

Оля подняла груши и спрятала в карман. С тоской оглянулась на розовое пятнышко среди темных перьев, но решила оставить куклу здесь: если положила что-то у корней убивающего дерева, считай — подарила. Нельзя передумать. Испорченная Барби не может быть королевой пляжа, теперь она — королева грустных ворон.

Ярик снова заныл. Оля крикнула:

— Наперегонки!

И они понеслись вниз, стараясь обогнать дождь.

Вечером Оля лежала в кровати и слушала причмокивание брата. Мама всегда укладывала их слишком рано, сразу после «Спокойной ночи, малыши!», и бессонный Ярик по два часа кряду обсасывал углы пододеяльника. От его зубов они становились дырявыми, от слюны — твердыми. Когда мама меняла постельное белье и Оле доставался истерзанный братом комплект, она старалась не касаться мерзких углов. Из-за этого засыпалось еще труднее. Иногда Ярик убаюкивал себя песней про парашютистов, повторял одно-единственное слово и бился головой о подушку: «Парашютисты — бух, парашютисты — бух, парашютисты...» Долго, пока не вырубится. Но сегодня чавкал.

За стеной невнятно говорил диктор новостей, мама молчала, а папа хрустел яблоком. Всегда новости и яблоки. Кислые, красно-зеленые, с жесткой клеенчатой кожицей. Оля терпеть их не могла, но мама не покупала другой сорт. Она много чего не покупала, не только нормальные яблоки или мацони. Еще хурму, и чурчхелу, и местную виноградную пастилу, свернутую в трубочку. И заветное-пахучее из бочек.

Оля закрыла глаза и глубоко вдохнула, будто силой воображения можно вызвать несуществующий запах. Как другие мечтают перед сном о романтической любви и приключениях, Оля представила асфальтовую дорогу в город, серую церковь с треугольным куполом, сквер и каменный питьевой фонтанчик, почти почувствовала солнечные лучи на щеках, мысленно свернула в лабиринт одинаковых низких домиков и вышла к рынку.

Бочки — две деревянные громадины, схваченные с боков ржавыми обручами, — стояли под синим матерчатым тентом и были единственной Олиной радостью. Она видела их издалека, еще из мясного павильона. Этот павильон напоминал подземный переход возле бабушкиного дома в Саратове: сквозная бетонная труба, широкая и сумрачная, забитая бурлящей толпой. Здесь Оля задерживала дыхание, чтобы не впускать в себя вонь от людей и крови. Спотыкалась. Не хотела смотреть на столы по обе стороны прохода, на красные куски мяса и бараньи головы. Потные мяс-

ники орали, торговались, и их голоса гудели вместе с мухами. «Подожди минутку», — говорила мама, щупая склизкий кусок печенки. Оля не ждала, прибавляла шаг и выскакивала на свет и воздух. Бетон сменялся утоптанной землей, потолок — небом, мясной ряд — специями.

Длинные прилавки, холщовые мешочки, щекотные запахи и заветные маринадные бочки: в одной — моченый чеснок, в другой — щипак, соленый острый перец.

«Попробуй, красавица! Самый длинный перчик тебе берегу, кукладжан!» — приплясывал возле Оли низенький лысый продавец, и в его улыбке вспыхивали золотые коронки. Оля улыбалась навстречу, но не успевала ответить — мама хватала за руку и тащила прочь. Ругала, запрещала оглядываться. Каждый раз. Разве Оля могла объяснить ей, что любит бочки, только их и любит в этой облезлой замусоренной дыре? И что плохой человек не смог бы так замечательно назвать Олю красавицей.

Она ходила бы на рынок без мамы, особенно когда накатывала злость на коров, собак, других детей и вообще людей. Когда дальние горы словно надвигались и кололи снежными вершинами, не оставляя Оле места. Когда больше всего на свете хотелось, чтобы вулкан, к которому прижался город, проснулся и залил всех жидким огнем. Но без мамы нельзя, без мамы — только в школу. «Они на нас все время пялятся», — жаловалась тетя Алла на местных дядек и их крикливых жен. Так и было. Поэтому бочки стали редким Олиным праздником, а убежищем — дикая груша на вороньем кладбище.

Оля сунула руку под подушку и накрыла груши ладонью. Твердые, будто каменные. Странно горячие. Она пока не знала, что с ними делать, но верила, что обязательно придумает.

Ярик затих. На улице несколько заплетающихся голосов запели про экипаж машины боевой, но почти сразу выдохлись и стихли. Значит, из городского ресторана возвращаются танкисты. Пехота поет про шинель, военные начальники — про клен кудрявый, а лейтенанты — «Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко». С настоящим им уже не повезло, как и Оле.

В горах раскатилась автоматная очередь, залаяли собаки, а в родительской комнате захрапел папа. Оля унюхала от него ацетоновое еще за ужином, значит, папа пил водку и теперь будет всю ночь рычать горлом под бубнящий телевизор.

Поэтому мама ложилась с Олей — если папа, и телевизор, и водка.

— Не спишь? — Мама прошлепала босыми ногами по холодному полу и продавila матрас цветочно-ночнушечным задом. — Подвинься.

— Мам?

— Что?

— Когда мы к бабушке в Саратов поедem?

— Не знаю.

— Летом?

— Сказала же, не знаю. Спи давай!

Они с трудом уместились на старой солдатской койке. Оля вжалась боком в холодную стенку, неудобно подогнув руку под голову. Она теперь большая, почти как взрослая, но спать с Яриком мама не могла: он вертелся и брыкался. А Оля потерпит, к тому же с мамой она не боится собак. Вернее, их надрывного воя, а еще ночных кошачьих воплей и жалобного мяуканья из подвала. С мамой Оля не одна, хотя бы по ночам.

А спать все равно не хотелось. Все думалось о глупостях.

«Я — слабачка. Задумала накормить Ярика грушами, а сама даже с котенком не справилась. Слабачка».

Этот крошечный котенок плакал и плакал. Оля чуть с ума не сошла. Нет, все-таки немного сошла, поэтому теперь замирала от ужаса, если в темноте слышался лай или другой звериный крик. Вот длинноносой Светке повезло, ее папа помог их котенка из пипетки выкормить. Он вообще чудной — ее папа, все над ним смеются. Потому что бегаёт по стадиону даже зимой в ярко-розовых шортах и в футболке с Микки-Маусом, тренируется для марафона. Подумал бы, какие тут марафоны? А дома вместо жены моет полы и посуду, пока та в гостях или в ресторане с подружками, и все про это знают. Но зато Светке можно все, что захочется. И котенка тоже.

Пакет с котятами лежал в яме за офицерским общежитием. «Они недавно родились, видишь, совсем маленькие, а хозяйева, гады, выкинули», — рассудила Светка. Двое задохнулись, а еще два были живыми. Светка взяла белого. Оля знала, что ей животных нельзя — от них грязь. Правда, от Ярика тоже грязь, но это родителей не беспокоило. А котят нельзя. Но рискнула, принесла домой крошечную серую писклю, показала брату, а тот разорался, как ненормальный, требуя питомца. Пришлось оставить под Олину ответственность. Потом мама делала вид, что Оля и ее найденыш не существуют, тетя Алла тоже не захотела с ними возиться, и только рыжая Вера показала, как набирать в пипетку молоко и выдавливать его в котеночий рот. Но у Оли плохо получалось.

И он плакал. Плакал и плакал, плакал и плакал, днем, ночью, всегда. На третьи сутки Оля не выдержала, отнесла коробку с котенком к чужой двери, позвонила и спряталась. Но еще долго слышала в голове голодный плач. И сейчас иногда слышит. Слабачка.

— Мам, а если к бабушке летом не поедем, то можно зимой? Я там учиться буду, а?.. В Саратове... Я буду хорошо учиться и слушаться... Мам?..

Утром мама недовольно гремела посудой и распекала Олю за вчерашние мокрые ноги Ярика, а маленький поганец изо всех сил шмыгал носом и кашлял, изображая смертельно больного. Подумаешь, у сопляка сопля, прям трагедия.

«Яричек — болезненный мальчик, — при любом удобном случае жаловалась мама педиаторше из госпиталя. — Он недоношенный у меня». И заводила вольтынку про «врачей-сволочей», которые недосмотрели. Теперь мама вываливала это на Олю, пока не спохватилась, что та опаздывает, и не вытолкала ее за дверь. С рюкзаком, но без сменных туфель. Оля потопталась возле подъезда, раздумывая, как бы вернуться и прогулять ненавистные уроки, но ничего дельного в голову не пришло. Значит, придется плестись в город.

Своей школы у гарнизонных детей не было, они учились с местными ребятами. И с духоборскими тоже, но этих можно было по пальцам пересчитать. Духоборы — белянькие, русские по происхождению и говорят по-русски без всякого акцента, а все равно словно иностранцы. «Село!» — презрительно фыркала Светка. «Чужаки», — думала Оля. Хотя и она со Светкой, и все другие русские-белорусские-украинские люди были чужаками в горах.

И все же местных Оля понимала лучше, чем загадочных духоборов. А отъявленные паршивцы, что обстреливали русских девочек металлическими пулями из рогаток на улице, в классе вели себя вполне прилично. С некоторыми Оля даже приятельствовалась, а с Изольдой дружила.

Изольда жила в Шанхае — на самой окраине военного городка, где стояли унылые приземистые бараки с палисадниками. Оля пару раз ходила к ней в гости, жадно высматривала, как устроены семьи непохожих людей, ведь папа Изольды хоть и прапорщик, а все-таки местный. И Изольдина мама — местная. Стены в их тесной квартире были увешаны картинами с Иисусом и Девой Марией, гирляндами из искусственных цветов и портретами индийских актеров. Изольда называла их всех по именам и Олю учила. Иногда из города приходила Фая — двоюродная сестра Изольды, показывала девочкам, как рисовать красный кружочек над переносицей и кокетливо стрелять глазами. Пела тарабарские писклявые песни, подражая индийским актрисам, а Оля жгуче завидовала ее таланту. Худая смуглая Фая, похожая на плутоватую цыганку, уже окончила девятый класс и казалась недосягаемо взрослой и женственной. Но не задавалась, с удовольствием возилась с сестрой и ее подружкой. Правда, когда Изольдин папа узнал, запретил дружить. Наверное, потому, что Оля — русская.

Изольда сильно переживала из-за отцовской несправедливости, но Оля привыкла к потерям и не сомневалась, что ее сглазили. Рыжая Вера с помощью карт и ясновидения как-то нагадала маме семейное проклятие. Тогда все подумали на папин тяжелый характер и только Оля — на себя.

Оля обогнула дом, прошаркала мимо сухого замусоренного фонтана и тоскливо оглядела темную крышу Дома офицеров за деревьями. Дом офицеров — гарнизонный клуб. Там колонны у входа, окошечко кассы в белой стене, рукописные гуашевые афиши под стеклом: «Враг мой», «Жажда мести», «Зита и Радж». Еще одно напоминание.

Да, есть венец безбрачия, а у Оли — бездружия.

Был же до Изольды и Вити Кавицкого Паша Кофман. Пашин папа работал начальником гарнизонного Дома офицеров, поэтому Оля видела все фильмы, бывала на всех концертах в честь Девятого мая, Дня афганца и Двадцать третьего февраля и даже два раза читала со сцены стихи о войне. Рыжая Вера тоже выступала — пела про белый танец и «Господа юнкера, кем вы были вчера?»», а мамин начальник майор Еганян декламировал: «Жьжи меня, и я вернусь, только очень жьжи!»

Когда мама пришла работать машинисткой к Еганяну, получилась некрасивая история. Он дал ей перепечатывать списки военных, которых будут хвалить на построении, — три листа неразборчивых фамилий простым карандашом. Мама не понимала его маленький заковыристый почерк, но стеснялась переспрашивать и печатала наобум, а потом генерал зачитывал с трибуны очень нехорошие слова. Потому что она перепутала буквы. И вместо самого Еганяна получилось другое слово, ругательное.

Оля вздрогнула — до сих пор не забыла, какой долгий страшный скандал папа тогда закатил маме. Кричал, что мама его опозорила на всю дивизию. А Пашин папа, наоборот, смеялся и повторял: «За хорошую шутку все можно простить». Веселый был. В тот год зарплаты плохо давали, и он придумал фокус, тоже вроде шутки: «Первого апреля распущу слух о своей внезапной смерти. Пока начальство разберется, что это розыгрыш, жена успеет все задолженности получить». И правда — умер. А жена его уехала и Пашу увезла.

Вот и получается: Паша, Изольда, Витя Кавицкий. И Светка, но она не в счет. Она с Олей дружила редко, только если ссорилась с другими девочками. И дружила так себе, вполсилы — больше выделялась «Монополией» и компьютерной приставкой. Может, ее грушами угостить? Пользы от этого никакой, но, раз сняла их с дерева, надо что-то сделать.

Оля проверила карман, убедилась, что груши на месте, и поплелась к КПП. На воротные звезды и не посмотрела, не подняла взгляд от своих желто-коричневых резиновых сапог. «Поносная расцветочка», — при случае хихикала Светка. Оля эти сапоги терпеть не могла, но ботинки не просохла после вчерашней беготни по горам, а больше у нее ничего не было.

Сапоги перли напролом, разбрызгивая лужи и бледное стеклянное небо в них. Иногда попадались хлипкие обрывки облаков, их Оля тоже топтала. На городской улице в лужи полезли куски кирпичных стен, железных крыш и кованых надкрылечных козырьков. Иногда — вывески: «Ремонт обуви», «Пасуда — кастрюли», «Соса-сола». Раз — и опускается Олина рифленая подошва. Два — брызгает из-под нее гадкая вывеска. Раз — Оля припечатывает колесо и половину капота черной «Волги». Два — «Волга» разлетается вместе с серебристой фигуркой оленя над радиаторной решеткой. Раз...

Оля остановилась перед узким темным проулком.

Чутко прислушалась.

Ясновидение кричало в Олиной голове, что ходить туда опасно, но, как назло, не было ни одного прохожего, чтобы увязаться за ним. Подождать? Бесполезно. Этой дорогой срезали путь только школьники, но они давно за партами. Все, кроме Оли, которая опоздала и теперь всматривалась в длинный тесный проход между двумя высокими заборами. Она уже не сомневалась, что там кто-то притаился. Кто-то в полутемном тоннеле. В ловушке. Может, повернуть назад?..

— Чё встала посреди дороги?

Высокая девчонка грубо оттерла Олю в сторону и шагнула в сумрак. Оля судорожно сглотнула мятный запах ее дезодоранта, скользнула взглядом по белоснежным кроссовкам, тесной юбке чуть ниже попы, виниловому рюкзаку и ярко-красной дутой куртке.

— Не ходи туда!

Девчонка обернулась. Светлый хвост на ее макушке взлетел полукругом.

«Барби!» — Оля глазам не поверила.

Но через секунду поняла, что это всего лишь мадамская дочка. Так тетя Алла говорила про ее мать: «Эта мада-а-ама». Презрительно. Рыжая Вера хихикала, а Олина мама волновалась: все знают, что некоторые дамочки очень жадные до чужих мужей, тетя Алла подтвердит. Это Вера может легкомысленно отмахиваться, потому что своего унылого Костю держит за горло ежовой рукавицей, а Олина мама никого не держит.

Оля несколько раз видела мадамскую дочку издали и только один — вблизи. Пару недель назад, в бане. Но тогда ее золотистые волосы висели тусклыми сосульками, а модельную фигуру скрывал обвислый спортивный костюм. Это понятно, туда ходят мыться, а не красоваться.

Горячей воды в городке давно не было, поэтому местные придумали сделать баню при котельной. Платишь немного денег, сидишь на длинной лавке в общем коридоре, ждешь очереди, а потом целый час моешься в одной из душевых комнат. Вернее, там две комнаты — тесный предбанник, тоже с лавкой, и сам душ. Оля ходила с мамой и тетей Аллой раз в неделю — по субботам. С утра мылись, а после делали дома генеральную уборку. Умнее было бы наоборот, но мама велела так.

И вот сидели они на общей лавке с одного ее края, а с другого — Мадама с подружкой и дочкой.

«Представляешь, взяла Серезин станок и побрила ноги! — в полный голос жаловалась Мадама и кивала на свою девчонку. — Ну не дура?! Не удивлюсь, если и в подмышки полезла. Он лицо этим станком бреет, а она — подмышки!» В этот момент из крайней кабинки вывалились три старшеклассника, услышали и дружно загоготали. Оле стало нестерпимо стыдно, словно это ее опозорили перед мальчишками, она ведь тоже тайком брала папину бритву, потому что интересно. И голос Мамамы звучал точь-в-точь как мамин. И смотрели мальчишки на нее — на Олю. А Мадама их даже не заметила: поднялась, подхватила объемный пакет,

в котором звякнули бутылки, и пошла в освободившуюся кабинку. Правильно, они с подружкой станут плескаться, пить пиво, курить и хохотать. А Олина мама с тетей Аллой будут их осуждать за тонкой стенкой, прикрывая друг друга полотенцами от местных парней, что подглядывают через окошко под потолком. Только кому надо это подглядывание, если рядом Мадама? Она-то веселее, наверняка не такая рыхлая и неуклюжая и уж точно не приволокла в душ кучу грязного белья для стирки. А у Олиной мамы в пакетах как раз оно. И у тети Аллы целый узел.

Олю вымыли первой и отправили потеть в предбанник. Она смотрела на клубы пара, облепившие тусклую лампочку, и размышляла о подмышках мадамской дочки. Там наверняка есть что сбривать, хоть девчонка эта только на год старше Оли. Но она — как это называют? — акселератка. С заметной грудью и ногами манекенщицы из телевизора.

— Не ходи туда, — повторила Оля, глядя на девчонкины ноги — ноги Барби. Обе целые, в колготках с лайкрой. Сто процентов, эти тугие колготки телесного цвета от носастой Нонны, и все остальное тоже.

— Почему? — Мадамская дочка заглянула в узкий проход между заборами.

— Там... — Оля замялась.

— Что?

— Трясун!

— Ага, трясун. И бабайка. Ну тебя!

— Настоящий трясун! Ты разве не знаешь? Дурной мужик. Снял штаны, стоит и трясет.

— Что трясет?

Оля покраснела, прикусила губу.

— А-а-а! Извращенец? — догадалась мадамская дочка. — Он нам ничего не сделает.

В этом Оля была совсем не уверена.

Придурочных дядек в городе хватало, и старались они заголяться именно перед русскими девочками. Знали, что легко отделаются — соотечественники в обиду не дадут, если местных детей не трогать. А дочки военных все равно вырастут испорченными, такое у них воспитание. Так думали в городе.

В военном городке тоже особо не волновались, считали трясуннов безобидными. Прогоняли при случае, но и только. «Чему удивляться? — говорила рыжая Вера. — Местные парни до сих пор невест воруют. А до свадьбы им гулять не позволено, вот гормоны-то и ого-го-го! Большая психика».

Оля не слишком понимала про гормоны и психику, но знала наверняка, что трясунны опасны. Один такой пришел в городок, спрятался в подъезде, ухватил еще маленькую Олю за шарф — крепкий шарф узлом на спине, мама сама вязала — и поволок в подвал. Кто разберет, зачем Оля ему понадобилась, но орала она как стадо недорезанных свиней. Еще повезло, что дядька по башке не стукнул и что соседка с первого этажа

услышала и выскочила защищать Олю, размахивая трубой от пылесоса. Тогда трясун убежал, а Оля твердо уяснила: в этом паршивом месте нужно быть настороже.

Поэтому она сказала:

— Сделает. Я знаю.

Мадамская дочка посмотрела с интересом:

— У тебя с извращенцами старые счеты?

«Старые счеты» прозвучало по-ковбойски. Или по-полицейски. Оле понравилось, она даже почувствовала, что стала чуть больше весить. И на всякий случай приподнялась на носках, чтобы казаться выше.

— Ну-у-у, был один случай...

— У меня тоже. Надо отомстить!

— Как это?

— Цас узнаешь.

Девчонка-Барби, которую на самом деле звали Наташей, приказала вооружиться. Они отступили от тревожной темноты между заборами и вернулись на два дома назад, к куче гравия у кособокой металлической калитки. Дрожащими руками Оля сгребала острые камни и набивала ими карманы, каждую секунду ожидая, что вот сейчас заголасит хозяин или всполошатся соседи. Она то и дело озиралась на калитку, цепляясь взглядом за табличку с числом «шестнадцать». Наверное, это номер дома. А еще это возраст настоящей Барби — возраст свободы и истинной молодости. Наташе нет шестнадцати, но она рослая и вполне сойдет за девушку. Не то что Оля.

Наташа вскинула голову и ухмыльнулась. В руке она держала увесистый обломок кирпича. Оля хищно оскалилась в ответ, не чувствуя губ и вообще лица, а только приятную муравьиную щекотку под волосами и у основания шеи. Ее захлестывал восторг вперемешку с ужасом. Хотелось орать, прыгать, кататься по земле, лезть на деревья — все что угодно, только бы действовать.

Через пару минут обе они вернулись к опасному логову трясун. Прижались спинами к влажным доскам забора, уперлись в них затылками и замерли.

— На счет «три». — Голос Наташи звенел от возбуждения. — Три!

Девочки ворвались в проулок, швыряя камни и подхлестывая себя диким визгом. Неслись, как безумные, выкрикивали нечленораздельное, даже не целились толком. Обе — в восторженной злобе, словно в душном облаке. Дядька-трясун подхватил штаны и бросился прочь, спотыкаясь и подвывая.

— Сволочьсволочьсволочь! — вопила Оля.

— А-а-ау-уй-и-и! — подхватывала сиреной Наташа.

Их ноги скользили на прелой листве, из-под подошв летели комья грязи, а из рук — быстрая кусачая щекбенка. Когда девочки пробили тоннель насквозь и выскочили на соседнюю улицу, трясун и след простыл.

— Теперь будет знать, — хрипло выдавила Наташа.

Она согнулась, пытаясь выровнять дыхание. Оля скакала вокруг и никак не могла остановиться. Она обожала Наташу. И себя. Себя с Наташей вместе.

И хотела еще.

В классе к Оле никто не подошел, не удивился ее грязным ладоням, жаркому румянцу и растрепанным волосам, не спросил о причине пропущенного урока. Неудивительно, то был урок грузинского языка: по программе положено, но никому не нужно. Оле нравились округлые буквы с хвостиками и завитушками, она даже научилась их вырисовывать, но понимать не научилась. «Жужуна цвима пепела» — вот и все знания, и те с изъясном. «Рвеули» — тетрадь, «дэда» — мама, «мама» — папа, «сакартвела» — хм...

Городская школа висела над самым обрывом и немного напоминала вампирский замок из комиксов — стенами из крупных серых блоков, низкой двухэтажной серединой и двумя высокими пристройками по краям. Работала школа только в первую смену, два месяца осенью и два весной, а в холодное время года закрывалась. Директор говорил, что отапливать нечем. Вот и получалось немного нормальных уроков по краям и длинное домашнее обучение в середине — ерунда, а не обучение. Поэтому можно было филонить с чистой совестью. Оля так и делала.

На втором уроке историк долго и нудно объяснял, что Емельян — это не армянская фамилия, а русское имя. А фамилия — Пугачев. Толстая Варсик горячилась и размахивала руками, подражая героиням сериала про Марианну. Но спорила не всерьез, а для смеха. Оля подперла подбородок кулаком, прикрылась учебником и задумалась о Наташе.

«Ты лучше со мной не показывайся, — сказала Наташа возле школьной калитки, — а то сплетнями так замажут, что не отмоешься».

«Почему это?» — спросила Оля.

Наташа только хмыкнула, мол, сама знаешь, и упорхнула. Конечно же, Оля знала, с подробностями и мамы-Веры-тети-Аллиными комментариями. Наташину мать они обсуждали с особым вкусом, называли не только мадамой, но и шлендрой, прохиндейкой, змеей и совсем грязным словом. Но это у Олиной мамы на кухне, а если встречали на улице, то молча провожали глазами или многозначительно переглядывались.

Переглядываться было отчего. Ходила Мадама в длинном черном плаще, к которому прилагались красные сапоги с острыми тонкими каблуками, красные же перчатки и шляпа. И у подружки ее тоже была шляпа, а больше ни у кого не было. И когда они с этой подружкой появлялись на единственной, а потому центральной улице городка, все оборачивались. Но не только из-за одежды, дробного стука каблуков и наглых блестящих глаз — репутация Мадамы алела ярче ее сапог. «Другая бы со стыда сгорела, а эта выделывается!» — презирала ее тетя Алла. Оля давно поняла, что презирать приятно, особенно если есть за что.

Главным грехом Мадамы считалась ее работа официанткой в местном ресторане «Евростиль». «Кабак», — говорил папа. «Мавзолейчик» — называли все остальные. Может, потому, что находился он на площади с памятником Ленину, а может, из-за отчества хозяина — Ильич. Хозяин не спорил, русских принимал с удовольствием, сам брал у них заказы, выносил в зал блестящий алюминиевый таз и белое хрусткое полотенце, если военные начальники желали помыть руки дорогой водкой. Рыжая Вера там бывала и все это видела. И богатые местные мужчины туда приходили каждый вечер, даже чаще русских.

«Официантка?! Я вас умоляю! А то вы не знаете, чем она занимается!» — фыркала про Мадаму тетя Алла. «Чем?» — встревала Оля. «Не твое дело, — отвечала мама и спохватывалась: — А ну-ка, быстро допивай чай и дуй отсюда, нечего взрослые разговоры слушать!» Но Оля все равно слушала и делала выводы. По всему получалось, что пить, есть и танцевать в городском ресторане можно, а работать нельзя. И дружить с местными мужчинами не слишком плохо, но если не как Наташина мать, а как рыжая Вера. Был же у нее кавалер — дядя Бино, которого Ярик называл Биноккио. Но и муж Костик у Веры был, поэтому никто не сомневался, что она просто дружит. Она ведь поет на концертах, талантливая, имеет право на поклонников. А тут — официантка!

Но если бы только это. Когда Мадама из ресторана уволилась, то стала военнослужащей, а по совместительству — «подстилкой». Оле сначала почудилось слово «пастилка», даже смешно. Белая пастилка жвачки «Джусифрут». Мадаму и ее подружку приглашали в генеральскую баню с парной и бассейном, чтобы начальникам было веселее мыться. Но подружку быстро перестали, скорее всего, потому, что она высоченная, бугристая, громогласная и пьет как лошадь. «Она же медсестра из госпиталя, привыкла к чистому спирту», — сказала про это тетя Алла. И добавила, что теперь подружка замечена в общежитии у лейтенантов. «Бедные мальчики!» Это тоже плохо, но не так ужасно, как ресторан и «пастилка».

А потом Мадама снова отличилась: нашла себе покровителя. Это событие чуть ли не каждый день обсуждалось мамой и ее подружками, причем тетя Алла всякий раз так возмущалась, что покрывалась пятнами, а из ее кривозубого рта летели капельки слюны. «Эта лярва нарочно со всеми манатками к своему полковнику переехала, жену изображает, будто у него законной семьи в России нет!» — и: «Сережей называет, демонстративно по имени при посторонних, представляешь?» — и: «Неужели думает, что он с порядочной женщиной разведется и на ней женится?!» — и еще: «У него дети, между прочим!» — и напоследок: «Всего-то любовница, а гонора!»

Оля все это знала, но никогда раньше не думала о мадамской дочке. Наташа словно не существовала, о ней не сплетничали, даже не вспоминали с притворной жалостью — пустое место для мамы, тети Аллы, других женщин и гарнизонных детей. И для Оли тоже.

Но теперь все изменилось. Надо разыскать Наташу и сказать что-то особенное, правильное, но не про репутацию ее матери, а иное. Оля не знала, как надо говорить, чтобы человек почувствовал дружбу. Надеялась, что слова сами появятся.

Вместо Наташи на большой перемене нашлась Светка. Она подпи- рала стену и ела булку с яблочным повидлом.

Нормальными обедами в нормальной столовой школа похвастаться не могла, зато на первом этаже перед входом стояла кособокая парта, а за ней восседала пожилая тетка с громадными волосатыми ручищами, редкими усиками и сросшимися черными бровями — Тетя Буфет. Она принимала мелочь и ссыпала ее в стеклянную банку, а из другой банки — облепленной чем-то некрасиво-коричневым по стенкам и горлышку — зачерпывала ложкой яблочную жижу и шлепала на копеечную сдобную булку. На вид вроде грязи, но по вкусу очень даже приятно. Только у Оли часто не было денег, а есть к полудню хотелось до изжоги, вот она и не спускалась к Тете Буфету. Но раз Наташи нет на этаже, и в спортзале, и в туалете, и возле учительской, что было делать?

— Булки сегодня черствые, без изюма, — сообщила Светка, пере- крикивая гвалт в раздевалке.

Оля молчала, высматривая высокий светлый хвост Наташи в толпе старшекласников.

Светка лениво отлепилась от стены и подошла вплотную.

— Черствые, говорю!

— Мне не надо, — отмахнулась Оля. — Ты не видела...

Кого? Фамилию Наташи она не знала. Про «мадамскую дочку» тем более не объяснишь.

— Мы с папой сегодня в пельменную пойдем. Хочешь с нами? — Светка откусила от булки и окинула Олю милостивым взглядом.

Пельменная! Голубой вагончик позади рынка, а там — огромные та- релки с мясистыми домашними пельменями, плошка соуса из сметаны, чеснока и рубленой кинзы, стакан холодной колючей фанты. У Оли про- тяжно булькнуло в животе, а во рту собралось столько слюны, что сразу не проглотить. Олины родители обходили пельменную за километр, по- тому что антисанитария, холера и чума, а Светкиному папе это неважно.

Оля жгуче завидовала Светке, оттого что у нее добрый, щедрый папа, но вдруг подумала о его глупых розовых шортах, о нарочитой веселости и какой-то униженной готовности кормить и развлекать всех дочкиных подружек, лишь бы та была довольна. Подумала с легкой гадливостью.

— Ну что? — Светка не привыкла к долгим паузам.

В глазах ее рта собрались коричневые катышки. Ясно, что повидло, но если не знать...

— Не могу, у меня дела.

— У тебя?! И какие? Чем ты таким важным занимаешься?

— Чем надо.

— Ну и дура!

Оля не ответила, пошла прочь. Нет, Наташи здесь точно нет.

И на следующей перемене она не нашлась. И на следующей...

После уроков Оля нарочно ждала возле калитки, пока школьный двор не опустел. Бежали мимо галдящие смуглые ребята, важно вышагивали девочки, но тоже торопились поскорее выскользнуть на улицу, подальше от дребезжащих звонков и холодных классов. Светка прошла с двумя подругами и нарочно расхохоталась, поравнявшись с Олей. Только Наташи не было, и Оля почувствовала себя обманутой. Словно кто-то большой и добрый погладил по голове, пообещал любить и баловать, а потом оттолкнул: «Иди, девочка, не мешай, прощай навсегда».

На ступеньку школьного крыльца села ворона и покосилась на Олю безразличным блестящим глазом. С жестяного подоконника сердито гаркнула другая, и обе сорвались вверх, к толстым черным проводам между бетонными столбами. Оля смотрела, как вороны усаживаются рядом и превращаются в неподвижные силуэты — чернильные пятна на фоне нудного, мрачного неба. Будто строгие наблюдатели, которые заранее уверены, что ты ноль без палочки. Только и они ничего не значат, быть им кучкой истлевших перьев под одиноким деревом.

«А если я сама съем эти чертовы груши?» Оля сунула руку в карман, пошарила и испуганно вывернула гладкую скользкую подкладку наружу. Целая, дырок нет. И груш тоже нет.

«Украли!» — польхнуло в голове. Но это глупо, это никому не нужно. Значит, потеряла, выгребла вместе с камнями и бросила в дядьку-трясуна сегодня утром. Так и было, наверняка так и было! А теперь через проулок пронеслась целая толпа школьников. Они наверняка затоптали груши в мягкую после дождя землю или зафутболили в опавшие листья. Надо найти, обязательно, иначе станет совсем плохо. Оля не знала, как именно плохо, и даже не пыталась это обдумать. Паника толкнула в спину, она побежала.

В этот раз узкий проулок не пугал темнотой и неизвестностью, Оля нырнула в него, не сбавляя скорости. Присела, разворошила лежалую бурую листву по краю тропинки, морщась от острого запаха плесени и грибов. Камень, еще один, яблочный огрызок, ветка, обертка от шоколадного батончика, камень... Она медленно продвигалась вперед на полусогнутых, то и дело вытирая грязные ладони о штаны. Камень, камень, ка... груша! Твердая, коричневая, сморщенная. Так, дальше... Э-э-эх! Влажный дождевой червяк скользнул между пальцами, бордовый и склизкий, будто мясная жила. Оля вскрикнула, отшвырнула его в сторону и почти сразу заметила вторую грушу. А потом и третью. Почти три орешка для Золушки: тоже волшебные, но злые.

За спиной кто-то усмехнулся.

Попалась!

Оля застыла, стоя на коленях в куче листьев, и только груши ласково согревали ладонь. Ничем они не помогут, и бежать поздно. Сейчас грубая тяжелая лапища сграбастает за капюшон, потащит, бросит головой об забор...

— Ты чего в мусоре копаешься? Думаешь, тот дядька кошелек уронил, когда от нас улепетывал? — спросила Наташа.

Оля вскинулась навстречу ее голосу и заулыбалась, как слабоумная. Такая же бессмысленная улыбка растекалась по ее лицу из-за Вити Кавицкого, сама, против Олиного желания, — немного стыдная, сиропная.

— Нет, это я кое-что потеряла. Но уже нашла.

— Покажешь?

Оля поднялась, протянула руку и разжала пальцы:

— Это дикие груши. Я не знаю точно, но думаю, что они ядовитые.

— Интересно. — Наташа взяла одну и поднесла к глазам. — И почему ты так думаешь?

— Ты когда-нибудь была на горе за танковым полком? На вороньем кладбище? Они оттуда.

— Нет, не была. Но звучит круто. — Наташа подмигнула Оле, быстро сунула грушу в рот и начала жевать.

Оля хотела закричать, но поперхнулась неожиданно твердым воздухом. Он застрял внутри между ключицами — не протолкнуть. И уши заложило, будто в них натекла вода. Оле показалось, что она тонет, но не в быстром горном потоке, а в медленном темном киселе, который чуть шелестит и бумажно похрустывает. Смутно, странно, знакомо. «Жуки», — хотела сказать Оля, но не смогла. И только когда Наташа потянулась за второй грушей, она рванулась назад, вверх, и заорала во всю силу:

— С ума сошла?! Выплюнь! Ты умрешь!

Наташа подняла палец, что означало: «Подожди» — проглотила и недовольно скривилась:

— Не умру, уж поверь на слово. Но больше не буду. Мерзкий вкус, даже не знаю, как описать. Гниль какая-то... — Она задумалась. — Когда малину с клопом случайно съешь — похоже. Только этот как сто клопов. Ты не пробуй, не понравится.

— Я и не собиралась, — соврала Оля.

Наташа весело вскинула тонкую бровь, но промолчала.

Они пошли рядом. Из проулка и дальше по пустынным городским улочкам в сторону военного городка. Оля потела и сопела, стараясь не отстать от Наташи. А та вроде и не спешила, но длинные ноги позволяли ей шагать широко, с умопомрачительной легкостью и красотой. Оля смотрела на кроссовки подружки и удивлялась их белоснежности — к Наташе не приставала грязь, ни в каком виде. Но груши...

Возле церкви Наташа повернула к гранитному фонтанчику, чтобы запить «эту твою отраву». Пока она жадно глотала ледяную воду, наклонившись и уронив в мокрую чашу кончик блондинистого хвоста, Оля

подыскивала нужные слова — только бы не сморозить глупость. А все равно сморозила:

— Слушай, может, два пальца в рот?

— Чего?! — Наташа резко выпрямилась.

— Чтобы тебя вырвало. Эта груша правда ядовитая, зря не веришь.

А если вырвет, то она не успеет подействовать. Пожалуйста! Если ты умрешь или сильно заболеешь, я буду виновата!

Наташа поежилась, глянула в сторону. На лавке у церковного входа неподвижно сидели три местных старика. Одинаково бородатые, с лицами, похожими на ореховую скорлупу, они задумчиво рассматривали девочек тусклыми птичьими глазами. Оле старики показались размытыми, будто чуть подтекла акварельная краска. И церковь, и резной каменный крест перед ней, и пара голубей на карнизе, и тетка в платке, идущая мимо, но больше всего — старики. Один поставил трость между колен и оперся на нее подбородком, второй выпрямил спину, словно такую же трость проглотил, третий скрючился, уставился исподлобья. И все в темных костюмах, как в трауре. Только высокие каракулевые шапки — светлые, седые. Оля вдруг вспомнила анекдот рыжей Веры: «Знаете, почему генералы и полковники носят каракулевые шапки? Потому что они на мозги похожи». Взрослые смеялись, а Оля подумала: разве это не страшно — такое на голову надевать? Не страшно — мозгами наружу?

— Не буду я умирать, успокойся. — Наташа отвернулась и вытерла губы рукавом куртки. — Я же не Володик.

— Какой Володик?

— Вот этот. — Оля проследила за взмахом ее руки и заметила буквы, выбитые на боках фонтанчика. С одного бока — армянские крючки, со второго — грузинское кружево, с третьего — местные узелки, а на тыльной стороне — родные и понятные: «В память о Володике».

— Это они классно придумали, ставить питьевые фонтанчики в честь умерших. Любой человек попьет и спасибо скажет, особенно если лето и жара. Настоящая память. А у нас что? Уродская каменюка за оградкой и тряпичные цветы. Везет Володику, даже завидно. — Наташа сняла, ссутулилась, и Оле отчего-то стало ее жалко. А еще тревожно, что сейчас она уйдет, чтобы потом только кивнуть издали в школьном коридоре или на единственной улице городка. И дружба не получится.

— Хочешь, покажу воронье кладбище, про которое рассказывала? — жалобно спросила Оля.

Наташа снова покосилась на стариков, а потом запрокинула голову, всматриваясь в мутное низкое небо.

— Снова дождь.

— Ну и что? Он пройдет. А там здорово! Клянусь! Это не очень далеко, на самый верх подниматься не надо, а если перейти реку...

— Завтра.

— После уроков?

— Угу.

Завтра! Они снова встретятся завтра! И вместе пойдут гулять! Оля станцевала бы на радостях что-нибудь дикое, какую-нибудь ламбаду, но нельзя так уж выставлять напоказ счастье, а то Наташа передумает. Поэтому Оля лишь кивнула. Но липкую глуповатую улыбку все равно спрятать не смогла.

Чадный запах кипящего подсолнечного масла накрыл Олю еще в подъезде. Она глотнула воздух и выловила из него чуть заметный аромат ванильной сдобы. Во рту стало вкусно, желудок сжался от голода. Хлопнула дверь, сапоги полетели в одну сторону, рюкзак — в другую, а сама Оля понеслась по длинному коридору в ванную. Кран натужно захрипел, сплюнул две ледяные капли в доверчивую Олину ладонь, но и только — воды нет, опять. Значит, набирать в ковшик из ведра, лить сначала на одну руку, потом на другую, ронять мыло на кафельный пол, шарить под ванной неумытыми пальцами, собирая на них пучки волос и ворсистую пыль. Но это ерунда.

— Ерунда-ерунда-ерунда! — пропела Оля.

Мама жарила мангабы. На самом деле она выкладывала в кипящее масло обыкновенные сырники, а мангабы придумал Ярик, когда обжегся, как мальчик из книжки «Легенды народов Южной Америки». Обложка черная, с черепом и крылатой змеей, иллюстрации внутри и того хуже — полуголые тетеньки убегают от крокодилов, чудовища с огненными волосами, острозубые дети... В той книжке одна женщина пекла на огне мангабы — Оля представляла себе такие длинные булочки, но, скорее всего, ошибалась, — а ее капризный сын не захотел подождать, когда они остынут, схватил одну и сунул в рот. Да так обжегся, что начал кричать, потом хрипеть, а потом превратился в громадную птицу и улетел навсегда. Ярик не улетел, только ныл весь вечер, бегал к зеркалу и разглядывал язык. Жаль, очень жаль.

С тех пор Ярик не лез к горячим сырникам. И сейчас смиренно сидел в уголке, облизывал палец, макал его в сахарницу и снова облизывал. Мама суетилась над брызгучей сковородой, тетя Алла неспешно курила в форточку и бубнила на одной ноте, будто устала без конца пересказывать одно и то же:

— ...Я и говорю в финчасти: «Товарищ майор, а почему это некоторые премию получили, а некоторые — нет?» И на ляву эту смотрю с намеком. Еганян глазенки опустил, ответить-то нечего. А она морду свою лисью отвернула и тихонько так: «Наверное, работают плохо». И ухмыляется, гадина! Хотела я спросить, какую работу она имеет в виду, может, по вызову, но сдержалась. А надо было.

— Кош-ш-шмар! — вставила мама.

— И стоит, главное, в форме, а из-под воротника кружева торчат. Напялила под китель шелковую блузку да еще брошкой с камнями заколола. И хоть бы кто замечание сделал. Ходит, задом вертит нарочно, чтобы меня побесить.

«Наташину мать обсуждают», — поняла Оля. В другой день она бы и не заметила, но сегодня нестерпимо захотелось вмешаться, защитить, сказать про Наташу и про то, какая она замечательная:

— Я с одной девочкой познакомилась... — начала Оля.

— А, пришла. Руки помой, — обернулась от плиты мама.

— Я помыла. Я сегодня...

— Сапоги убрала?

— Я в школе...

— Слушай, ты какой язык учишь, английский? — влезла тетя Алла.

— Да.

— Прочитай, как правильно называется. — Она протянула тонкую белую коробочку.

Оля взяла, повертела в руках. Сигаретная пачка. Маленькая, как игрушечная, с двух сторон голубоватые веточки с листиками нарисованы и буквы.

— «Во-оджи», — неуверенно протянула Оля.

— Еще одна! «Вог»!

— Я же говорю, «Воджи», — снова обернулась мама.

— Ты и про желтое «Мальборо» говорила «лич», а там «лайт».

— Мам, когда мангабы? — захныкал Ярик.

— У нас в школе, вернее, еще до уроков... — снова завела Оля.

— Я целый блок взяла. — Тетя Алла потрясла пачкой. — Тонкие, прямо такие... аристократичные. А сегодня в курилке смотрю, и мада-а-ама эта из сумочки «Вог» тянет! Даже курить расхотелось.

— Есть одна девочка...

— Ма-а-ам, — опять Ярик, — скоро уже?

— Ярик, дай сказать! — взорвалась Оля.

— Отстань, тупая Олька!

— Сам отстань, засранец!

— Ма-а-ам, скажи ей!

— Заткнись!

Мама подхватила влажное посудное полотенце и резко повернулась. Тяжелая вафельная ткань хлестнула Олю по лицу. Не слишком больно, но очень обидно. Второй удар скользнул по стене и опрокинул сахарницу — Ярик увернулся.

— За что?! — взвизгнул он.

— А ну, пошли с кухни! — закричала мама. — У меня сейчас голова от вас лопнет! Я устала, боже, как я устала, не могу больше! Собачатся, собачатся... Чтoб вы провалились! Позову, когда будет готово. Вон с глаз моих!

— Правильно, — одобрила тетя Алла.

Мама шваркнула миску из-под теста в жестяную мойку, швырнула следом ложку, а что дальше было, Оля не увидела. Она вскочила, пнула табурет и ушла в комнату. А там села за письменный стол, приложила ладони к горячим щекам и беззвучно заплакала.

Оплеухи — ерунда, невыносимой была беспомощность, и всякий раз, когда мама брала в руки полотенце или папа отвешивал звонкие подзатыльники, Оля задыхалась от ярости и мерзкого чувства, что она, Оля, хуже таракана или мокрицы. Слабачка. Вспоминалась зубастая тварь из той передачи, где рассказывали про китайскую пытку: человека сажают на ведро с крысой, а та, чтобы выбраться, прогрызает путь через его тело. Оля примерно так и чувствовала несправедливость — зубастой крысой у себя внутри.

И ничего с этим нельзя было сделать.

Когда Оля была младше, мальчик из соседнего подъезда толкнул ее с гаража на камни, а папа сказал: «Чего ты мне жалуешься? Хочешь, чтобы я пошел с ним драться? Руки-ноги есть, дерись сама». Тогда Оля поняла, что защиты ждать неоткуда, и научилась давать сдачи. Но если она попробует дать отпор папе или маме, что они сделают? Вообще прибьют, наверное.

«Никогда не буду бить своих детей, никогда не буду бить детей, никогда не буду!»

За спиной завозился Ярик, с полки посыпались книги. Оля закрыла глаза, легла головой на исцарапанную столешницу и принялась сочинять письмо. Это было очень длинное письмо, она его думала и думала много дней, недель, месяцев, но на бумаге не писала. Все равно не дойдет.

«Бабушка, я здесь больше не могу. Я сказала маме, что хочу жить у тебя, а она ответила: “Да кому ты там нужна?” Это значит, что мы не поедем в твой Саратов. Приезжай к нам сама, забери меня. Позапрошлым летом ты говорила, что уже старая для воспитания детей, но я сильно выросла. Я буду у тебя убирать и подрабатывать в кафе — танцевать там — или мыть машины. И я очень мало ем».

Желудок снова скрутило. От голода, но не только. Наташа! Если Оля уедет, то они уже никогда не встретятся. Вот бы взять ее с собой! Только она не захочет и бабушка тоже. Интересно, как Наташе живется с Мадамой и ее полковником-любовником? Одежда у нее модная, но ведь счастье не только в одежде. Надо завтра осторожненько разузнать, будто между делом.

— Обедать! — позвала мама.

Тетя Алла ушла, напоминала о ней только пепельница с двумя скукоженными окурками. Пусть катится подальше! Вечно лезет, словно у нее своей квартиры нет. Ярик как-то спросил: «Тетя Алла, а почему вы у себя дома не живете?» — и мама на него шикнула, чтобы не грубил. Только это никакая не грубость.

Ели молча. Ярик чавкал и горбился, но мама не сделала ему ни одного замечания. Смотрела в тарелку, думала что-то свое.

— Мам? — робко подала голос Оля.

— Чего тебе?

— Я завтра после уроков задержусь, у нас классный час и репетиция.

— Хорошо.

И правда, хорошо, когда взрослым неинтересны твои дела.

Ночью Оля спала одна, без мамы. Папа не пришел с работы: видно, заступил на сутки. Поэтому легли попозже, и Ярик не слишком долго ворочался.

Оля душно укуталась в одеяло и фантазировала, как они с Наташей станут жить у бабушки в Саратове. Особенно тщательно она наряжала себя в модные вареные джинсы, в розовый — нет, белый короткий топ с рисунком-веточкой и буквами, в кроссовки с маленькими красными пу-мами на боках, и чтобы кожаный рюкзачок с заклепками. И волосы у Оли к этому времени уже отрастут так, что можно забрать в высокий хвост десятком резинок разных цветов. А Наташа в чем угодно здорово выглядит. И они выйдут в бабушкин двор, где вокруг светлые блочные десятиэтажки, медленно пройдут мимо спортивной площадки, и все ребята будут смотреть с восхищением и завистью. И тогда Наташа возьмет Олю за руку, чтобы саратовские девчонки понимали, чья она подруга.

А потом Оля уже спала.

Проснулась она внезапно, словно кто-то легонько толкнул в бок. Ярик похрюкивал заложенным носом на соседней кровати, в щель между шторами затекали мутные сумерки. Оля смотрела на них и не двигалась, боясь упустить что-то очень важное. Снилось... смешалось в цветной комок, истаяло, не вспомнить, осталось лишь смутное ощущение близкой беды. Но откуда глядит эта беда, где прячется?

Оля думала, и казалось, что мысли шуршат и поскрипывают. Или это мышка в стене? А кого тогда папа позавчера достал из мышеловки? Беда, кругом беда. Надо пойти на улицу, там далеко видно и дышать легко. Не просто надо, необходимо! Прямо сейчас, не умываясь и не причесываясь! Только Оля раньше так не делала — не вставала с рассветом, не бегала без спроса во двор. А вдруг это нельзя? Мама поймает, спросит зачем, а Оля только пожмет плечами. Что ответить, если сама не понимаешь? Сколько раз она бормотала «не знаю», заикаясь от стыда и собственной глупости? Надо! Надо, и все!

Эта гора — вулкан. Вулкан-великан. Верхушка у него раздвоенная, словно приоткрытый рыбий рот, и всегда снежная, даже летом. Чуть в стороне от нее встает солнце — над другой горной вершиной, поменьше. Она острая, уколотся можно, и тоже белая. Если на этих горах растут сосны, то отсюда не видно. Но папа говорил, что растут и что в самой середине рыбьего рта есть озеро. Он знает, потому что у военных там дальний полигон, где взрывают ненужные боеприпасы. Оля не рискнула бы что-то взрывать на вулкане, хоть и спящем. Но папина судьба ее не тревожила, наоборот, хорошо, когда он уезжал со своей взрывчаткой на несколько дней: можно было просто жить и не опасаться громко заговорить или неправильно улыбнуться. Вот бы он взор... Нельзя! Папа даже

мысли может увидеть, он все может. И так накажет — мало не покажется! Даже думать плохо не смей о папе, а то обреет налысо, давно ведь грозит.

Оля разглядывала далекие вершины, стоя на лавочке у подъезда. Из-под куртки торчал низ байковой кофты, застиранные пижамные штанины топорщились над голенищами резиновых сапог, в которых замерзали босые ступни. «Я страшилище ночное», — подумала Оля и накинула на голову капюшон. На всякий случай, хотя смотреть на нее было некому.

Военный городок спал не хуже вулкана. Через пару часов зазвонят будильники, зашаркают по линолеуму тапки, в квартирах ДОСов и комнатах общежития запахнет едой, пеной для бритья и одеколоном, женской косметикой и кремом для обуви — так же, как пахнет по утрам у Оли дома. Потом мужчины и женщины в военной форме пойдут по единственной центральной улице в сторону КПП, их запахи станут одним, а дальше снова разделятся, растекаясь к штабу и плацу, к госпиталю и медсанбату, к узлу связи и солдатским казармам. И Оля ходила в этой толпе, если не опаздывала в школу. Но почти всегда смотрела на свои ноги, поэтому запомнила именно запахи. А сегодня она будет заглядывать в лица — искать Наташу.

Вот где беда! Груши! Маленькие невзорванные бомбы, целых две штуки. Лежат в Олином кармане, ждут своего часа. И мама может их взять, и Ярик. Он, конечно, поганец, но теперь Оля не хотела брату правдашней гибели — все-таки жалко. А Барби больше не жалко, Наташа лучше миллиона Барби.

Пора от груш избавиться. Только грушевого полигона у Оли нет. Зашвырнуть подальше, хотя бы в подвал, а они раз — и станут чьей-то находкой. Опасно. Бросить в помойку или за забор — корова съест, молоко этой коровы отравится, и тот, кто его выпьет, тоже отравится. Можно закопать, это надежнее, но в грушах наверняка есть семечки, значит, из них вырастет ядовитое дерево. Чтобы сжечь, надо развести костер, а спички Оля не захватила, и все уличные палки отсырели из-за дождей.

И снова заскрипели, зашуршали Олины мысли. Запрыгали по сюжетам знакомых шпионских фильмов, перебрались в сериалы, оттуда — в книжки и взрослые разговоры: папа, мама, рыжая Вера, тетя Алла. Ох и разозлила она Олю, когда все лезла с новыми сигаретами и даже одно слово сказать не давала! Оля бы с удовольствием наорала на нее, а не на Ярика, но огрызаться на взрослых запрещено. Только совсем маленьких детей за такое не наказывают. Однажды тетя Алла протянула Ярику конфету, оскалила кривые зубы в улыбке, а глаза на папу скосила. Вроде как незаметно. «Это тебе, малыш», — говорит. А Ярик ей: «Засуньте эту конфетку себе в унитаз!» И все: «Ха-ха-ха!» — потому что он пока детсадовец.

А ведь унитаз — лучший выход. Все, что туда смыто, обратно не вернется.

И Светка так сказала, когда получила любовное письмо от местного мальчика.

Есть у нее одноклассник — Левон, хорошенький, тоненький, прямо нежный какой-то. Это потому, что у него мама русская, но не такая, как женщины из военного городка, а вроде длиннобочных теток из города. Из-за этого Левон совсем местный. И живет он в шанхайском бараке рядом с Изольдой.

И вот этот мальчик влюбился в Светку, да так явно, что другие ребята начали смеяться и всякие гадости про нее сочинять. А он письмо в ее рюкзак подсунул со стихами: «Я в твои глаза смотрю и говорить не могу, потому что ты красавица и мне ты нравишься». Светка сказала: «Вот идиот ненормальный!» — но видно было, что ей приятно. Они с Олей целый урок это письмо в школьном туалете читали и обсуждали Левончика. «Пошел он, — заявила Светка. — Если еще раз сунется, я ему врежу. Возомнил о себе!» А письмо порвала на мелкие клочки и смыла в унитаз. Оля тогда подумала, что лучше бы Левон влюбился в нее, в Олю, она бы не испугалась насмешек. И уж точно сохранила бы стихи навсегда: разве можно искусство — в унитаз?

А грушам там самое место. Только целиком они могут не смяться, надо измельчить. Оля положила груши на бордюр, нашла камешку покрупнее, замахнулась и увидела ворону.

— Агр-р-р! — гаркнула ворона, прохаживаясь по скамейке, на которой пару минут назад стояла Оля. — Агр-р-р! Агр-р-р!

Оля вздрогнула, отрывистый птичий крик прозвучал как взрыв петарды. Сейчас кто-нибудь проснется, увидит Олю, и тогда... Что тогда? Вот Наташа смелая, наплевать ей на ворон.

— Иди к черту, — тихо сказала Оля вороне и ударила грушу.

Под камнем хрустнуло, Оля ударила еще и еще. Маленькие жесткие плоды трескались, сминались, разваливались на кусочки.

— Агр-р-р! — обиделась ворона, но Оля даже не повернулась.

Потом она собрала черное крошево в горсть и пошла домой. А там все унесла вода.

Так начался новый день.

Наташа снова исчезла. Утром ее длинные ноги Барби не вышагивали по центральной улице, а белый кукольный хвост не покачивался в такт их движению, когда толпа школьников текла к КПП и дальше. Не появилась она на школьном дворе, в раздевалке и на спортплощадке.

На третьем уроке Оля отпросилась в туалет и обошла все классы: «Тук-тук, а Наташу можно? Ой, простите, я ошиблась дверью». Учителя смотрели с легким недоумением, ребята хихикали. Оле казалось, что она наелась стекловаты и теперь та дерет горло и режет слова: столько людей ее разглядывали и смеялись над ней. Но это ничего. И снова: «А Наташу можно?..»

Хуже было только на бальных танцах, куда Оля пришла из-за Светки. «Скакать в паре с каким-нибудь гоблином не слишком приятно, но зато потом придем на дискотеку и у всех челюсти поотваливаются! А еще бальникам туфли на каблуках выдают!» — сказала Светка. Ее папа плел про осанку и здоровье суставов. Он привел девочек в большой дом за рынком, где они долго блуждали по обшарпанным тесным закоулкам и кривым лестницам, пока не нашли нужную комнату.

Комната воняла, прям била в лицо немытыми ногами и подмышками. Потом Оля притерпелась и забыла. Нет, забыла она в тот момент, когда к ним повернулись человек двадцать девочек и мальчиков — все они стояли в шахматном порядке перед зеркальной стеной и были ужасающе высокими и взрослыми. В спортивных трико и без каблуков. Оля забыла даже свое имя и, кажется, разучилась ходить, но длинный вертявый парень, главный у них, сказал: «Становитесь в последний ряд и повторяйте движения», — и уже всем: «Продолжаем разминку». Ага, повторяйте! Остальные приседали, подпрыгивали, скользили и кружились словно один человек, замечательно попадая в каждый барабанный «бамс» из магнитофона, а Оля наступала на собственные ноги и никак не могла запомнить порядок движений. И все эти ловкие ребята смотрели на нее — на новенькую растяпу. На недотруганную буратину. На посмешище. На тупую корову, как называл Олю папа.

Оля чуть не умерла на этих танцах и больше туда не ходила. Но ради Наташи она могла бы стерпеть и не такое.

Только Наташа пропала.

Оля подумала, что, если повторить события вчерашнего дня, Наташа вернется. Слонялась возле школы после уроков, ползала в узком проходе между заборами, рылась в листьях и все ждала, что вот сейчас кто-то усмехнется за спиной.

«Я искала груши... искала груши... искала... Она отравилась грушей! Заболела или умерла из-за меня! Она никогда не придет!»

Олю словно ударили в живот. Ядовитая груша, а что же еще?! Снова потеря, снова непоправимый кошмар! Вечное проклятие! Оля сидела на земле возле высокого синего забора и выла от горя. Захлебывалась им. Убийца, Оля — убийца!

Но ведь Витя не умер. Может быть, Наташа в госпитале? Надо найти ее мать! Только как найти женщину, про которую знаешь, что она лярва, мадама и живет с полковником-любовником, а имени не знаешь? И подходить к ней нельзя, и тем более — говорить с ней.

Оля в беспамятстве пронеслась через город — скорее, скорее! Несколькими раз обошла военный городок, посидела в засаде возле военторговского магазина, потопталась у КПП. Сунулась в госпиталь, чтобы спросить про Наташу, но нарвалась на двух солдат, что курили возле входа. Были они одинаковые — в коричневых пижамах, лысые, худые, ужасно некрасивые. У одного нога в грязных бинтах, у другого все лицо в желто-красных болячках. Они что-то крикнули Оле и засмеялись, а она

не осмелилась подойти, убежала. И снова ходила по дворам, заглядывала в подъезды.

Мама, наверное, уже волнуется, но Наташа важнее. И с мамой наверняка сидит тараканиха тетя Алла, воняет своими тонкими сигаретами и умничают. Скоро начнется сериал...

Оля подняла голову — небо потемнело, распухло от влаги, вот-вот потечет холодным дождем. А из Олиного носа уже течет. И пальцы замерзли, хоть и спрятались в карманы куртки, стиснулись там в кулаки. Можно пойти домой, отогреться, поесть, усесться перед телевизором и наконец узнать — вспомнит Жуанито свою сестру Марианну или останется в коме до следующей серии? Подлая Эстерсита украла его еще в младенчестве, но восемь серий назад он увидел Марианну через витрину магазина и все понял, а когда побежал всем об этом рассказывать, попал под колеса велосипеда доктора Мару. Позавчера Жуанито почти вышел из комы, но не до конца. А если Наташа тоже в коме?

— Ты чего здесь шастаешь? Домой иди.

Оля растерянно уставилась на дядьку в форме. Она сама не заметила, как вернулась к КПП. Вот и звезды на воротах: шаг вперед — плоский рисунок, шаг назад — выпуклый.

— Я ключ потеряла. Пустите, мне к маме надо, она на узле связи работает! — Вранье само вывалилось изо рта, как лягушка в сказке о вредной принцессе.

Оля думала про сериал и тетю Аллу, вот и наплела про маму-телефонистку.

— Что-то ты не торопишься. Влетит за ключ?

— Влетит.

— Давай бегом, стемнеет скоро.

Оля припустила через ворота. Вдруг дядька смотрит вслед? Может, ему с горки и штаб видно, и плац, и серый приземистый домик связистов. Придется зайти.

Дверь на тугой пружине поддалась не сразу. Оля проскользнула в темный коридорчик узла связи, сглотнула запах табака и разогретой тушенки, побрела вперед, придерживаясь за стену. Первая комната, люди в форме, болтают, перекрикивают музыкально-сериальную заставку из маленького телевизора. Им нет дела до незнакомой девочки. Мама бы сказала про такое: «Заходи кто хочешь, выноси что хочешь». И ничего удивительного. Прошлой зимой одна тетенька так увлеклась Марианной, что не заметила грабителей в своей квартире, а опомнилась, когда ее начали к стулу привязывать. Но Оля, конечно, не грабительница и не шпионка — подумаешь, важность.

Дальше две закрытые двери и одна прикрытая не до конца. За ней видно большую — в полкомнаты — железную коробку с лампочками, рычажками, круглыми дырочками и разноцветными проводами. Коммутатор. «Сижу на коммутаторе», — говорила тетя Алла. Только на самом

деле никто на нем не сидел, а сидели перед ним — носастая тряпочница Нонна. Откинулась на спинку стула всеми своими телесами и читала книжку.

Оля дернулась уходить, скрипнула половицей, и Нонна подняла глаза:

— Ты к кому?

— К тете Алле...

— Что? Громче!

— К тете Алле!

— Нет ее, выходная.

— Угу. Спасибо. До свидания.

— До свидания. — Нонна уткнулась в книжку, перекинула страницу, снова глянула на дверь.

Оля все еще топталась на пороге.

— Ты что, забыла, где выход? Это режимный объект, между прочим, и... — Нонна моргнула, чуток помолчала и воскликнула: — А я думаю, знакомая мордашка! Приходила ко мне товар смотреть?

— Да, с мамой.

— Маме передай, что в пятницу за новой партией поеду. Будут кожаные плащи, черные и рыжие, с енотовой опушкой по воротнику. Пусть приходит. И сапоги привезу: блестящий винил — самый гвоздь сезона.

— Хорошо. А вы... а у вас... а вы...

— Что?

— А вы ведь знаете ма... даму в красной шляпе? Она у вас тоже одежду покупает? — решила Оля.

— Ирка Баринава? Да. Первая модница. Говорит: «У Нонны самый элитный товар».

— А где она живет?

— Тебе зачем?

— Ну... я...

Внезапно замигала одна из лампочек коммутатора, а внутри у него противно заскрежетало. Нонна подхватила серую пластмассовую трубку на толстом шнуре, приделанную сбоку, и гаркнула:

— Подорожник сорок два, слушаю! — И через пару секунд: — Со-единяю!

Она ловко выдернула цветной проводок из круглого отверстия. Свет лампочки блеснул на его металлическом наконечнике и сразу пропал — проводок оказался в другом, таком же круглом гнезде. Нонна чуть стукнула трубкой по столу, но на рычаг ее не положила, а снова приникла ухом и застыла, как суслик возле норы.

«Разговор подслушивает», — поняла Оля.

Тетя Алла проделывала такое регулярно, чтобы потом обсуждать разных людей с мамой на кухне.

— Скажите, пожалуйста, где живет дама в шляпе, — негромко напомнила Оля.

Нонна досадливо махнула рукой: мол, иди отсюда. В другой день Оля бы униженно отступила, но сейчас ее не смог бы сдвинуть и бульдозер.

— Скажите, очень надо!

— Пятый ДОС, двенадцатая квартира, — злобно прошипела Нонна, прижав динамик трубки к груди. — Все! Брысь!

Могла бы и не прогонять, Оля и так всюю бежала к выходу. Потом неслась через полк, через солдатский спортгородок, лезла на живую изгородь, чтобы срезать путь, мчалась мимо идеальных военнослужащих, нарисованных на заборе, и вот уже КПП, улица, тополя-уродцы, бордюры, взрослые навстречу — «здрасьте!», асфальт в трещинах — «бом-бом» под подошвами, скамейки, общежитие, помойка, желтый дом, второй желтый дом, третий — кажется, этот. Оля быстро подсчитала в уме номера квартир, нырнула в крайний подъезд, взмыла на третий этаж и остановилась. Воздух обжигал и не хотел вдыхаться, в горле булькало, колени крупно тряслись и подламывались. Отдохнуть бы, но Оля не могла ждать. Она заколотила в дерматиновую дверь, будто пожар или другое бедствие. Колотила, колотила, колотила, ко...

Щелкнул замок, дверь распахнулась и явила Оле Мадаму в коротком атласном халате и при полном макияже.

— Здравствуйте! — выдохнула Оля.

— Здравствуй, — удивилась, словно спросила, Мадама.

— Я к Наташе.

— К кому? — Вежливая улыбка, которая только-только начала поползать на лицо Мадамы, остановилась и погасла.

— К Наташе!

— К какой Наташе?

— К вашей дочке! Где она? Что с ней?

Мадама открыла рот. Потом закрыла. Потом снова открыла, но ничего не сказала. Подняла руку, приложила ладонь к пухлым ярким губам. Оля смотрела на нее и тяжело дышала, и Мадама смотрела на Олю, не мигая, как пришибленная.

— Наташа! — напомнила Оля.

— Не приходи больше, — выплюнула Мадама и захлопнула дверь.

Снова щелкнул замок, потом еще один, а потом лягнула щеколда.

Вот дура невоспитанная, правильно мама с тетей Аллой ее ругают! Оля хотела пнуть дверь напоследок, но удержалась. Она присела на ступеньку, открыла рюкзак и вытащила первую попавшуюся тетрадку. Алгебра. Алгебра — это нудный зудеж Размика Мухоморыча. Оля ни черта не понимает. Пару раз поднимала руку, просила объяснить, а Мухоморыч долбил то же самое, только громче, будто от крика слова наполняются смыслом. Алгебру не жалко.

Она рванула клетчатый лист, коряво вывела красной гелевой ручкой: «Наташа! Я тебя жду! Оля» — и просунула записку между дверью и косяком. Но этого мало.

— Наташа, это Оля! Дай знак, что ты там!

Голос отскочил от стен и покатился по подъезду. Замочная скважина, к которой прижались Олины губы, была холодной и кислой на вкус.

— На-та-ша-а-а!

Открылась соседская дверь, высунулась смуглая черноголовая тетка, залопотала на своем гортанном щелкающем языке: «Тыр-пыр-гырч!» Может, и не так, но другого Оля не разобрала.

— Вы тут девочку не видели? В красной куртке?

Черная затараторила еще непонятнее, всплеснула темными ладошками. В квартире за ее спиной заревел ребенок, младенец. Слишком похоже на котеночье мяуканье, горестное и голодное. Оля попятилась к лестнице, ее воинственное настроение схлынуло в одну секунду, остались только легкая тошнота и звон в ушах.

— Простите, — пролепетала Оля и, тяжело ступая, поплелась вниз: к мусорной промозглой улице, к маме, Ярику и тете Алле.

Жуанито из комы не вышел. Ни в этот день, ни на следующий. И сама Оля ходила сонная, вялая, будто неживая. Думала о Наташе.

Когда шли домой с продсклада, Оля спросила у мамы:

— А как это — быть в коме? Это больно?

Мама рассеянно ответила:

— Это как мы живем. — И добавила: — Давай сахар к тебе переложим.

Они остановились посреди дороги, возле входа на стадион. Железный турникет-вертушка уныло покосился, Оля знала, что, если его толкнуть, нижний край обязательно царапнет асфальт. Жаль, после него еще три бетонные ступеньки вверх — не видно, кто сидит на осыпающихся каменных скамейках перед беговой дорожкой. Иногда там собираются старшеклассники, пьют пиво и весело болтают. Вдруг и Наташа с ними? Оля вытянулась, встала на цыпочки, задрала подбородок.

— Ты что делаешь, слабоумная?! — воскликнула мама.

Ее пакет с оборванной ручкой стоял у бордюра, свой Оля неосознанно выпустила из рук, и он упал вместе с хлебом, пятью банками сгущенки и сахаром.

Оля начала оправдываться, но осеклась.

Мадама смотрела прямо на нее. Она была еще далеко — не лицо, а пестрое пятно, — но Оля знала, куда смотрит эта злая тетка, горделиво вышагивающая рядом с толстой высокой подружкой. Возле госпиталя мадамская подружка отцепилась и повернула к распахнутым воротам. Ну да, она же там работает. А Наташина мать даже шаг не замедлила. Ясно-виденье или что-то другое подсказало Оле, что Мадама не просто идет в их с мамой сторону. Нет, она шла к ним. На них. Перла, как танк.

— Это наказание какое-то! — бормотала мама, присев на корточки и бестолково перекладывая продукты из одного пакета в другой. — Один-единственный нормальный пакет, желтый с «Кэмелом», отец твой

уволок. А мне что делать? Я же не пойду получать паек с чемоданом или дорожной сумкой...

Мадама ускорила шаг, Оля уже различала ее ярко накрашенный рот и две красные полоски на скулах. Могла рассмотреть даже маленькие пятнышки на ее камуфляжной форме, слышала «цок-цок-цок» тонких каблуков.

— ...Тащишь-тащишь баулы со жратвой, каждый божий день надрываешься. Я уже рук не чувствую. Никакой помощи! Воды нет, свет отключают, отопление никак не дадут. Господи, какая дыра! И пакет этот...

Надо бы тоже присесть, помочь маме, но Оля словно заледенела. Она подумала, что Наташина мать сейчас подскочит и наплетет про грушу, назовет Олю убийцей или сразу кинется в драку. Схватит за шкуру и начнет трясти. Если бы люди могли бить взглядом, Оля уже валялась бы без сознания.

— ...Сгущенку-тушенку урезали, а сухое молоко вообще не дали. Каждый месяц новости. Господи, я больше так не могу! Не могу! Что стоишь, как чучело огородное? Опять я одна должна...

— Это ваша дочь? — звонко выкрикнула Мадама.

Мама вскинула голову, посмотрела на нее снизу вверх.

— Вы мне?

— Вам! Ваша дочь? — Мадама ткнула в Олю пальцем, очень близко, еще немного — и попала бы ей в щеку острым ногтем.

Олина мама медленно поднялась:

— Моя. А в чем дело?

— Это подло, вот в чем! Вы ее научили, да?! — Наташина мать уперла руки в бока, но все равно было заметно, что они трясутся. И губы у нее тряслись, и подбородок, а голос взлетал так высоко, что, казалось, вот-вот сорвется на крик. — Или ваша подружка Алка? Эта дрянь все может! Кто вам рассказал? А? Где эта крыса разнюхала? Только Сережа знает, но он бы не стал болтать! Хоть Алка ваша его и обхаживала! Бесится из-за Сережи — не ей достался! А вы и рады поддакивать! Но это жестоко, это... это... как можно ребенка на такое подбивать?! Вот ее, — она снова повернулась к Оле, — как можно учить такой мерзости?!

— Я не понимаю, — растерялась мама.

— Не слушай ее! — закричала Оля.

— Кто тебя подослал?! — Мадама рванулась вперед и схватила Олин воротник. — Зачем?!

Мама шумно втянула воздух, вся как-то расправилась до огромного роста и взяла Мадаму за локоть:

— Руки убери! — тихо прорычала она.

Получилось: «Р-р-руки убери!»

А та вдруг обмякла, отпустила Олю, попятилась.

— Постой в сторонке. — Мама кивнула на косоу турникет, и Оля покорно отошла.

Поднялась по бетонным ступеням, оглядела скамейки. Пусто. Только Светкин папа неспешно нарезал круги по гравийной дорожке. Он как раз обогнул футбольные ворота с дырявой сеткой и повернулся к Оле лицом. Голову его с двух сторон стискивали большие черные наушники, глаза казались слепыми, совсем невидящими. Олю он не заметил, равнодушно протрусил мимо, мелькая бледными волосатыми ногами в желтых гетрах. Майка с Микки-Маусом, неоново-розовые шорты — сумасшедшая клякса на фоне промозглого запустения. Скрип-скрип по мелким камушкам. И так без конца, будто видеозапись заело: скрип-скрип.

Оля не прислушивалась к взрослому разговору. Вот бывает, отсидишь ногу, она онемевает, и лишь кожу покалывает чуть заметно. Так и Олины мысли — замлели.

Мама говорила мало и тихо, только кусочки мадамских фраз долетали до Оли и цеплялись за нее, словно прозрачная целлофановая рвань за ветки дерева:

— Дочка была у свекрови... я приезжала прошлой осенью... если бы я знала... разве кто-то может представить... оставила ее там... поздно вечером... их не нашли... а она... скажите, чтобы больше не приходила... можете сплетничать сколько угодно... но скажите ей...

Скрип-скрип-скрип. Светкин папа подбежал к скамейке, подхватил бутылку воды, глотнул, плеснул в лицо из горлышка и снова побежал. Оля подумала о зайчике из рекламы батареек, только тот не скрипел, а бил в барабан. Зря Светкин папа круги наворачивает, бежал бы с таким упорством по прямой, был бы уже далеко, в России. Может, он для этого тренируется? Чтобы однажды выйти из дома и исчезнуть навсегда?

Мадама ушла, уцокала на своих каблуках, а мама осталась стоять с безвольно повисшими руками и пустым лицом.

— Мам?

— Надо Ярика из сада забрать. — Мама воровато глянула на Олю и сразу отвела глаза. — Сама все здесь собери.

И тоже ушла.

Что же это делается и чего теперь ждать? Прибьет, точно прибьет! Или папе скажет... пусть лучше сама прибьет.

В ближайшем доме хлопнула форточка, потом другая — представление закончилось. Оля подхватила по пакету в каждую руку, потащила их волоком — по шершавому зернистому асфальту, по мелким лужам, через жидкую грязь. Миллион раз хоженный маршрут, замкнутый, круговой. Но ведь отсюда можно вырваться, люди уезжают, и с каждым годом улицы все безлюднее и мрачнее, детей все меньше, время — медленнее. А ДОСы наполняются местными. Горластые тетki уже переругиваются с балкона на балкон с утра пораньше, вываливают мусор из окон, вытряхивают овечью шерсть из матрасов и тюфяков и выбивают ее во дворах палками с таким грохотом, будто бомбы рвутся. Скоро весь военный городок станет большим нерусским Шанхаем.

Оля поставила пакеты на землю, потеряла красные, изрезанные ручками пальцы и посмотрела на шанхайские бараки. Возле дома Изольды колыхалась крикливая толпа, галдели и причитали женщины, чуть поодаль кружком стояли мужчины. Редкие прохожие оглядывались, но быстро отворачивались: «Не наше дело». Тем более — не Олино. И все же она выискивала взглядом Изольду в гуще чужих непонятных людей.

Вот она, Изольда, носится между тетками, крутится у них под ногами. Заметила Олю, махнула рукой. Но та не ответила — разве можно на глазах у всех, ведь Изольдин папа запретил дружить. Оказалось, сегодня и не такое можно.

— Фаю украли! Помнишь Фаю, мою двоюродную сестру? Украли! — Изольда захлебывалась словами.

Оля ее такой не знала — громкой и кипящей. Вместо гладкой косы летели по ветру спутанные Изольдины волосы, тонкие смуглые руки взлетали и волновались. Сама подошла — и сразу скороговоркой:

— Я там была! Я с ней в город к тетке Соломе ходила! Возле парка остановилась белая машина, выпрыгнул парень, схватил Фаю, затащил и увез! Вот так ее — ра-а-аз! — на заднее сидение кинул! Я хотела не пустить, держала Фаю за юбку, но он толкнул. Вот синяк, видишь, вот, он ударил, и я упала. Украли, украли! К границе повезли, в горы!

— Что он с ней сделает? — вздрогнула Оля.

Изольда поежилась, обхватила себя за плечи, шепнула резкое короткое слово на местном языке. Оля не поняла, но догадалась, что ничего хорошего. Для хорошего не крадут.

— Так чего вы все тут?! Ее спасти надо! Нашим военным надо рассказать, у них оружие есть! Даже танки есть! У тебя же папа прапорщик, он знает!

— Не надо, — сказала Изольда, резко мотнула головой и пошла к своим.

— Как это? Почему?

Изольда обернулась:

— Праздник у нас будет. Через три дня вернется, свадьба будет!

«А как же она сейчас? Там, в горах?» Оля представила неприступную скалу и прикованную к ней Фаю. В белом платье, как на картинке в учебнике по литературе. А под горой, в пещере, крылатый змей, поедающий таких Фай в год по штуке. И никаких тебе принцев и богатырей в подмогу, никому ты не нужна.

— Агр-р-р! Агр-р-р! — закричали вороны с барачных шанхайских крыш.

Дуры.

Оля повернулась к ним спиной и потащила пакеты за угол общепития.

Дома Оля хотела притвориться, что делает уроки, но даже просто сидеть у стола оказалось не по силам. Она легла на застиранное байковое

одеяло, повернулась лицом к стене и зажмурилась. Пару минут кровать не двигалась, потом качнулась и тихонько поплыла. Оля не открыла глаза, не смогла, но почувствовала телом плавное покачивание.

Хлопнула входная дверь, глухо, потому что далеко. Так же далеко, за толстой-толстой стеной, запищал Ярик, ответил ему тяжелый мамин голос. Они неразборчиво говорили снаружи Олиной головы, а внутри Оля с Наташей стояли возле питьевого фонтанчика. Бесшумно подъехала белая машина с затемненными стеклами, но никто не вышел, а в салоне заиграло: «Дым сигарет с ментолом пьяный угар качает...» Наташа сказала, что это классная песня, и пошла к машине. «Там дракон, он ест девочек», — предупредила Оля. «Ест, — согласилась Наташа, — в три горла». Оля протянула ей пакет с оборванной ручкой: «Чтобы ему было удобно тебя нести». А Наташа вдруг стала Светкой и закричала: «Украли! Украли! Воры! Агр-р-р!»

Снова хлопнула дверь, голоса снаружи стали громче, навалились на Олю и пролезли внутрь.

— А мы с Веркой сразу к тебе! Говорят, ты с Мадамой сегодня подралась? Ну даешь! — повизгивала тетя Алла.

— Ой, моя любимая песня, сделай погромче! Биноша в «Евростиле» всегда ее заказывает и эту — «Ах, какая женщина»! — повизгивала рыжая Вера.

— Мама! Я из-за вас мультики не слышу! — повизгивал Ярик.

«А я нашел другую, хоть не люблю, но целую...» — хрипел маленький магнитофон в кухне. «А когда я ее обнимаю...» — доносилось из магнитолы в белой машине. Наташа сидела уже внутри, но дверцу не закрыла, ждала Олю. Оля кружилась с Витей Кавицким возле фонтанчика, и у него было лицо уехавшего навсегда Паши Кофмана. «Это мой мальчик, отдай, — сказала Наташа, — а я тебе новую Барби подарю».

— Что, правда дрались? Она на тебя напала? — лезла тетя Алла.

— Вот придурочная, уже на людей бросается! — не отставала Вера.

— Рассказывай!

— Что рассказывать? — Мама выключила магнитофон.

— Что было-то сегодня с этой бесстыжей бабой?

Оля отпустила Витю, будто оттолкнулась ногами от мокрого речного камня, и мягко прыгнула вверх, на свою кровать. Осторожно повернулась на спину, стараясь не скрипнуть солдатской койкой. Уставилась в потолок. Сейчас начнется. Будут несколько часов обмусоливать сегодняшний скандал, и Олю позовут для подробностей.

— Ничего, — ответила мама.

— Как это? — не поняла тетя Алла. — Мне пять человек сказали!

Пять или двадцать пять, в военном городке не спрячешься. Даже когда пусто на улицах, а окна плотно завешены шторами, тебя видят, про тебя знают. Несколько лет назад пьяный лейтенант рванул гранату в коридоре общежития, был пожар, и в нем одна машинистка угорела. Потому что до последнего сидела на лестнице и караулила, кто из чьей двери

выскочит — какой мужчина от какой женщины. А тети-Аллина знакомая придатки отморозила: лежала зимой на балконе с биноклем, прямо животом на снегу, подглядывала за чужими окнами — и отморозила. Оля миллион раз слышала эту историю от тети Аллы, но так и не поняла, где у человека придатки и что это вообще такое.

— Брут. — Мама отвечала так, словно ей скучно и совершенно все равно, поверят подружки или нет.

— Вот взяли и на пустом месте набрехали?! — возмутилась рыжая Вера.

— Не на пустом. Я паек домой несла, консервы из пакета вывалились. Она об одну банку запнулась.

— И что?!

— Переступила и дальше пошла.

— Да ладно! А продавщицы в магазине сказали, что она орала как ненормальная, — хмыкнула Вера.

— Вот их и спрашивай, что да как.

— Чего ты выделяешься, а? — вспыхнула тетя Алла. — Люди, может, и преувеличивают иногда, но не так сильно! Они правду говорят!

— Значит, правду говорят, что Верка с Бино и малахольным Костиком чуть ли не одной семьей живет? Что Бино Косте деньгами и подарками рот затыкает, чтобы настроение не портило? Да, Вера? — спросила мама. — А ты, Алла, правда за полковником Ирки Бариновой, как собачонка, бегала и в дверь к нему по ночам скреблась? К Сереже ее? Или нет?

Замолчали. Коротко свистнул чайник и тоже затих.

— Я смотрю, ты все сплетни собрала, — обиделась тетя Алла.

— Ничего я не собирала, вы сами начали.

— Да кому какое дело?! — Рыжая Вера чем-то громыхнула по столу. — Что они лезут в мою личную жизнь?! Овцы завистливые!

И снова смолкли. Только железная ложечка стучала и стучала о стенки чашки. Потом заговорили тише, спокойнее, будто на ощупь. Так заходят в воду в незнакомом месте — осторожно трогают дно босой ногой, чтобы не пораниться.

Оля повернулась на бок, подтянула колени к груди и снова поплыла. Голоса из кухни смешивались в приятное гудение, текли от нее в другую сторону. Но тут мамин вопрос скользнул в бледный, только-только завязавшийся сон и выдернул Олю из дремоты:

— А что-нибудь про дочку этой Бариновой знаете?

— У нее вроде сын, — отозвалась Вера.

— Нет, девчонка, — не согласилась тетя Алла. — Маша... или Наташа. Только она эту девчонку бросила. Конечно, с ребенком на шее за мужиками не побегаешь. Кукушка.

— Как это?

— После развода. Я ее мужа не застала, в Кутаиси служила. А когда сюда перевелась, рассказывали, что был тот еще чмошник, но агрес-

сивный. В общем, развелись они и муж в свою мухосрань уехал. Городишко где-то в Поволжье. Обычно бабы уезжают, а тут наоборот — он из армии уволился. Ирка осталась и к местным в ресторан работать пошла. Потом дочку к мужу увезла, скинула на свекровь. А тебе какой интерес?

— Не знаю, — сказала мама, — просто думаю. Надо Олю увозить, оставить у моей матери, чтобы хоть училась по-человечески. Мать не хочет, нервы треплет, а что делать?

В Саратов? В Саратов!

Оле бы встрепенуться, закричать от радости, проскакать галопом через всю квартиру!.. Но она лежала на боку и заторможенно обкусывала ноготь на большом пальце. «Э-э-э», — наплывал далекий кухонный разговор и обтекал Олю, как обтекает дикую грушу медленная дождевая вода — от верхних узловатых веток, по каждому листочку, и до вздутых змеистых корней, между которыми спит изломанная Барби...

Тетя Алла с Верой ушли, явился папа. С силой бабахнул дверью, демонстративно откашлялся и с порога высказал недовольство маминим поведением. Это надо додуматься поскандальить у всех на виду с любимой женщиной товарища полковника! Наверное, маме хочется, чтобы папу перевели в жуткую глушь и чтобы он там сгнил заживо! Но один папа туда не поедет, не надейтесь, прихватит с собой маму! А мама сказала, что хуже теперешней глуши не бывает. Еще как бывает, повысил голос папа, например на границе — в горном ауле, где три сакли, пять баранов и больше ничего. А мама ему: не было скандала, успокойся. А папа: я тебя предупредил! И велел даже близко к Мадаме не подходить.

Всхлипнул выдвижной посудный ящик, раздраженно звякнули тарелки. Оля с трудом разлепила глаза и увидела Ярика. Он сидел на половичке и сталкивал пластмассовые машинки, всякий раз тихонько выдыхая: «Тудуф!» В машинках гибли красные пластилиновые человечки, которых Ярик с запасом налепил несколько дней назад. Когда уничтожил Барби. «Тудуф! Пш-ш-ш! А-а-а!»

Вошла мама, присела на Олину койку. Помолчала, словно задумалась, и мягко спросила:

— Тебя кто-то попросил пойти к той женщине, которая сегодня на улице ругалась? Скажи правду, не бойся. Это тетя Алла, да? Или кто-то другой?

— Нет, — сказала Оля.

— Что — нет?

— Никто не просил.

— Тогда зачем ты пошла?

— Мама, что с Наташей? С ней все в порядке?

— С какой Наташей?

— С дочкой Ма... той женщины.

Мама медленно выпрямилась, затвердела, от ее вкрадчивого дружелюбия ничего не осталось. Будто была одна мама, а стала совсем другая, не Олина.

— Хватит придуриваться, — сказала она. Оля хотела ответить, но успела только раскрыть рот и глотнуть воздуха, а выдохнуть его вместе со словами не успела. — Хватит! Если это игра, то очень плохая, ясно тебе? Еще раз пристанешь с идиотскими вопросами, хоть косо посмотришь на эту женщину, я не знаю, что с тобой сделаю! А кто тебя научил, все равно выясню. Поняла меня?

— Да...

— Громче!

— Да.

— И скажи спасибо, что отец не в курсе. Узнает — голову оторвет. Ты этого хочешь? Я тебя спрашиваю!

— Не хочу.

— Что ты мямлишь?!

— Не хочу! — крикнула Оля.

Но вместо этого из нее рвалось другое: «Ненавижу! Ненавижу вас всех!»

Вершина горы спряталась в густом сером облаке. В таком же сером и распухшем, как небо, только небо висело застывшее, неподвижное, а облако лениво клубилось и истекало мелкой моросью. Оля взбиралась на гору, оскальзываясь на жидком суглинке. Ее ботинки напились воды, наелись грязи и противно хлюпали. Почти как Ярик гайморитным носом. Его нос Оля тоже ненавидела.

Вчерашняя злость никуда не делась, а только раздувалась и раздувалась. Она душила Олю ночью во сне, пошла вместе с Олей в школу, обожгла на перемене Светку колючей шаровой молнией, нагрубила Размику Мухоморычу, сбежала с уроков и погнала Олю к запертым ангарам и ревущей пенистой реке. На горе станет легче, всегда становилось. Там секретное место, секретное место, секретное место, секретное...

Где груша?! Ничего в тумане не видно. Оля резко выпрямилась на краю круглой площадки. Левая нога проехала в размокшей жиже, потянула назад. Оля взмахнула руками, потеряла равновесие, пригнулась к земле и судорожно ухватилась за чахлые метелки сухой травы. В лицо ударила сладковатая вонь, словно мама заставила Олю достать из вазы старые цветы с осклизлыми стеблями. Оля опустила взгляд и уперлась в тусклые глаза мертвой птицы. Раскрытый клюв, вывернутая набок шея, закоченевшие крылья. Все правильно, так и должно быть на вороньем кладбище. А груша?

Оля вскинула голову и вглядывалась в низкое текучее облако, пока за влажной студеной пеленой не померещился силуэт дерева. Тогда она с трудом поднялась, двинулась вперед, чутко ощупывая ступнями размокшие птичьи трупки. Туман оседал на волосах и одежде крошечными

каплями, холодил лоб, но Олю бросило в жар. Она рванула язычок застёжки-молнии от шеи вниз и вздрогнула от его оглушительного металлического дребезжания. Куртка распахнулась, стало чуть легче дышать.

Шаг — и в сером сумраке появляется темное бесформенное пятно. Еще шаг — и оно становится плотным, похожим на огромный гриб. Еще — и Оле понятно, что грибная шляпка на самом деле — древесная крона. Шаг — и можно различить крупные ветки. Ствол. Красное.

Оля искала тишину и покой, но вместо этого обмерла от страха. Никакой благодати, только жар в затылке и мелкое постукивание зубов. Не надо туда ходить! Но ее промокшая, будто одеревенелая нога поднялась и передвинула Олю вперед, к дикой груше. Потом вторая. И снова. А там горело красное. Красная куртка!

— Привет! — сказала Наташа. — Вино будешь?

— Э-зачем?

— Вот глупая! Чтобы согреться. Иди сюда.

Наташа сидела на широкой нижней ветке, свесив длинные ноги в белоснежных кроссовках. На коленях у нее лежала Олина Барби — голый кусок резины, металлический штырь вместо ноги и грязная мочалка волос. «Это мое!» — подумала Оля и снова разозлилась.

— Ну, рассказывай! — улыбнулась Наташа.

— Что?

— Где пропадала? Я тебя целую вечность жду, договорились же встретиться.

— Это я пропадала?! — Оля задохнулась от обиды и возмущения. Она-то, дурочка, переживала, с ума сходила, волновалась за Наташу, взрослых перессорила, а та цела-невредима да еще упрекает! — Ты обещала! Ты меня бросила! Я думала, что ты умерла! Лучше бы я сама умерла! Ты хуже их всех! Ты!.. Ты!..

Пробка вылетела, Оля выпустила злобу, ослепла, оглохла и превратилась в крик, в негодующий рев. Она обвиняла, проклинала, но уже не Наташу, не маму с папой, не бабушку и Ярика, не помойных коров и бесполезный вулкан, а самую необходимость жить.

— Я больше не могу, не могу! — завывала она и вдруг поняла, что повторяет постоянную мамину жалобу.

Оля зажала рот ладонью и потрясенно посмотрела на Наташу. А та сидела на ветке, прикладывалась к горлышку темно-зеленой бутылки и чуть заметно улыбалась.

— Полегчало? — сочувственно спросила она.

Оля кивнула, устало подтащила себя к дереву и прислонилась к стволу.

— На, пей. — Наташа протянула бутылку.

— Не хочу.

— Пей. Крутая штука, у мамино полковника сперла.

— Нельзя.

— Чушь собачья! Забирайся ко мне и смело глотай. Это лекарство.

Вино оказалось сладким и немного шершавым, вяжущим рот вроде айвы. После долгого бессвязного крика Оля опустела, а теперь наполнялась слезливой нежностью.

— Я хочу уехать отсюда. В Саратов, — сказала Оля.

— А что там — в Саратове?

— Бабушка. Школа. Настоящая жизнь, как в телевизоре. Поедешь со мной?

Наташа покачала головой, рассеянно поглаживая увечную Барби. Словно котенка.

— Нет. Я это уже проходила. И бабушку, и настоящую жизнь. Правда, не в Саратове, но разницы никакой. Нечего там делать.

— Подружка моей мамы сказала, что твоя мама тебя бросила, — безмятежно выдала Оля, совсем размягчившись от вина.

— Много она понимает. Хотя да, бросила. — Наташа откинулась к грушевому стволу и прикрыла глаза. — Оставила у бабки. Это ладно, обстоятельства и все такое. Но она не приезжала, совсем никогда, и не звонила. Она даже открытку на день рождения не могла прислать. А я ждала. Разве это трудно — дурацкую открытку за три копейки с дежурным поздравлением? Это меньше, чем письмо, это такая фигня. Каждый год без открытки...

— А... — начала Оля. Но Наташа не дала сказать, перебила:

— А потом она приехала со своим полковником. Потому что он в санаторий ее возил на машине, им по пути оказалось. Мы с девчонками сидели в беседке, в детском садике, когда прибежал малой из соседнего дома: «Там толстый банкир валютную проститутку в мерседесе привез!» Бросились смотреть. А она стоит возле нашего подъезда в серебристом плаще, лакированные туфли на шпильках, сумочка вроде большого кошелька, шляпа, губы красные, аж смотреть больно. Я ее сразу узнала. «Сам ты, — говорю, — проститутка!» Думала, они меня заберут. Мама и полковник. А они только шмоток накупили, и все. Куртку эту, кроссовки...

Оля тоже расслабилась, привалилась спиной к дереву. Согрелась. Наташин голос то отдалялся, то становился ближе. Слова проходили через Олю, простые, понятные, но в то же время невесомые, словно пылинки в солнечном луче. До чего хорошо! Она, наверное, задремала и увидела Наташу закрытыми глазами, словно внутри головы. Но увидела не прекрасную Барби, а сутулую девочку с неопрятными грязными волосами. Девочка понуро стояла у стены с тускло-желтыми обоями, долговязая и некрасивая в слишком маленьком заношенном свитере и мешковатых спортивных штанах, а знакомый женский голос говорил: «Зачем тебе ехать с нами? Здесь хорошая школа, друзья, бабушка тебя любит». Девочка вскинула голову: «Не любит». Голос не поверил: «С чего ты взяла? Она тебя бьет? Не кормит? Из дома выгоняет?» Девочка снова опустила лицо и что-то неразборчиво пробормотала. «Не слышу. Можешь нормально сказать?» Девочка повторила громче: «Обзывает. Тебя об-

зывает и меня так же». Помолчали. «Ну, это... — снова голос, — не со зла. Просто возраст, понимаешь? Старая она... Слушай, что за дрянь на тебе надета?» Девочка сгорбилась, попыталась натянуть короткие рукава на запястья: «Другого нет». «Как это — нет? Я постоянно высылаю деньги!» — удивился голос. «Наверное, она на них новый холодильник купила. Она все время что-то покупает. Ковер... вещи разные. Подарки новой папиной жене...»

— Шмотки эти... — повторила Наташа.

Оля открыла глаза и с легким недоумением оглядела совсем другую Наташу. Знакомую, модную, великолепную, как фотография из журнала. А та смотрела цепко, словно чего-то ждала.

— Красивые, — невпопад похвалила Оля.

— Если бы не они, может, все было бы по-другому. Я в них слишком заметная. Вот и влипла. Но теперь это неважно.

— Влипла?

— Угу. Шла вечером домой от подружки и влипла.

Оля хотела узнать больше, но чувствовала, что не надо спрашивать. Что ответ ей не понравится. Лучше сказать о важном, о добром, чтобы Наташа перестала болезненно кривиться. Чтобы вернулась ее загадочная кукольная улыбка.

— Поехали в Саратов, а? Я хочу с тобой, я тебя люблю. — Оля и правда любила Наташу, в эту минуту она любила все и всех. Могла бы обнять весь мир, только шевелиться было лень.

— Нет. — Наташа наклонилась и заглянула в Олины глаза. — Там плохо. Голодно. Люди злые, хуже зверей. И никто не защитит.

— Тогда... тогда поедem в Америку!

— А ты знаешь, где она?

— А ты?

— Знаю, вон за той горой. — Наташа ткнула пальцем в туман, и Оля сделала вид, что ей все ясно. — Сначала Турция, можно пешком дойти, а потом, через океан, — Америка. Заберемcя в какой-нибудь корабль, никто и не заметит.

— Ух ты! Пойдем?

— Пойдем.

— И ты не исчезнешь, как в прошлый раз? Не передумаешь?

— Нет, теперь не передумаю. У меня ты есть, а раньше я одна была.

Не хочу быть одна.

— А твоя мама?

— Она будет только рада от меня избавиться. Забыть. Я ей пока не даю, но ладно уж, пусть живет.

— Мои тоже не расстроятся. Ярик у них, тетя Алла, пусть тоже живут. — Оля рассмеялась от своей невиданной щедрости.

Наташа подхватила, и они долго хохотали вдвоем — девочки на черном корявом дереве, что возвышалось над кучками истлевших перьев и сотнями вороньих скелетиков.

— А когда? Когда пойдем? Завтра? — спросила Оля, отсмеявшись.

— Нет, но скоро. Я дам тебе знак, ты поймешь. — Наташа сняла с ветки жесткую сморщенную грушу и протянула Оле: — Возьми на удачу. Чтобы у нас все получилось.

И они снова смеялись. И Оля будто летела в теплом воздушном потоке навстречу удивительным приключениям.

Бочки — две деревянные громадины, схваченные с боков ржавыми обручами, — стояли под синим матерчатым тентом. Как всегда. Оля стояла перед ними. Густое туманное облако рассеялось, но не в Олиной голове, хотя прояснилось и там. Оля подняла глаза и удивилась маленьким редким звездам между черными тучами, обернулась — и еще больше удивилась пустому павильону, запертым воротам рынка. Вспомнила, как дергала навесной замок, а потом лезла на ограду, ударяясь коленями о плоские железные перекладки. Кажется, Наташа осталась на горе. Сказала, что попрощаться с бочками — хорошая идея, что Оля обязательно должна это сделать, ведь ей будет их ужасно не хватать в Америке. А еще она так и не узнает вкус маринованного чеснока и острого перца. Да, это было важнее всего на свете — добраться до чудесных бочек. Так просто! Так здорово! Так странно...

Оля все стояла, раздумывая, что делать дальше. Кровь больше не билась в висках барабанной дробью, не наполняла восторгом и бесстрашием Олино тело, все закончилось. И винная ловкость, и сила, и необычайная легкость.

«Дома меня убьют» — факт такой же очевидный, как то, что скоро совсем стемнеет. Ну и? Оля даже хмыкнула и пожала плечами. Это будет потом, а сейчас — бочки. Раз они здесь и Оля тоже здесь, глупо не посмотреть, что внутри.

Оля пошла к бочкам. Медленно, словно растягивая удовольствие.

Вот закончились прилавки торговцев специями, вот вытоптанная многими покупателями дорожка, а чуть в стороне обычно стоит золотозубый продавец чеснока-щицака и радостно приветствует Олю. Иногда он держит черпак с длинной ручкой и взмахивает им, как шпагой. «Красавица», — говорит продавец Оле. Или: «Кукла-джан».

А сейчас нет его, никого нет. Тихо, темно, ничего не шевельнется вокруг, только ветер шуршит смятым листом оберточной бумаги у забора. Оля трогает грубый занозистый бок бочки, оглаживает его дощатую округлость, припадает носом и шумно тянет в себя укусный маринадный дух, острый, чесночный, сытный. Когда мама заливает горячим рассолом огурцы в трехлитровых банках, Оле тоже нравится, но в том рассоле нет магии. Он понятный и простой. А эти бочки чужие, запретные. Оля приподнимается на носки и берется за край круглой толстой крышки. Сейчас сдвинет и... Крышка не поддается. Оля наваливается грудью, толкает и толкает, но та словно приклеенная или прибитая гвоздями. Тогда Оля пробует снять другую крышку, со второй бочки, но снова не получается.

Как же это так? Нечестно! Оля пинает бочку, пинает вторую, ругает их последними словами, толкает, плюет в них, бросается на упертые крышки, колотит кулаками, а им хоть бы что. Надо найти палку или кирпич — да, лучше кирпич, — чтобы разломать. Только нет здесь ни камней, ни палок, и Оля снова бьет бочки ногами.

— Э!

Оля остановилась.

— Э-э-э! — и дальше на местной тарабарщине «тыр-быкыр-кычмыч», не понять. Но голос мужской, взрослый и очень сердитый.

Оля обернулась, в лицо ударил луч фонарика. Пробежал по грязной куртке, джинсам, ботинкам, скользнул по земле и снова резанул по глазам. Оля прикрыла их ладонями.

— Дэвачка! — совсем близко. И снова ломаные, исковерканные акцентом слова, не разобрать.

— Я ничего не делаю! — крикнула Оля. — Я уже ухожу!

Она шагнула в сторону, к закрытым воротам, но дядька подскочил и схватил за руку. Больно стиснул огромными пальцами чуть повыше локтя.

«Вот и я влипла», — обреченно подумала Оля. И еще подумала, что надо спастись, но дергаться и голосить как-то стыдно. Унизительно. Сбежать не получится, это точно, она же слабачка. А он подтащил Олю к себе, наклонился, чуть не клюнул ее мясистым носом, зарычал. Оля ошалело разглядывала близкие черные глаза и мохнатые усы, плотно стиснув губы, чтобы не глотнуть ненароком табачный смрад его дыхания.

Дядька потрянул Олю, зарычал громче. «Спрашивает», — поняла она и на всякий случай кивнула. И тогда он чуть успокоился, отодвинулся, заворчал уже тише: «Грых, чаках, темно, грых, тах, дэвачка, ай-ай, один кычмыч». Большой, толстый, на две головы выше Оли.

Потом дядька вел Олю прочь от бочек, и она шла за ним, как заколдованная. От знакомых прилавок, от ворот, за угол павильона. «Мне конец», — поняла она, и еще поняла, что однажды это должно было случиться: драконы не спят и не отдыхают. Некуда бежать. Разве Наташа этого не знает? Зачем подговорила Олю бродить по темному городу?!

Дядька отпер неприметную калитку, потянул Олю за руку, выволок на пустую узкую улицу. Хоть бы какой человек мимо прошел, но глупо и мечтать. Город — что колодец: крикнешь — и только эхо ответит. Ни фонаря, ни светящегося окна — дома попрятались за высокими заборами, редко где проглянет отблеск электрической лампочки.

Оля шла за дядькой, спотыкалась, чувствовала, как от подошв отламываются куски подсохшей грязи, отлетают в стороны. Дышала тяжело, с хрипом. А он торопился, держал стальной ручищей и волок за собой. Время от времени начинал ворчать на тарабарском, потом надолго замолкал, прибавляя шаг и снова ломал слова сердитым голосом. Но не спрашивал и даже не смотрел на Олю.

Проехала машина, блеснула фарами. Оля поняла, что не знает, где находится — никогда она этой дорогой не ходила. А где ходила? К школе,

к церкви, к рынку. Но город ведь большой, улицы закручиваются спиралью, завязываются узлами, кружат, обманывают. Слишком одинаковые заборы, слишком похожие низкие крыши, неотличимые редкие деревья. Можно полжизни плутать и не выбраться. Только голоса собак во дворах разные, но лают они об одном: все пропало, никто не поможет Оле.

Скоро домов не стало, дядька вывел Олю на колдобистую дорогу. Темнота налилась густым синим цветом, еще немного — и станет черной, непроглядной. Оля тряслась то ли от холода, то ли от страха. Дядька держал крепко, и ей приходилось почти бежать за ним. Куда он ее тащит? В горы, чтобы сбросить с обрыва, или к реке, чтобы утопить? Потом, после ужасного? Чего ужасного? Оле бы попросить его сжалиться, не обижать ее, но язык будто окован. Может, если она заплачет, дядька отпустит? Надо разреветься! Оля вспомнила, как Марианна из сериала потеряла своего младенца, после этой серии даже взрослые плакали. Нет, не то. Вспомнила песню про сироту и расстрел. Не помогло. Представила, как завтра или послезавтра ее достанут из реки, бледную, необыкновенно красивую с влажными блестящими волосами, совсем юную. Ее положат на берегу, а люди будут стоять, смотреть и молча ронять слезы от жалости. Оля шмыгнула носом, часто заморгала, но тут дядька что-то отрывисто сказал и показал вбок. Каменная стена. Они уже какое-то время двигались вдоль нее, а теперь подходили к черному пятну на этой стене. Пятно оказалось большой дырой, разломом с неровными краями. Дядька поволок Олю к нему. И вот тут в ее голове белым огнем полыхнула паника, потому что где стена, там комната, подвал, тюрьма, клетка. Там точно никто не увидит, не услышит, не спасет. И Оля окажется взаперти через секунду, через секунду не станет улицы, неба, свободы.

— Не хочу! Не хочу! Не хочу! — тонко завизжала она, вырываясь.

Дядька испугался, зажал ей рот грубой ладонью, выругался на своем грыкающем языке и толкнул Олю в проход с такой силой, что оба они не вошли, а ввалились в него.

Комнаты не было. Стена оказалась просто стеной, и с другой ее стороны — то же небо, тот же холодный сырой воздух. И огоньки, много фонарных желтых точек и оконных прямоугольничков. А ближе всего дом в два этажа, с узкой высокой трубой, с длинной пристройкой, похожий на... котельную?

Дядька отпустил Олину руку, подтолкнул в спину:

— Домой! Гэй, гэй!

Оля обернулась:

— Это наш городок? Наш военный городок, правда?

— Да. Да-да. Домой.

И он снова заругался про девочку, темноту, нельзя. Оля теперь поняла гораздо больше. Он ее отпускал! Он велел ей идти домой! Он, наверное, нарочно выбрал окольный путь, чтобы не объяснять на КПП, откуда ведет ночью русскую девочку. А теперь Оле надо очень спешить и молиться, чтобы папа сегодня задержался на работе. Или пошел играть

в карты, или в кабак. Оля подумала, что дядька хороший, что надо сказать ему спасибо, но тогда пропадут драгоценные секунды. Он ведь плохо говорит на русском и понимает наверняка плохо. Как объяснить, что Оля считала его убийцей, а теперь ей стыдно и при этом радостно, и он будто настоящий ее друг, самый лучший и родной. Потом, потом, нет времени!

Оля побежала. Обогнула котельную, шарахнулась от компании громких людей возле военторга. Магазин открыт, значит, еще не слишком поздно. Горит свет, неспешно идут мимо две женщины, смеются. А Олю пока не ищут, и она сможет еще наврать, вывернуться, уцелеть. Ей обязательно повезет! Скорее, скорее!

Мама с папой орали друг на друга в большой комнате, Ярик бился головой об подушку, Оля лежала в своей провисшей койке и трогала разбитую губу. Она пыталась оторвать лоскутик кожи возле ранки, но так, чтобы не слишком больно.

Когда Оля ворвалась в квартиру, красная и взмокшая от быстрого бега, папа был дома — она сразу заметила его фуражку на вешалке. И мама была дома. Мама услышала Олю, вышла из кухни и застыла в дверном проеме, сложив руки на груди. Смотрела, будто не верила, будто у Оли выросла вторая голова или что похуже.

— Вот как это бывает, — глухо сказала мама. — Очень просто. Ребенок просто уходит в школу, и все — нет его. Никогда больше так не делай. Или я сама тебя убью.

Оля не понимала, о чем она. Почему не кричит, не обзывает. И говорит замороженным голосом:

— Умойся. Тебя ждет отец.

За стеклянной дверью родительской комнаты хрустнуло яблоко. Оля обмерла и захотела назад в темноту, к незнакомому дядьке.

А сейчас мама и папа орали друг на друга.

«Парашютисты. Бух! Парашютисты. Бух!»

Оля закрыла глаза и взялась сочинять продолжение бесконечного письма: «Бабушка, ты не обижайся, но я теперь к тебе сама не поеду, я хочу в Америку. Там красивые люди и дома, там все живут интересно и всегда можно позвать на помощь полицейского. Сегодня меня схватил местный дядька, но не обидел, а отвел домой. А папа обидел. Я думала, что местные страшнее всех, но они не бьют кулаком по лицу. Я уже не знаю, кто злее, но думаю, что все-таки — папа, и ты правильно его не любишь. Я убегу. Это здесь я маленькая и слабачка, в Америке я стану другой, как Наташа, и даже лучше».

Соседи сверху постучали по батарее, и жесткий металлический звон разнесся по всей квартире. Ругань в родительской комнате резко оборвалась, но через несколько минут голоса снова зашумели, правда, без крика. Фразы стали обрубленными, напряженными.

А потом голодно замяукал котенок — мама плакала.

Оля сжалась в комок, заткнула уши, но мяуканье уже залезло в ее голову.

«Я буду как Наташа! Буду как Наташа! Мне все равно!»

Ярик перестал гундеть про парашютистов и только слабо ударялся лбом в подушку. Жалко его, ему Америки не видать. «Бабушка, ты лучше забери к себе Ярика. Он разбалованный, но ты его перевоспитаешь. И пусть он ходит в настоящую школу и в компьютерный класс. Ты только папу не пускай с вами жить. А обо мне не беспокойся, я стану богатой. У меня будут пальмы, бассейн, золотая машина, пляж с желтым песком, я всем поделюсь с вами, мне не жалко».

Оле сдавило горло от собственной душевной щедрости. Грустно и ласково заныло в животе, как от мыслей о несчастном растерзанном теле, выловленном из реки. Горько и хорошо. «Все будет хорошо, — всхлипывала Оля. — Я пока потерплю, а потом заживу по-настоящему».

Но потом наступила не Америка, а утро пятницы — первого дня Олиного домашнего ареста.

Оля ждала Наташу. Сидела у кухонного окна, смотрела на бетонную дорожку возле подъезда и ждала. Она знала, что Наташа обязательно появится в подходящее время, поэтому не волновалась. Когда взрослые прогоняли с кухни, Оля садилась у окна в своей комнате и смотрела на угол общежития и кусочек Шанхая за ним.

Коровы приходили со стороны котельной, скорее всего через разлом в стене, и ели из помойки. Оля чуть покачивала головой в такт движению их медленных челюстей. Вороны садились на балконные перила, заглядывали в сонные Олины глаза, но скоро улетали. В жидкой грязи между домами вязли люди в камуфляжной форме — все на одно лицо, как пластмассовые солдатики Ярика. Изредка проезжали машины, набитые местными парнями. Из салонов текли непонятные песни под дудки и быстрые барабаны. Пробежал Светкин папа — в оранжевых гетрах, в зеленых гетрах, в желтых гетрах... Чумазый местный мальчишка часами стоял под окном и голосил, задрал голову: «Ася тетя! Ася тетя! Ася тетя-а-а!» Оля ничего не думала и ничего не чувствовала, она ждала Наташу. Когда мама приставала с вопросами, а потом и Аллочка-умничка с рыжей прыщавой Верой, Оля так и отвечала: «Я жду Наташу». И все на этом.

В один из дней со стороны Шанхая выехали свадебные машины. Парочка обыкновенных и белая иномарка с голубыми лентами, бантиками и куклой-невестой на капоте. Не Барби, простая кукла — пухлая, лупоглазая, с короткими кудрявыми волосами. Оля ожила, рванула оконную задвижку, потянула на себя раму. С треском оторвались бумажные полоски, полетели из-под них клочки ваты — мама уже утеплила окна на зиму, а Оля и не заметила. Она высунулась на улицу по пояс и закричала:

— Фая! Фая, убегай! Изольда, убегай! Все убегайте!

Если Олю услышали, то виду не подали. Машины проехали мимо, и только в окне первой, окукленной, мелькнуло смуглое лицо за тонкой фатой. Или Оле это показалось.

И опять тишина, коровы, вороны, солдаты.

— Я жду Наташу.

Мама перестала спрашивать и ходила с таким видом, будто у Ярика опять кашель или температура под сорок. Только дело было не в Ярике, на этот раз — в Оле. Рыжая Вера раскладывала карты, жгла тощие церковные свечки, а тетя Алла занудничала про Олин переходный возраст. Наплевать.

Оля сидела у окна. И когда рано утром мама отвела Ярика в сад, и когда вернулась, и когда к подъезду подъехала «девятка» цвета «мокрый асфальт», и когда из нее вышел дядя Бино. Биноккио. Мама впустила его в дом, а Оля сидела у окна.

Верин муж, дядя Костик, Оле не нравился: был он нервным художничком с плешивой макушкой и нудным голосом. Когда приходил с тетей Верой в гости к Олиным родителям, обязательно хвастался квартирами в разных городах. Но даже гордился собой скучно, словно обижался. Тетя Алла называла его «гнус» и говорила, что гулять от такого мужика сам бог велел. А мама осуждала дядю Костю за то, что он продает местным оружие, но высказывалась нечасто: вдруг другие подумают, что она завидует. Папа, наоборот, восхищался: «Вот шельма, хоть бы раз попался!» Даже когда проверяющие недосчитались танка, дядя Костик ухитрился выкрутиться. Танк нашли в городе, на заднем дворе местного депутата. Зима была, по следам на снегу нашли. «Вот шельма!» — уважал дядю Костю папа. А тот бубнил, что местные вообще обнаглели, дураки тупые, только и умеют, что честных людей подставлять. И раздраженно скреб по столу тощими пальцами. Шкряб-шкряб ногтями. У Оли от этой его привычки болели зубы.

Другое дело — дядя Бино, местный Верин друг. Оля бы не поехала с ним, мамой и Верой, ни за что бы не поехала, но он ворвался в квартиру, будто неуклюжий медведь в теремок, весело подхватил Олю на плечо, так что она повисла головой вниз и впечаталась лицом в его черную кожаную куртку, и поволок в машину:

— Ну-ка, улыбайся, а то защекочу! К бабке-ведьме повезу, покормит тебя дохлыми лягушками, будешь знать! Что придумала? Какую такую подружку? Верачка не расколдовала, жалуется на тебя, значит, хорошую ведьму надо.

— А я плохая, что ли? — обиделась Вера.

— Ты не ведьма, ты — гурия!

— Далеко ехать? — спросила мама. — А то мне Ярика из сада в пять часов забирать.

— Не, недалеко — пятьсот километров всего. Да шучу! В селе за городом она живет. Духоборка.

Оля вспомнила духоборских детей из школы: вялые, жмутся друг к дружке, на все вопросы «да» и «нет» — скучно. Вроде русские, но не поймешь, чем живут. Сидят в своих деревеньках со времен царей, которые сослали их в эти проклятые горы. Но царей-то давно нет, значит, и ссылка закончилась. И чего к ним тащиться? Вера раза два бывала в духоборском селе по вопросу ясновиденья и тетя Алла с ней, рассказывали потом маме про «безумно заряженную энергетическую атмосферу». А Оле это зачем? Но от дяди Бино не вырвешься.

Ехали по бурой жухлой равнине. Горы далеко, а здесь дорога да редкие озера, больше похожие на гигантские лужи. И деревянные столбы электропередач по обочинам: первый целый, у второго середина выпилена и верхушка на проводах висит, снова целый, и снова пенек и висюлька. Торчат через один, сколько возможно разглядеть в дождливом сумраке. Темно от низких лиловых туч, у Оли синяки на спине такого же цвета, а на губе засохшая кровавая корка — коричневая, как влажная земля. Но почти не болит.

Оля забилась в угол на заднем сиденье и задремала. Проселок ухабистый, разбитый, не едешь, а в лодке с волны на волну перекатываешься. Не стошнило бы.

Остановились, захлопали дверцами, потянули Олю из теплого салона, и сразу закружился вокруг ледяной ветер, похлестывая и подкусывая со всех сторон. А кругом плоское нагорье, несколько домиков с сараюшками, пара лысых тополей и большущие аистьиные гнезда на них. Дядя Бино тоже заметил пустые гнезда и вздохнул:

— Улетели.

— Кто? — не поняла спросонья Оля.

— Аисты. Только у духоборов живут, больше нигде.

— А вороны?

— Зачем вороны? Не надо нам вороны. Верачка, — позвал он, — есть там кто?

Рыжая Вера постучала в узкую дверь беленого домика, потом еще раз, громче. «Хатка-загадка», — подумала Оля. Окинула взглядом покатуя крышу, подивилась слою земли на ней и кустикам пожелтевшей травы вокруг печной трубы. На крыше растет, а возле дома — нет. Грязь да козьи кругляши под ногами. И странный заборчик вдоль стены, похоже, из коровьих лепешек сложен. Вот и весь пейзаж.

— Наверное, нет никого, — сказала мама.

— А куда им деться? — не согласилась Вера и заколотила обоими кулаками.

В доме грохнуло, задрезжало, и дверь распахнулась. Щекастая бабища в спортивных штанах и кофте из ангорки подбоченилась в проеме и пробасила:

— Чего ломитесь?

— Здравствуйте! — широко улыбнулась Вера. — Мы к вашей бабушке.

- Сыр купите?
- Мы не за сыром, нам бабушка нужна.
- Купите. Недорого.
- Зачем?
- Хороший сыр, все знают, все к нам за ним ездят. Козий.
- Купим, — дядя Бино подошел к Вере. — Давай сюда бабку, заморозились мы уже.
- Сначала сыр.
- Э-э-э! Сколько денег надо?

Круглые головки белоснежных сыров лежали под марлей на длинной лавке в чуланчике. А может, и не чулан это был — потолки в домике низенькие, кругом тесно, не комнаты, а душные закутки. Да еще шкафами заставлены, сундуками, ящиками и коробками.

— В Россию перевозить нас будут, возвращать на историческую родину. Не очень верится, но собираемся потихоньку, — объяснила сырная тетка.

Ну вот, даже эти в Россию намылились. Столько веков сидели, корни пустили, а туда же. Но Оле все равно, и она не останется.

Дядя Бино ухватил сырный круг, сунул тетке несколько бумажек и сбежал в машину. Сказал, что ему больно шею все время пригибать и спотыкаться о мебель. Вера хотела остаться в доме, но тетка не разрешила: нечего глазеть, тут у них не театр. Мама заступилась за Веру, да зря: пришлось идти в бабкин закуток без поддержки. Мама робела, не знала, где стоять, что говорить, и была похожа на двоичницу у доски. А Оля морщилась от запаха скисшего молока и не хотела, чтобы бабка трогала ее руками.

Бабкины руки напоминали сыры — толстые и белые. Сама бабка, тоже в спортивных штанах и нарядной кофте, сидела между горками расшитых подушек на высокой перине, а руки ее лежали на коленях ладонями вверх. Совсем не старые. И бабка не старая, гладкая и румяная. Она велела маме молчать и кивнула Оле на стул.

- Что в кармане носишь? — спросила бабка, когда Оля уселась.
- Ничего.
- Проверь.

Оля запустила руку в карман куртки и нащупала круглое шершавое. Дикая груша. Наташина — та, что на удачу.

- Давай сюда. Сериал скоро, поторопись.

Груша легла в раскрытую ладонь. Бабка обхватила ее пальцами, словно поймала, подержала в кулаке возле уха. Потом рассматривала, вертела туда-сюда, поворачивала, нюхала.

— Пока носишь с собой гнилушку, чужая тень рядом телепается. Забирай назад. При случае на место вернешь. — Оля приняла грушу осторожно, двумя пальцами, чтобы не прикасаться к чужому телу, а бабка изогнулась, завела руку за спину, с хрустом почесалась и изрекла: — Все, до свидания.

— Как это «до свидания»?! — возмутилась мама. — А порчу снять?

— Какую порчу?

— Обыкновенную. Или сглаз.

— Приглядывай за ней лучше, вот тебе и весь глаз. Ясно?

— У меня ребенок на себя не похож! — запричитала мама. — Она с ума сходит! Мертвых живыми называет! Сидит как пришибленная целыми днями, слова не скажет! А вы что? Помогли?!

— Ты сыр купила?

— Что?.. Бино купил.

— Вот и хорошо. До свидания.

— Нет, не до свидания!

Оля не стала дожидаться маму, положила грушу в карман и вышла во двор.

Вера и Бино сидели в машине голова к голове. Оля не вглядывалась — какая разница, что они там делают. Она потопталась перед домом, ежась на ветру. Холодно. И чего здесь торчать, кого ждать, зачем? Оля прошла вдоль низкой ограды из сухих коровьих лепешек, обогнула тополь с пустым гнездом и поплелась по ухабистой дороге в сторону городка.

Красную Наташину куртку Оля заметила издалека и совсем не удивилась. Брела по колдобинам, еле переставляя ноги, крутила в голове бормоталку Ярика: парашютисты — шаг — парашютисты — шаг...

— Пилить столбы — это вредительство, — вместо приветствия сказала Наташа, когда Оля с ней поравнялась. Она сидела на пеньке возле обочины, изящно скрестив длинные ноги. Над ее головой опасно нависала верхняя часть столба с двумя поперечными перекладинами — на вид слишком громоздкая для тонких проводов, которые глубоко прогибались под немалым весом.

Оля остановилась:

— Ты меня ждешь?

— Но с другой стороны, деревьев нет, а людям нужны дрова. — Наташа словно не слышала вопрос. — Дрова лучше сухих коровьих лепешек, это и дураку понятно.

Оля вздохнула и побрела дальше.

Видимо, она растеряла последние мозги, когда папа приложил ее головой о спинку кровати. А если не мозги, то что-то другое, важное. Но теперь Оля изменилась и вряд ли побежала бы в укрытие, посыпясь с неба камни. Или стала бы приплясывать вокруг Наташи, вымаливая ее барби-королевское внимание. Мама с папой ругались каждый вечер, но это больше не заставляло Олю сжиматься в испуганный, страдающий комок. Ярик ломал, что хотел, и на здоровье. Школа словно исчезла из Олиной жизни. Пустота. Но Оля не чувствовала себя несчастной, нет, она будто наполнилась благодатью дикой груши с отравленными плодами. Стала большой и спокойной, наблюдающей. И на папу она тоже смотрела будто сверху.

Раньше Оля и думать плохо о папе не смела, боялась, что он поймет по глазам, или по запаху, или как-то еще. Узнает, что Оля опять провинилась. Он говорил: «У тебя на морде все написано». А если потом вскрывалось, что наказали Олю незаслуженно, только отмахивался: «На будущее» и «Не смей ныть, а то добавлю». Ничего он не знал про Олины проступки, просто скандалил, когда хотелось.

Папа — главное чудовище, потому что ему все позволено, а Оля для всех других людей — его собственность. Он и маме говорил: «И куда ты денешься с двумя детьми? В Россию? С голоду подохнете». Мама ему верила, но Оля теперь знала, куда денется, и продолжала мысленно писать бабушке: «Я обязательно убегу с Наташей, ты не думай, я не обижаюсь на нее за вино. Разве Наташа заставляла меня идти в город поздно вечером? Нет. Скоро, совсем скоро я буду жить в Америке. Только почему-то представляю ее не американской из фильмов, а как твоя улица и двор. Это неправильно, так не бывает. В Америке ведь намного лучше, чем в Саратове. Но хоть бы она и правда была похожа на твой двор».

— Тебя ищут, — сказала Наташа за Олиной спиной, нагнала ее, и они пошли рядом. — Минут через пять будут здесь.

— Надо спрятаться? — равнодушно поинтересовалась Оля.

— Зачем?

— Переждем и пойдем в Америку. Разве ты не для этого меня ждала?

— Нет, просто скучаю одна. Захотелось повидаться.

— А Америка?

— Еще рано. Кое-что должно случиться. Но ты не бойся, не с тобой.

— Я и не боюсь. Только...

— Что?

— Ты ведь моя подруга? — Оля не смотрела на Наташу, волокла себя по ухабам и бесцветно бормотала свое. — Я очень хотела быть тебе настоящей подругой и чтобы ты мне — тоже. Ты красивая и смелая, но непонятная и странно дружишь.

Наташа резко остановилась. Оля по инерции сделала еще пару шагов, потом обернулась и посмотрела в напряженное, словно затвердевшее от боли Наташино лицо.

— Мы скоро встретимся. И если я подниму руку вот так, — Наташа выставила ладонь перед собой, — приходи на следующее утро за танковый полк к заброшенному складу. Знаешь, где он? Знаешь, как раз по пути на воронье кладбище. Приходи, поняла? А сейчас посмотри вон туда, они за тобой едут.

Из-за поворота показалась машина дяди Бино, и Наташа отступила на обочину. А когда «лада» с надсадным ревом подъехала к спиленному столбу, Наташа пропала. Это Олю тоже не удивило.

— Что за революция такая? Зачем бегут?!

От церкви до площади с гранитным Лениным дяде Бино пришлось не ехать, а еле тащиться из-за полоумных людей, которые то и дело выскакивали на дорогу. На самой площади, возле двухэтажного серого отделения городской милиции, кипела толпа. Гудела, тяжело дышала и все время двигалась. Со всех сторон стекались люди — мужчины, старики, парни. Некоторые несли ружья, некоторые — автоматы. Бино остановил «девятку», распахнул водительскую дверцу и окликнул пробежавшего мимо бородача. Тот обернулся, но лишь окинул машину диким взглядом.

— Сейчас приду. Здесь сидите, — приказал Бино и припустил в сторону столпотворения.

Заговорил с высоким стариком, выслушал мужичка помоложе, который горячился и хватал Бино за куртку, подошел к важному толстяку в темном костюме, а потом его подхватил и унес бурлящий человеческий поток.

Вера перебралась за руль, чтобы лучше видеть. Мама наклонилась, потянулась через Олю и начала быстро крутить ручку на дверце, опуская вниз оконное стекло. Люди на улице кричали, трясли кулаками, колотили в широкие железные двери милицейского участка. Оля неосознанно выискивала знакомых: историка из школы, учителя алгебры Размика Мухоморыча, папу Изольды, дяденьку — торговца маринадами с рынка и другого, который вел ее домой в темноте. Выхватывала багровые от ярости щеки, лбы и шеи, раскрытые оружием рты — черные провалы и желтые коронки, смотрела в растерянные, горестные или горящие бычьей яростью глаза. Жуткие неузнаваемые маски, никого не отличить.

«Война началась», — подумала Оля.

— А наши где? — воскликнула Вера.

Оля с мамой обернулись на «Евростиль». Пять-шесть военных стояли на крыльце ресторана и неотрывно наблюдали за местными. На них никто не нападал, даже ничего им не говорил — значит, с русскими не воюют. А с кем тогда?

— На дома посмотрите, — сказала мама, опуская стекло и со своей стороны.

Под ажурными коваными козырьками одноэтажных домиков, у калиток и ворот по две-три стояли женщины. На перекрестке — целое сбирище, Оля подумала о курицах, которые жмутся друг к другу в холодную ночь. Молодые, старые, такие, как Вера с Олиной мамой. Те из них, кто не успел надеть уличные длинные юбки, кутались в махровые домашние халаты. Простоволосые, испуганные. В окнах — детские мордашки и ладошки. «Ойе-вае-мэ-э-э! Айя-вае-мэ-э-э!» — выл одинокий бабий голос из глубины дворов. Надрывно звенел в подавленном молчании остальных женщин и отскакивал от стен, никому не нужный.

Оля подняла голову. Крыши, печные трубы, антенны и провода — все черное от ворон. «Судьи», — мелькнула мысль, но почти сразу истаяла.

— Агр-р-р!

— Вера! На место! — рявкнул Бино.

Она торопливо подвинулась. Бино грузно втиснулся за баранку, захлопнул дверцу и велел поднять стекла. Салон наполнился острым запахом пота и почему-то — гари.

— Биноша, что там?

— Шакала поймали. — Он резко вывернул ключ зажигания и замер, будто вслушиваясь в дребезжание мотора. — До вашего КПП поеду, а дальше сами. И в город не выходите.

— А ты?

— Все тебе надо знать! Что пристаешь?!

Вера дернулась, отвернулась. Бино мрачно уставился в лобовое стекло. Его уши стали малиновыми, Оля подумала, что это от злости. Но ведь Бино не такой, он — Биноккио, он смеется, подбрасывает Ярика и делает вид, что не понимает. Он однажды легко и весело успокоил папу, когда тот обругал маму криворукой овцой, а Вера попыталась ее защитить. Он большой и сильный, может любого сломать, как спичку, но даже не обзовет никогда.

— Я к людям вернусь, шакала наказать, — сказал Бино через несколько секунд. Сердито, но уже мягче. — Надо быстро, пока чужие менты не приехали. Мы сами сделаем, посторонних наши дела не касаются.

— Какого шакала? К-кто это — шакал? — пролепетала мама.

Она знала только снисходительную веселость друга Бино. Думала, добродушное настроение с ним всегда, как бывает у людей врожденные родинки или другие особые приметы, что он и спит с улыбкой. А теперь смотрела и не узнавала.

Бино выдал рычащую тираду на своем тарабарском — выругался, это и без переводчика было ясно. Оглянулся на маму, на Олю и сказал:

— Нельзя при дочке.

— Оля, закрой уши, — велела рыжая Вера.

Ее любопытство оказалось сильнее обидчивости.

— Зачем «закрой»? — снова завелся Бино. — Никакой пользы от вашего «закрой»! Э, все равно узнает... Подонка поймали, вытащили из погреба его дяди. Спрятаться хотел, сучий сын, а потом убежать через границу. Девочку он украл. Родственники сначала подумали, что жениться хочет, а сваты не пришли, и девочка не вернулась.

— Совсем? — выдохнула мама.

Бино поймал ее взгляд в зеркале заднего вида и кивнул.

— А что же он с ней...

— Мы эту мразь из тюрьмы силой возьмем, если милицейские сами не отдадут. Весь город против них стоит. Но они отдадут, потому что они — тоже город.

— А потом?

— В землю.

— Боже... — простонала Вера. — Какое варварство!

Нагрубить в ответ Бино не успел.

— Он Фаю украл, — равнодушно сказала Оля. — Но свадьба уже была, я видела.

Бино рывком повернулся к ней, заслонил половину салона и словно половину воздуха из него выдавил.

— Что ты видела?!

— Свадьбу. И Фаю в белой машине. У нее была фата.

— Не могла ты это видеть!

Оля пожала плечами: мол, не верьте, мне без разницы. Ее не смутило, что взрослые разом онемели, что уставились на нее, как на говорящее насекомое или другое чудо природы. Оля прислонилась затылком к спинке кресла и закрыла глаза.

Постояли.

Поехали.

Люди обтекали машину с двух сторон. Некоторые приостанавливались, хлопали ладонями по капоту, кричали, показывая на площадь. Бино высовывался в окно и коротко отвечал. Когда выбрались на пустынную боковую улочку, Вера шепнула:

— Ту девочку Фаей звали?

Он не ответил. Вместо этого тихо сказал Олиной маме:

— Доктору ее покажи.

— У нас нет таких докторов.

— Найди, где есть.

Оля их не слушала. Ей стало скучно и тоскливо. Словно внутри ворочалась зубастая крыса, но не грызла, а мучительно маялась в тесноте, пытаясь устроиться поудобнее и уснуть.

В городке возле крайнего подъезда пятого ДОСа тоже толпились женщины. Не слишком много: несколько скучающих домохозяек, пара местных матрон и тетя Алла. А вот за окнами, за чуть приоткрытыми шторами, за тонким ажурным тюлем, наблюдателей было гораздо больше.

В подглядывании есть особая прелесть — невидимка всегда хозяин положения, потому что незаметен, и, если ты слабачка, это единственный способ стать немного сильнее. У невидимки тузы в рукавах. Например, секрет про папу и какую-нибудь тетеньку. Например, про ту тетеньку, что сейчас стояла чуть в стороне от остальных: цветущая, умиротворенная, с романтической блуждающей улыбкой на губах. «Будто вкусного наелась», — подумала Оля.

— Алка, в городе такое! — на ходу крикнула Вера, но тетя Алла на нее и не посмотрела. — Алка! Оглохла, что ли?

Вера и мама обогнули зевак и прошлепали по размокшему газону.

— Ал... — начала мама, трогая ее за локоть, но не договорила. — А что здесь такое?

Оля за ними не пошла, осталась на бетонной дорожке. Ей был хорошо виден балкон на третьем этаже — серый прямоугольник, гнутые

перила, бельевые веревки с забытыми прищепками: синяя, красная, снова синяя. Но белье летело не с веревок, его выбрасывала незнакомая женщина с желтой крашеной прической до плеч и круглым, немножко приплюснутым лицом. Есть такие собаки — сами маленькие, а глаза у них большие и печальные — мопсы. Женщина напоминала мопса.

Она бросала и бросала через перила охапки ярких тряпок — рубашки, платья, блузки, — не глядя, как солдаты бросают лопатами снег. Скрывалась из виду, наклонившись за новой порцией белья, выпрямлялась и снова бросала. Ее мерные беззвучные движения завораживали. Халат. Спортивный костюм. Военная форма, куртка, плащ. Красные сапоги, черные сапоги, туфли, очень много туфель, розовые пушистые тапочки. Потом бусы, тюбики, коробочки, флакончики. Вот женщина снова наклонилась, поднялась и выплеснула из пластмассового тазика мыльную воду. Полетело мокрое шелково-кружевное белье. Наверное, стирка. Белые женские трусы зацепились за веревку, и дама с глазами мопса брезгливо сдернула их выбивалкой для ковров. Комок мокрых кружев шлепнулся на землю. Зрители хохотнули, но не вызываяще, а как заговорщики или соучастники. В окне рядом с балконом показался дядька, Оля смутно заметила его краем глаза. Мелькнул мясистый подбородок, круглая щека, седой висок, рука, ухватившая занавеску. Этот не умел быть невидимкой.

Одна из широкозадых местных бабищ немного сдвинулась в сторону, открывая Оле обзор на кусочек причмокивающей влажной земли под балконом. На разбросанные вещи. На Мадаму, маму Наташи. Значит, этот в окне — полковник-любовник. А женщина-мопс?

— Жена приехала, неожиданно, как в анекдоте, — сказала тетя Алла маме и Вере нарочно громко, чтобы все слышали. — Мусор убирает. Ей, наверное, какой-то добрый человек сообщил, что в доме паразиты завелись.

— Зря ты так, — буркнула Вера.

Олина мама только поморщилась и на тетю Аллу не посмотрела. Она смотрела на Мадаму, а та подбирала свои испачканные, растерзанные вещи и складывала на скамейку перед подъездом. От ее глянцевого сияния ничего не осталось — обычная усталая тетка с нечесаными волосами, но даже когда она нагибалась, спину держала прямой. Натянутой, еще немного — и треснет посередине. Поднимала, складывала, поднимала, складывала, а потом вдруг вскинула голову на мужичка в окне. Он дернулся от неожиданности и трусливо нырнул в глубину комнаты. А Наташина мать так и стояла с поднятой головой. Хлопнула наверху балконная дверь, жена полковника-любownika тоже скрылась в квартире.

— Это называется — справедливость, — не сказала, а промурлыкала тетя Алла.

Вера промолчала, а мама отыскала глазами Олю и поманила к себе:

— Сумочку мою отнесешь домой?

Оля послушно взяла дерматиновую сумку с шелушащимися уголками и вытертым ремешком. Мама придержала ее за локоть:

— Ключ в боковом кармане с молнией. Ну иди, иди.

Оля пошла. Оглянулась и увидела свою маму рядом с Наташиной. Она тоже наклонялась и поднимала с земли чужую одежду, складывала на скамейку и снова наклонялась. Лицо ее было безмятежным, словно на нее не глазели, словно не было в этом никакого позора. А еще Оля заметила девочку с длинными светлыми волосами, собранными в высокий хвост.

Наташа наблюдала из подъезда. Скрытая его сумраком, она была замечательной невидимкой, но специально для Оли вышла на свет, подняла руку и выставила ладонь перед собой. Оля кивнула, Наташа кивнула в ответ. Завтра.

В другой день позорный скандал в семье полковника-любовника стал бы главным событием, но его отложили на потом. То, что происходило в городе у местных, ужасало, но и вызывало нездоровый, горячий интерес. Военные не вмешивались и все же наблюдали. Подробности проникали в городок будто по воздуху, за минуты облетая каждый дом, каждую квартиру. Вряд ли хоть кто-то включил телевизор и узнал, что Жуанито вышел из комы, но сообщить Марианне об их родстве не смог из-за коварной амнезии.

Хлопали двери, гудели голоса, катился по городку снежный ком разговоров, обрастая фактами, домыслами и праведным осуждением. Только Шанхай будто вымер — жители ушли в город, да Светкин папа невозмутимо наворачивал круги по стадиону, не обращая внимания на мечущихся между домами разносчиков новостей.

Вечером Ярик поджег пластилиновых человечков в жестяной кофейной банке. Тех, что уцелели в прошлых автомобильных катастрофах. Оля глянула искоса и снова сонно уставилась в окно. Ярик злился: человечки сгорать не хотели, а керосина или другой горючки у него, конечно, не было. Да и не знал он, чем можно помочь огню. Рвал клетчатые тетрадные бумажки, обкладывал ими человечков, а те лишь слабо попыхивали. Мама ворвалась в комнату, когда едкое дымное облако повисло под потолком и потянуло хвостики в коридор и кухню. Она распахнула форточку, отняла спички у ревущего Ярика, встала за Олиным плечом:

— Наташу ждешь?

— Нет.

Долгая пауза.

— Голодная?

— Нет.

— А...

— Нет.

Ярик ныл, требовал спички назад, но получил оплеуху.

У местных было все — спички, бензин, керосин, мазут, солярка. Над городом поднимался черный дым — не чахлое сизое облачко Ярика, а плотная смолистая пелена. Там не стали тянуть, слишком хотели мести.

Полыхнул дом родственников преступника, потом еще один, а самого приговоренного вытащили из камеры и подняли на постамент Ленина.

Шепот, сдавленный шепот, возбужденный шепот, трагичный шепот, только шепот годился для описания жертвы. Они его тш-ш-тс-с... пальцы ш-ш-тс-с... глаза ш-ш-ш... он ш-ш-с-с... привязали тш-ш-тс-с... камни ш-ш-ш... вместо лица пш-ш-ш-ш.

Оля смотрела в темноту за окном и видела рой мельтешащих белых мошек — бестолковая рябь на экране телевизора, а звуковым фоном к ней — шорох и потрескивание статических помех из кухни. Белый шум. Если бы проснулся вулкан, то тоже задымил бы все небо, засыпал белевыми хлопьями пепла, залил огнем. Но вулкан спал, бедствие сотворили люди.

Они говорили, что возле памятника стояли железные канистры, много-много канистр с бензином. Что человек не хотел хорошо гореть. Совсем как пластилиновый. Что кто-то сжалился и выстрелил в него из толпы. Оля думала о собаках — о маленьких рыжих дворнягах — и ничего не чувствовала. Взрослые пересказывали друг другу какой-то фильм, не иначе.

Умный вулкан спал, и Оле пора.

Для долгой дороги нужны силы.

Папа ввалился в квартиру поздно, громко и никаких новых ужасов про самосуд в городе не принес. Нужен ему этот город! Другое дело — беспросветная мамина тупость. Он кричал, что запретил даже близко подходить к женщине товарища полковника, что теперь мама сама вывалилась в грязи и запачкала его, папу, что он не позволит пятнать его офицерскую честь. Мама оправдывалась, лепетала всякую ерунду про Наташу, про сострадание. Такая трагедия, говорила мама. Вот и эта местная девочка погибла, разве тебе все равно? У тебя тоже дочь, разве ты не понимаешь? Папа только сильнее разозлился. Мама идиотка, наслушалась подружек-идиоток и дочку идиоткой растит. Жрать давай. И я тебя в последний раз предупредил!

Оля сонно подумала про папину офицерскую честь. Почему офицерскую? Неужели честь бывает какой-то особенной? Офицерской, медицинской, актерской или учительской, например? Разве у человека может быть честь общего пользования взамен своей собственной? И вдруг, совершенно неожиданно, в тяжелой Олиной голове вспыхнула мысль: папа сказал глупость. А если он глупый, то не всесильный. А если он не всесильный, то от него можно избавиться. И тогда станет хорошо, хоть в Америке, хоть в Саратове.

Только мама с ним заодно и готова прощать что угодно, потому что у папы деньги и паек. Потому что среди военных безопасно, а в России голод и бандиты, это все знают. Вот мама и терпит. Наверняка поэтому, она ведь взрослая, должна понимать про папу. Сейчас молча накроет на стол и придет спать с Олей. Как всегда.

Но что-то изменилось, непоправимо сдвинулось в этот странный день духоборских старух, горящих людей и выброшенных женщин — мама не смолчала:

— Ты меня предупредил? Да ладно! И что ты сделаешь?

— Что сделаю?!

Оля зажмурилась от слишком знакомого грохота — папа саданул кулаком по столу. Что-то стеклянно упало и покатилося.

— Только попробуй! — похожим металлическим голосом мама одергивала Ярика, если тот лез, например, к газовой плите.

Стало тихо. Будто молчат мальчишки в проулке за школой, когда выжидательно стоят друг против друга, еще не зная, кто первым сорвется с места, чтобы напасть. Папа не спешил. Не забыл, как однажды познакомился с гневными мамиными ногтями и больше недели замазывал царапины на щеках тональным кремом. Один-единственный раз, но какой! Ярик тогда поиграл с его парадной фуражкой, помял ее и поцарапал козырек. Папа за фуражку Ярика ударил, да так, что тот отлетел в угол и затылком приложился к чугунной батарее, а мама с воем бросилась раздирать папино лицо. Слишком внезапная и страшная, с нечесаными волосами, с утробно рычащим оскаленным ртом, в развевающейся белой ночной рубашке. Сумасшедшая. С тех пор папа Ярика не трогал, вообще его не замечал. А Олю замечал, и очень часто: такой папа-мамин компромисс — битая Оля в обмен на небитого Ярика.

Оля не любила брата еще и за его неприкосновенность. Хотя, если разобраться, вины Ярика в том не было, а Оля до ночного путешествия к бочкам отделялась тычками и подзатыльниками. Но это слабое утешение. Оля боялась. Она была не человеком, а размазанным плевком и дни напролет боялась, боялась, боялась. Только нельзя бояться до бесконечности.

— Да я тебя!..

— Не смей!

В дверь заколотили, папа выругался, но не сумел скрыть облегчения. Он протопал в прихожую, чиркнул ключом в замке, и тут же на всю квартиру пьяно запричитал дядя Бино:

— Верачка меня не пускает! Говорит, уходи, чудовище! Говорит, инквизитор! Кто инквизитор? Зачем такое слово? Я, как пес, под ее окнами, а она свет выключила. Мне больно, душе больно, сердцу больно! Думал, она поможет. Почему не пускает?

Ярик проснулся, заревел в голос, и мама скользнула в детскую. Оля притворилась спящей, стараясь не сжимать веки слишком сильно, а дышать глубоко и размеренно. Мама постояла рядом, зачем-то потрогала Олин лоб, вздохнула.

— Ну-ну-ну, тихо, милый, — зашептала она Ярику. — Давай я с тобой полежу. Это дядя Бино пришел, он хороший. Спи, спи, котенок.

Ярик заворочался, всхлипнул пару раз и успокоился.

— Хороший, хороший... Ш-ш-ш... — бессвязно приговаривала мама.

— Что я ей сделал? — возмущался на кухне Бино. — Почему осуждает? Разве можно говорить, что от меня смертью пахнет?

— Чистоплюйка, — хмыкнул папа и торопливо добавил: — Просто у нее детей нет, вот и не понимает. Если бы мою дочку кто-то обидел, я бы его!..

Оля горько усмехнулась.

— Вот! — закричал Бино. — Вот! Ты понимаешь! И у меня две дочки, и я понимаю. У нее нету, но она женщина. Женщина! Как не поймет?! Рюмки звякали, голоса стихали, зудели, талдычили каждый о своем.

— Бабы — безмозглые существа, овцы они... — заплетался папа.

— Дочки, кто их защитит? Такие нежные, слабые. Сами ничего не смогут, даже на помощь позвать. Беречь их надо, следить... — бормотал Бино.

Но домой к любимой семье не торопился, почему-то сидел и сидел в чужой кухне.

— В кулаке баб держать... — гнул папа.

— Некоторые люди хуже зверей, хуже бешеных шакалов...

— Только волю им дай, на шею залезут. Учить их надо...

— Одного наказали, пусть другие боятся!..

— Если боятся, значит, уважают. Значит, знают, кто в семье главный!..

— Никто не может ребенка обидеть, только зверь, сразу к столбу такого!..

— Правильно ты все говоришь, умный ты мужик, давай еще по одной!..

Со стороны Яриковой кровати послышалось сдавленное фырканье. Наверное, мама плачет, как часто бывает после ссор с папой. Оля затаилась и, насколько смогла, напрягла слух. Нет, мама будто посмеивалась. Так и есть, она смеялась! Над папой!

Оля не удержалась и тоже прыснула в подушку. И почувствовала, что они с мамой вместе, вроде лучших подружек, и наполнилась странным, но необыкновенно сладким ощущением превосходства. Папа гундел и гундел в кухне с дядей Бино, а Оле они виделись двумя надутыми лицемерами, ничтожными пьяными слабаками. Вялые дождевые черви на асфальте — вот они кто, даже давить таких не хочется — противно и чуточку жалко. Гнут каждый свое, а друг друга не слушают. А Оля с мамой — вместе, они — сила.

Второй раз уходить из дома тайком гораздо легче. Оля проснулась внезапно — глаза открылись сами, будто и не спали. Ярик простуженно посвистывал, мама сопела, за стеной раскатывался переливчатый папин храп. Оля тихо встала, нашарила в темноте с вечера приготовленную

одежду, вынесла в туалет и там напялила кое-как. Заглянула в кухню, чтобы сунуть в школьный рюкзак пару банок тушенки, нож и кусок хлеба. Воду набрать не во что, но это ерунда — в горах полно воды. Оглядела стол, заваленный объедками, залитый вонючими водочными лужицами, и взяла зажигалку. Огонь в дороге пригодится. Кажется, все.

Оле не было грустно навсегда расставаться с мамой и Яриком: она не верила в это «навсегда». Когда-нибудь потом она напишет им письмо, настоящее, а не как бабушке. И они приедут в гости и будут гордиться ею. Но все же крыса внутри заворочалась, щекотнула длинным противным хвостом в Олином горле.

Чуть слышно скрипнула незапертая входная дверь. Двадцать ступеней вниз, и вот она — свобода! Оля выпорхнула из подъезда на улицу. Неужели она стоит на этой растрескавшейся бетонной дорожке последний раз в жизни? Да!

Эта гора — вулкан, вулкан-великан. А рядом острый пик — узкий треугольник на фоне светлеющего неба. Скоро над ним встанет солнце, и начнется самый обыкновенный день. Для других, но не для Оли. Она забралась на скамейку и всмотрелась в далекие вершины. Над головой темно, а возле них уже бледно-сиренево.

Пахло прелыми листьями, дождем, мокрой шерстью и немного ванилью. Оле казалось, что кончик ее носа подрагивает, различая самые далекие и слабые запахи. Что глаза видят каждое дерево на склонах, а уши способны выхватить любой звук на многие километры вокруг. Только слушать нечего: городок обессилел после долгих возбужденных разговоров, а город стыдливо замалчивал свое злодейство.

Оля смотрела по сторонам, словно впервые. Если сломать, смести одним быстрым движением все эти облезлые пятиэтажки, жестяные щиты с картинками про Родину, корявые скамейки, шлабгаумы, ворота со звездами, если дать тополям расти, как им хочется, если оставить только горы и речку, камни, дикие кусты облепихи, заросли чабреца, пятнышки овечьей отары на том берегу и далекие, чуть смазанные домики, до чего станет красиво! Это военные сделали здесь уродство, это папа со своей офицерской честью. И Олину жизнь уродской сделал он. Теперь Оля все знает, сам он тупая корова. Сам он...

Она не рискнула идти через КПП, тенью прошмыгнула между шанхайскими бараками, обогнула котельную и отыскала дыру в стене. Оля сделала внушительный крюк, но ноги несли ее невесомо, скоро, с удовольствием. К заброшенному армейскому складу она успела вовремя — небо стало белесым. Чистым и светлым.

Наташина куртка аела, точно сигнальный флаг или тревожное пламя. «Тебе нужен Красный Цветок», — вспомнила Оля, а вот откуда взялся этот цветок и почему проговорился в голове тягучим кошачьим голо-сом — не вспомнила.

Наташа неподвижно стояла на широком сером валуне и загадочно улыбалась. Памятник кукле Барби. Оля разулыбалась в ответ, подошла, посмотрела на подругу снизу вверх.

— Залезай, — позвала Наташа. — Отсюда лучше видно.

— Что видно?

— Все.

Она протянула руку, Оля ухватила ее прохладную ладонь, вскарабкалась на высокий ноздреватый камень, увидела далеко перед собой пологий склон и дикую грушу на молочном фоне рассветного осеннего неба — ненастоящего, плотного, проглотившего весь остальной мир. Будто это не свет, а конец света, его последняя граница, за которой ничего нет.

— Погода налаживается, — сказала Наташа. — Давно пора, а то сырость надоела до чертиков.

— Это точно, — согласилась Оля. — И путешествовать лучше без дождя.

Она хотела похвастаться своим рюкзаком — тушенкой и зажигалкой, чтобы Наташа оценила ее запасливость. Но не успела.

Наташа глянула искоса и усмехнулась:

— Ну тебе-то погода без разницы. Бино до военного аэродрома на машине подбросит, а там уж самолетом в Москву.

— Кого подбросит? Зачем? — не поняла Оля.

— Вас. Тебя, твою мать и брата. Ты ведь хотела в Саратов, радуйся.

— Ничего я не хотела! Я с тобой!

— Нет, со мной не надо. — Наташа потянулась, ласково погладила Олю по волосам, но Оля вывернулась и сердито шлепнула ее по руке.

— Бросить меня решила?!

— Погоди, послушай. Вы уедете. Сегодня твоя мать встретится с моей, они будут долго разговаривать, и она почти перестанет сомневаться. А потом нужно будет легонько подтолкнуть, самую малость, чтобы она увезла вас с братом. Расскажи матери о ее подружке — о той тетке, которая целуется с твоим отцом. Дай повод его бросить. Разве ты не хочешь их спасти — ее и Ярика? Уезжайте, уезжайте вместе.

«Ничего я не хочу! Они не очень-то обо мне заботились!» — собралась было крикнуть Оля, но в горле застрял плотный удушливый комок и не позволил, поэтому она хрипло спросила:

— А ты?

— А у меня все отлично.

— Значит, я тебе не нужна...

Оля снова стала плевком, жалкой бессильной тварью, но Наташа схватила ее за предплечья и трянула. Кладнули зубы, прикушенный Олин язык словно взорвался, рот наполнился болью.

— Прекрати ныть! — прошипела Наташа.

Теперь она совсем не походила на Барби, она стала разъяренной Мадамой. «Кто тебя подослал?! Зачем?!» Нет, еще хуже, потому что Ната-

шины глаза не злились, не страдали, не просили, а лишь пусто поблескивали мертвыми вороньими бусинами. Оля дернулась, не смогла вырваться и плюнула Наташе под ноги. Окрашенная кровью слюна попала на белоснежную кроссовку и словно впиталась, моментально присохла красной кляксой.

Наташа моргнула. Медленно и трудно, палец за пальцем, отцепилась от Олиной куртки и отступила на шаг. Оля толкнула ее в грудь, спрыгнула с камня и быстро пошла прочь. Неважно куда, только бы подальше. Она сама найдет Америку, а если сгинет в этих дурацких горах, то и ладно. Наташа врет про Саратов, она — враг. Лучше пропасть, чем вернуться в тесную комнатушку с голубыми обоями и цепенеть от ужаса, когда папа приходит с работы в злобном настроении. Нет, теперь Оля не сможет покорно терпеть пощечины и подзатыльники. Она не тварь, не тварь! Она не удержится, скажет папе об этом, и он ее убьет. Удавит солдатским ремнем со звездой на пряжке, как обещал однажды. Ни за что! А Наташа — предательница, гадина, пусть и дальше торчит здесь с Мадамой и ее полковниками. Никакая она не Барби, а фальшивка в модных тряпках! К черту ее!

Оля почти бежала вдоль серой складской стены. Гулко била подошвами по рыжим корявым листам железа, спотыкалась о ячеистые пластмассовые ящики, давила битое стекло. Походя пнула темную винную бутылку и обернулась на жалобный звон. В белой ватной тишине он прозвучал громко и остро, так что Оля вздрогнула. Та самая бутылка.

Наташа лежала на сером камне, как когда-то давно Оля, чудом выбравшаяся из быстрого горного потока, — бессильно раскинув руки и глядя в небо.

— Эй! Ты! — Оля вернулась, но близко не подошла, остановилась в паре шагов от валуна.

Наташа подняла голову:

— Что еще?

— Забери свою гнилушку!

Оля замахнулась, чтобы бросить мелкую сморщенную грушу, но помедлила, прицеливаясь. Хотела засветить дичком наверняка, в лоб или в глаз. Наташа села, обхватила руками колени — прямо нарисованная Аленушка из учебника по литературе — и серьезно сказала:

— Можешь оставить. Если снова станешь трусихой или слабачкой, я приду и хорошенько тебя встряхну, чтобы вправить мозги. Потому что больше некому, а сама ты слишком привыкла быть размазней.

— Неправда!

— Да? — Наташа ухмыльнулась и мотнула блондинистым хвостом. — Ну как скажешь.

Вечно она насмехается, будто Оля неразумная малолетка. Но не высокомерно, хоть и свысока. По-взрослому. Оля нерешительно переступила с ноги на ногу, ее гнев притупился, и стало немного стыдно.

- Ладно, иногда правда. Но мне не нравится, когда ты такая.
- Какая?
- Умная.
- Еще бы!

Вот опять. Подсмеивается, словно знает что-то особенное, чего Оле никогда не понять. Надо успокоиться и поразмыслить, Оля ведь не дуручка.

Она снова влезла на камень, села рядом с Наташей и принялась вертеть грушу в пальцах. Перекатывала ее с той отрешенностью, с какой другие перебирают четки или перекидывают из ладони в ладонь упругий резиновый мячик. Долго. Оля подумала, что время идет, а белое кисельное небо не становится светлее, не выпускает в мир солнце. И что не бывает на улице полного безветрия и беззвучия, а сама она почему-то не чувствует жадного каменного холода через тонкие джинсы. «Мы на острове. Воронье дерево на другом острове, а весь остальной мир утонул. Был же когда-то всемирный потоп, вот и сейчас так же. И Саратов теперь под водой, и Америка».

Оля отпустила грушу, позволила ей выскользнуть. Сморщенный коричневый плод скатился с валуна и пропал в увядшей траве. Можно сделать вид, что это случайность, и больше не переживать из-за непонятных вещей. Иногда лучше быть глупой растяпой.

- Наташ?
- А?
- Мы ведь хотели в Америку.
- Тебе нельзя.
- Почему?

Наташа чуть слышно хмыкнула.

- Почему?!

Нет ответа. Тогда Оля решила зайти с другого бока:

— Помнишь, ты сказала, что в России плохо, что там голодно и опасно?

— Это если ты останешься одна, как я раньше. — Наташа говорила медленно, не отводя глаз от дикой груши. — Дети не должны быть одни. Поэтому надо, чтобы и твоя мама уехала. Чтобы защищала тебя. Она и сама давно хочет удрать отсюда, а сейчас самое время.

- Но если я уеду, ты будешь одна, ведь так?
- Нет. Смотри, вон там, на горе. Видишь?
- Ничего я не...
- Просто смотри.

Оля вздохнула, тоже подтянула колени к груди и уставилась на гору. Кроме единственного дерева, ничего интересного там не наблюдалось, и стояло оно неподвижное, угловатое, словно вычерченное гелевой ручкой на шероховатом белом листе. Каждая ветка — острый угол, крона широко расходится в стороны и задирается к небу скрюченной рукой, которая ждет, что в нее упадет монетка.

— Сейчас, — шепнула Наташа.

Сначала Оле показалось, что над грушей поднимается дым — одна струйка, вторая, еще, и вот они сплетаются, и вот медленно густеет едкий чернильный мрак. Она даже принюхалась, ожидая почувствовать вчерашний смрад паленой резины, но вдохнула лишь влажный земляной запах с отголоском Наташиных духов. А дым поднимался выше, уплотнялся и словно закручивался по спирали — штопором ввинчивался в сырую небесную вату. Раздавался вширь, собирался в клубящуюся непроглядную тучу. Дым — это так знакомо, так близко, еще немного — и Оля вспомнит, снимет с кончика языка. Но мысли тоже закручивались, не давались. «Город, площадь... город, город...» Какое мучение!

— Не отвлекайся. — Наташа придвинулась так близко, что прикоснулась губами к Олиному уху. Скользко и холодно. — Чувствуй.

Оля подалась вперед. Она боялась моргнуть и пропустить нечто очень важное. Камень, земля под ним, воздух — все наполнилось низким гудением, неразлично для слуха оно завибрировало в Олиных зубах, в висках, в каждой косточке. Так гудит трансформаторная будка — огромный электрический монстр в горе, но не сыто и монотонно, а нагоняя и нагоняя напряжение. Оля начала мелко дрожать. Дымовой столб над деревом вытянулся, наполнился мельтешением, а низкий давящий гул залил Олю целиком, но продолжал разрастаться, напирать, растягивать ее изнутри. Еще секунда — и Оля закричит, завоет, забьется в припадке, как один солдатик на праздничном построении когда-то давно.

Наташа звонко хлопнула в ладоши. Оля вскрикнула. Узкая дымная труба пошла мелкой рябью и раскололась, рассыпалась на сотни черных точек. «Агр-р-р! Агр-р-р!» — далеко, через толстое стекло, через плотную речную воду, через двухметровый слой жирной земли. Над дикой грушей кружились вороны, целая тьма ворон — живая тьма, гигантская хаотичная стая. Вороны кричали, разлетаясь во все стороны и рассеиваясь.

— Вот так. Дым уходит и забирает зло, — сказала Наташа.

Оля не видела ее лица, не могла повернуться и даже отвести взгляд от дерева на горе, но чувствовала довольство в голосе. Небо светлело, птицы словно растворялись в нем, пока не пропало последнее чернильное пятнышко.

— Откуда они? Раньше не было, — потрясенно шепнула Оля.

— Были. Вороны всегда здесь.

Оля не стала спорить, лишь пожаловалась:

— Х-холодно.

Она промерзла. Только сейчас почувствовала, что тело ниже пояса заоченело. Сколько часов они сидят на ледяном валуне? Легкий порыв ветра отбросил челку со лба, пригнул сухие коричневые стебли высокой травы возле камня, чуть заметно качнул дикую грушу. Он принес шелест, потрескивание, тоненький свист. Оля будто проснулась, с трудом разо-

гнула колени и медленно поднялась на ноги. Наташа тоже встала и прогнулась назад, разминая поясницу.

— Мы пойдем в Мексику, — сказала Наташа, выпрямившись. — Это тоже Америка, но другая, Южная. Она хочет. Хочет повидаться с Марианной и рассказать, что ее младенец не пропал, что его усыновил судья. И про Жуанито, он ведь потерял память, знаешь? Я говорю: «Нет там никакой Марианны, это просто актриса», но она не верит.

— Кто она?

— Она.

Она появилась под деревом, когда в небе не осталось ворон — стройная темная фигурка. Наташа вскинула руку и помахала, та ответила пожимом взмахом и тронулась с места.

— Твоя новая подруга? — спросила Оля.

— Угу. Или сестра.

Странно, но Оля совсем не ревновала Наташу, не наливалась обидой, как всякий раз со Светкой, когда та мирилась с другими девочками, а Олю списывала в мусор за ненадобностью. Нет, сейчас все происходило правильно: Олю не прогоняли, не пренебрегали ею. Просто у них свои дела, а у нее — свои. И вот эта девушка-девочка, которая неспешно спускалась по склону, не была соперницей Оле. Она была чудом.

Девушка невесомо плыла, будто исполняла стыдливую партию местного танца. Оля видела такое. Парни становились широким полукругом и хлопали, а девушки прохаживались перед ними на носочках, почти не касаясь земли. Они не поднимали глаз, напряженно тянулись телом вверх, и только руки плавно изгибались в такт музыке. И хотя эта девушка не звенела браслетами на гибких запястьях, она несла себя, будто сокровище. Ветер отбрасывал за спину ее темные волосы, заставлял длинную шелковую юбку трепетать и обтекать ноги, играл кончиками платка на плечах. Ветер обнимал ее.

«Я научусь делать танец живота лучше всех и выйду замуж за Амитабха Баччана. Знаешь его? Он передо мной не устоит, вот увидите! Возьми кассету на полке, включай, я сейчас покажу. В индийских танцах у каждого движения есть смысл, это как разговор, когда мужчина и женщина нравятся друг другу. Повторяйте, не бойтесь! Вот так плечами и головой. Это значит, что мне грустно. А если выглянуть из-под локтя и выставить бедро, это значит, что жду признания в любви... Хватит смеяться, вот ненормальные, не буду вас учить!»

Оля зажмурилась.

«Мама кофе делает знаешь как? Варит горький, а сверху кладет сладкую пену из яичных желтков. Изо, тащи пену из холодильника! Попробуй. Кофе горячий, а сверху как мороженое, правда? Вот бонбоньерка, в круглых конфетах помадка, а эти с ликером. По одной, а то будете пьяные, вам рано еще».

Оля почти слышала ее веселый голос.

«Хочу родить много детей, чтобы все в семье помогали друг другу. У нас так принято. Если у человека нет родственников, он несчастный... Что ты выдумываешь?! Любой муж только обрадуется разумной жене. А тебя отдадим за младшего сына дяди Лаврента, который все время в носу ковыряет. Сама ты дразнишься, а я очень серьезная!»

Нет, она не бывала серьезной. Во всяком случае, при Оле, когда приходила в гости к Изольде. С ней Оля не робела, не стыдилась противных резиновых сапог и катышков на свитере. Не переживала из-за своей русскости. Как же приятно ее снова увидеть!

— Фая, — выдохнула Оля.

— Фая, — согласилась Наташа.

— Фая-а-а-а! Мы здесь! Изольда думает, что тебя украли! А дядя Бино...

— Она знает, дурочка, — перебила Наташа, — и все это теперь не важно. Нам пора. Не забудь мои слова. Расскажи матери про отца, не бойся.

— Я не боюсь.

«Я не боюсь? Не боюсь!» — Оля сказала правду, она не боялась. Как же это, оказывается, легко и приятно. Как же здорово!

Наташа неожиданно притянула Олю к себе и поцеловала в щеку. Не торопливо клюнула, не равнодушно коснулась губами, а оставила долгое живое тепло на коже. Когда Оля была маленькой и мама еще целовала ее, это происходило именно так — отзывалось щемящим восторгом внутри, и столько было этого восторга, что никакой крысе не хватило бы места. А теперь Наташа заставила крысу потесниться.

— В Мексике, наверное, тепло, — смущенно пролепетала Оля.

— В Саратове тоже неплохо.

— Да... это точно. Ты передашь Марианне привет от меня? Ну, если она все-таки не актриса?

— Клянусь!

Наташа прыгнула на землю и пошла к Фае. Та стояла между деревом и камнем на пологом склоне, и у ее колен трепетали на ветру стебли жухлой травы. Потом они шли уже вместе — прочь от Оли, не оборачиваясь. И словно таяли в холодном осеннем воздухе — два черных пятнышка. Все дальше, и меньше, и бледнее.

Оля не двигалась. Смотрела им вслед и прижимала пальцы к горячей щеке.

Она улыбалась.

Дмитрий КАРШИН

ПЯТЬ БЕЛЫХ ПТИЦ

Цикл стихотворений

1.

Пять белых птиц, кружившихся над нами,
Скамейкой в парке и стеной кирпичной,
Не рано ли из-за зимы вернулись?

Еще не стоптан след, не стерты знаки,
Начертанные прутиком ольховым
На обороте нашего свиданья,

Лежат пусты вчерашние аллеи,
Ни шороха, ни тени, ни синицы,
Лишь ветерок нашептывает сказки

Про птиц бумажных из твоей тетради.

2.

Осенью лыжная база
Платит долги воронам
Первым предутренним снегом.

Платит луной собаке,
Сторожу — тихим пенъем
Ветра в холодном доме.

Колокола не слышно.
Только скрипит калитка,
Только звенит негромко
Связка ключей в кармане.

3.

На свет придорожной аптеки
Налипли стеклянные осы,
Травинки и семечки сорго.

Кончается прошлое лето.
Уходят речные трамваи,
До ста досчитала кукушка.

А ты и не знаешь об этом,
Бредешь на последний автобус
С корзиной антоновских яблок.

Не больно, не жалко, не страшно.

4.

Пока танцует в платице бумажном
На проволоке рыжая девица,
Пока рукою машет и смеется,

Стекаются со всей округи дети,
Родители, торговцы лимонадом
И желтыми воздушными шарами.

Когда еще заснуть в осеннем парке,
На синей исцарапанной скамейке,
Под солнцем, согревающим затылок...

И пусть себе танцует и смеется.

5.

Отставшие от поезда огни
По перелескам, по ночным холмам
Уныло возвращаются домой.

Дремать в саду, холодный пить кефир,
Пролитый в привокзальные дворы,
И в лужи равнодушные глядеть,

Пока звенит полуночный трамвай,
Пока луна мелькает в облаках
И дети спят на третьем этаже

В забытом доме на краю земли.

Игорь КОРНИЕНКО

НЕПРОСНУВШИЕСЯ

Р а с с к а з ы

Сладкий снег

От беса бессонница, потому так и названа, бесовская болезнь, считала баба Римма и помечала в отрывном настольном календаре очередную бессонную ночь, новый встреченный рассвет. А рассвет-то не всегда случался согласно цифрам, указанным в календаре. Допустим, четвертого февраля сего года восход солнца, согласно календарному времени, должен произойти в 8:19 утра. На будильнике у бабы Риммы минутная стрелка перевалила за циферку четыре, приближается к пятерке, а за окном тьма и ни намека на солнце.

— И календарям верить уже нельзя, — ворчит старушка, кутаясь в платок из собачьей шерсти, — и часы туда же! То спешат, когда им вздумается, то вдруг отставать начинают ни с того ни с сего на целых пять минут. Ну разве это дело?! Никакой уверенности, никакой надежности... Хаос сплошь и рядом!

Солнце тоже вставать не торопится. Однажды возьмет и совсем не встанет...

Если верить записям в нынешнем календаре бабы Риммы, бессонница мучает ее давно, а если заглянуть в «тещину» комнату, то внизу, на полу под полками, забитыми прошлым, в старом Митином чемодане, можно найти еще с дюжину календарей, половина которых с такими же отметинами.

Бесовская зараза привязалась к ней сразу после смерти мужа. А вместе с ночными пробуждениями поселилось в бабе Римме тягостное ощущение потери.

— Сперва на мужа все думала, — делилась она переживаниями с котом Митей, названным так в честь любимого покойника, — искала все его, ходила по квартире. Звала ночами напролет, ревела... Время подлатало рану, затянуло. Поняла, что не его зову из ночи в ночь и не за

ним по сто раз на дню заглядываю в «тещину» да шкафы проверяю... Не Митеньку своего, ушедшего к лучшей жизни, ищу. Другое что-то.

Рыжий кот мурлычет, мотает пушистым хвостом, слушает.

— Давеча проснулась опять в волчий час. Что такое — сердце колотится, будто выскочить хочет! Думаю, приснилось никак что, вот и затревожилось сердечко. А беспокойно, будто что-то случилось. Будто снова у Мити инсульт, и скорая никак не едет, и Митенька на руках моих с перекошенным лицом Боженке и представился... На кухню, в прихожую сходила, проверила — может, чайник на плите оставила, замок на входной двери не закрыла, — а чувство только сильнее делается, хоть караул кричи, хоть плачь навзрыд. Даже в мешок с картошкой заглянула — посмотрела, может, зацвела...

Кот довольно урчит до хрипоты, хозяйка перебирает скрюченными от солей пальцами по шерстке, чешет за ушками, говорит:

— Иной раз думаю, мож, тебя потеряла. В форточку по молодости, помнишь, сиганул и неделю в подвале скрывался? А ты вот, тут как тут, даже звать не надо... Вот сейчас солнышко встанет, и при свете снова обойду квартиру. С солнцем все иначе смотрится, чище, четче, не то что под электрической лампочкой, при ее желто-мертвом свете. Утренний свет — Божий свет, о котором в Книге книг и в молитвах говорится. Это тот самый, что в конце тоннеля светит.

За кухонным окном снежная синева рассвета, небо без солнца то-скливо, пустынно, одиноко.

— И птичка без солнца не взлетит...

Отреагировал домашний питомец на «птичку»: поднялся, уперся лапками в подоконник, вместе с хозяйкой выглянул в окно.

— Неужели снова день без солнца, в плену у снега? Зимой как в тюрьме, лучше из постели не вылезать. Что делать без солнца? Дышать не хочется, жить...

Слово «жить» отчего-то встревожило пушистого Митю. Кот отцепился от подоконника, мяукнул и, свернувшись калачиком на коленках старушки, мгновенно уснул. Его, в отличие от хозяйки, жизнь во сне вполне устраивала.

Кухня погрузилась в тишину, серый свет с улицы размазал, растворил кухонную утварь, и бабе Римме представилось — кухня исчезла, стерлась с лица земли вместе с ней и котом Митей. Старалась не дышать и не шевелиться, чтобы не потревожить спящих: животное, уснувшую кухню, пространство...

— Сонное царство, — шепчет баба Римма, а на веки опускается тяжелой ношей серость утра, и голова клонится к костлявой груди. — Кругом и всюду сон, и непроснувшиеся мы... — бормочет, задремав, старушка. — Так и живем непроснувшиеся, полуспящие, в сонном царстве...

Ей давно перестали сниться цветные сны — все черно-белые, как старые немые фильмы, как фотокарточки прадедовских времен, эпохи

дагерротипа. И все не из ее жизни: будто не свои, а сны мужа-покойника снятся.

Видит баба Римма, как валит лес в глухой сибирской тайге, чумазые незнакомые лица, суровые, как зима под Усть-Кутом, и реку Лену, где баба Римма отродясь не была. И говорят на чужом языке, не русском, и руки багрового цвета в мозолистых шишках не ее, и папираса «Беломорканал» зажата в пальцах, дымит. Дым режет глаза, а после новой затяжки баба Римма зашлась кашлем, да так сильно, что сбросила с колен кота. Будто взаправду, а не в дреме закурила.

— Вот же леший! — Поднялась, не в силах унять раздраженное горло, попила теплой водички прямо из чайника.

А во рту и впрямь горечь табака, а в ногах разбуженный Митя смотрит недовольно и осуждающе.

— Никак сон явью сделался? — взмахнула руками. — Бесовское наваждение! Ну хоть не война, а то ведь сколько раз война снилась. Спаси и сохрани...

Снова к окну, а за окном снег валит хлопьями с белого неба и все бело, все стерто с лица земли. Спит земля под пеленой белоснежной, небо спит, убаюкано колыбельной ветра.

— Сонное царство, как есть спящее...

Запрыгнул и Митя на подоконник. После падения и недельного голодного заточения в подвале улица для него лишилась привлекательности. Только мельтешение снежинок — манящее, усыпляющее — иной раз да приковывало к стеклу.

— Как страну развалили, так все полуспящими сделались. Потерялись. Запутались. Заблудились. Так и живем — бродим ни во сне, ни наяву. Шатунами полусонными тычемся, что-то создаем, что-то теряем — и так изо дня в день в молчаливом ожидании, когда явится тот, кто всех нас пробудит. Встряхнет! Приведет в чувство!

Из-за снега в квартире темно, но свет баба Римма не включит до наступления настоящего вечера: экономия прежде всего. В прихожей тьма непроглядная, да и не надо бабе Римме туда, а на плите ярким пятном чайник — он-то ей и нужен.

Голубое пламя разбудило чайник, забулькал носатый, зашумел; кухня проснулась, ожила, затарахтел холодильник, напомнив о своем существовании. Вот и улица, разбуженная, спросонья обрушилась какофонией из сигналов машин и криков детворы...

Лишь солнце спало в невидимых чертогах Вселенной.

Чайник посвистывал, собирая силы для оглушительного финального свистка.

Баба Римма выключила газ:

— Горячее сырым не бывает.

Заварила на второй раз пакетик черного чая, для бодрости добавила пару булков травяной настойки. С дымящейся кружкой прошла

по кухне, заглянула в раковину, в самый слив заглянула — ничего. Ниже пригнулась, охая, баба Римма, осмотрела миски кота: в одной остатки вчерашнего колбасного супа, вторая с водой.

— Вроде и тут ничего не забыла, ничего не потеряла... — Разогнулась, а внутри гложет сердце и душу пустота, отсутствие чего-то значимого, канючит, и тянет, и молит заглянуть в духовку — может, там что...

— А что там, будто неизвестно, — ворчит старушка, открывая такую скрипучую, что мертвого разбудит, дверцу духовки. — Тараканов и тех всех потравила.

Из черного засаленного мрака сиротливо выглянула ручка чугунной сковороды.

«Тогда проверь кастрюли, особенно ту, большую! Сто лет ею не пользуешься. Варенье в которой варила!» — заголосила беспокойная, неудовлетворенная душа.

— В кастрюлях-то нечего прятать, — возразила баба Римма. — Да и давеча, в крещенскую ночь, воду в большую набирала же, чтоб освятить. Не, думаю, вот надо пересерстить книги! Митя любил в них закладки прятать — в «Консуэло» все да в «Королеву Марго» ныкал. Знал, шельмец, что терпеть не могу читать такие книжонки и век в руки не возьму!

Маленькими глотками выпила больше половины обжигающего напитка, глядя в снегопад, сравнивший небо с землей.

Маленькой девочкой Римма сочинила, что снег — это сахарная вата Боженьки, только вот Боженька совсем не любит сахарную вату, однажды объевшись ею до сладкой рвоты, поэтому разбрасывает налево и направо, по всему небу и земле.

— Почему тогда небесная вата не сладкая? — спрашивали девочку Римму, и Римма заученно закатывала глаза, нехотя отвечала:

— Потому что дураку понятно, на земле все не так, как на небе. Все, что там сладкое, — тут горькое, и наоборот.

Было ли это на самом деле или ее стареющий мозг играет с ней злую шутку, выдумывая то, чего не было, спрашивает себя баба Римма. Все, что не имеет видимых доказательств, — не существует. Без подтверждения фотографиями, записками, шрамами — нет прошлого. Все должно быть помечено, пропечатано, снабжено клеймом.

Оставшийся чай старушка допила залпом, кружку в раковину, и быстро, по-девчачьи, к окошку шасть — и вот уже рука бабы Риммы по другую сторону окна зачерпнула горсть снега, проскользнув в приоткрытую створку. Все резко, с колотящимся сердцем и прерывистым дыханием, с улыбкой до ушей и блеском в глазах.

— Сладкий снег, — усмехнулась баба Римма, прожевывая тающую во рту и на горячей ладони небесную, Божью вату. — Ей-богу, сладкий!

Вторую горсть снега баба Римма ела не спеша, облокотившись на подоконник, причмокивая губами, цокая языком. Снежинки хрустели во

рту, стекали по горлу и дальше, в желудок, необыкновенной, медовой сладостью.

Амброзией...

Сквозняк притянул на кухонный подоконник и Митю-кота. С выражением на мордочке «чего это бабка вытворяет?!» питомец сначала заглянул в лицо аппетитно жующей старушке, потом высунул нос на улицу. Холодная белая масса отпугнула, Митя чихнул, ретировался с подоконника под горячую батарею, спрятал нос под пушистым рыжим хвостом.

От приторной снежной сладости или от выпитого чая с настойкой разморило бабу Римму, и снег рябил, гипнотизируя, и Митя заразительно громко сопел. Положив полотенце на стол, старушка опустила голову, вдохнула запах высушенной мяты, впитавшийся в ткань, и тут же бухнулась в зыбкие, липкие внутренности сна.

Она перебирала книги в зале — что собиралась сделать наяву — в поисках мужниной записки или чего-то более важного, забытого, но вечного... Механически брала с полки книгу за книгой, встряхивала, ставила назад, не останавливаясь ни на секунду, не сбиваясь с заданного темпа. Засушенные цветки, лепестки, бабочки и фантики выпархивали из пыльных томов, вырывались из темницы на свободу. Пестрыми вспышками конфетти они кружились вокруг бабу Риммы, затягивали ее в свой бесшабашный вихрь. Только бабе Римме не до веселья, не до танца, она сосредоточенна, целеустремленна, сурова...

— Где же?.. Что же?.. Как же?.. Ну же!.. — то и дело бормочет, и злость в ней разрастается радужным вихрем, быстро набирающим обороты.

И вот уже баба Римма сбрасывает книги с полки, и пинает их, и топчет, и вырывает листы, и кричит:

— Где оно?! Почему я не могу найти его?! Где?! Где?! Где?!

Разорванные в клочья страницы да и сами книги кружатся вокруг бабу Риммы, на глазах сливаются, превращаются в воронку самого настоящего урагана. Темнота обрушивается смерчем, холодные невидимые руки подхватывают бабу Римму, швыряют в неизвестность, во тьму.

И баба Римма летит, падает в бесконечность без просвета и воздуха.

«Это смерть, — приходит догадка. — Это тот свет, изнанка света!»

— Но я не его искала! Нет! — кричит возмущенно баба Римма. — Не смерти я искала, Господи! Не смерти!..

Шлепок по лицу, будто бабочка, а скорее ангел крылом коснулся — тепло, легонько, щекотно. И голос — этот голос баба Римма узнает среди миллиардов голосов, — голос мужа:

— Фонарик-то мой куда подевала, ась, Римма? Без фонарика тут совсем пиши пропало, гольная тьма, хоть глаз выколи. Фонарик найди, и все с ним найдется...

И вновь крылышком по лицу старушки, по щекам, по носу, губам...

Открыла глаза баба Римма: вроде на кухне. А в голове все еще голос мужа Мити — так ясно, будто он из зала с ней говорит. И Митя-кот тут как тут, хвостом шлепки раздает по лбу, по шее, по щекам.

Согнала со стола животное — и скорее в зал: проверить, вдруг в мире сдвиг какой произошел и мертвые вернулись.

— Призраком ли ты меня навестить решил? — поинтересовалась у сумрачно-снежной пустоты комнаты.

Вот и полки книжные до потолка, и заначка наверняка в какой-нибудь «Графине де Монсоро»... Но был наказ, а мертвые, верила баба Римма, с того света просто так словами не разбрасываются.

— Найду я твой фонарик, — сказала.

А за шторой будто стоит кто, и сердце екнуло — не от испуга, отозвалось желанием, надеждой.

«Митька».

Выпрямилась старушка, поправила на плечах платок, заправила седой локон за ухо, пожалела, что кремом утренним сегодня не намазалась, вздохнула — и ласково так, игриво:

— Конечно, найду, Митенька! Как не найти, коли он тебе нужен... — говорит, искоса на темно-желтую в розовых цветах штору посматривая. — Вот прямо сейчас и найду. А потом и все, что давно ищущу, отыщущу. Все потерянное найдется. Время терять, и время находить.

Кольхнула шторка одобрительно, сердце старушки кольхнулось в ответ.

«Никак из сна в жизнь вернулся Митя мой?» — чиркнула мысль в голове, заискрилась, загорелась огоньком надежды и радости.

— Это ведь не сон? — спросила баба Римма вслух и ущипнула себя за локоть: «Сначала сладкая небесная вата, теперь это...»

— Это все снег, — зашептала, — последний снег в этом году, с ним и пришли перемены. С неба...

Проверила фигуру за шторой — фигура на месте.

Вспомнила баба Римма, что видела фонарик мужа в «тещиной», в ящике с инструментами. На ощупь отыскала среди поржавевших сверл, молотков и напильников, встряхнула, как делал муж, «для утруски контактов», сдвинула вверх кнопку выключателя. Зажмурилась: «Только бы работал!»

Пластик фонарика согрел ладонь, тепло прошло сквозь кожу, попало в кровь, разогрело сердце.

Свет проник сквозь закрытые веки, распахнул их.

Необыкновенный золотой луч пульсировал, сверкал, отражаясь в дуге стекла банок с заготовками.

Баба Римма, задержав дыхание, повела лучом из «тещиной» в коридор. По обоям в синих кубиках — Митя выбирал сам, а клеили вместе, они все делали вместе, единой командой, одним целым. Ссорясь — тут же мирились; расставаясь на время работы — каждый вечер проводили как вечер первого знакомства...

Зеркало встретило свет яркой вспышкой. Баба Римма посветила на кухонный стол, в окно, где снег окончательно стер реальность до чистого белого листа.

Свет фонарика изменял. Оживлял. В его ярком пятне краски делались ярче, и сухие листики герани налились молодой зеленью в золотом ореоле, и кот Митя, попав в луч, волшебным образом преобразился, помолодел...

— Свет в конце тоннеля, — шепотом, боясь спугнуть чудо, спугнуть сказку. — Луч разбудит сонное царство, отыщет потерянное, вернет забытое, исчезнувшее, мертвое...

Баба Римма остановилась в шагке от двери в зал. Воспоминания нахлынули жаркой волной, подкосились колени, задрожали руки, губы, слезы выкатились из глаз, обожгли. В зеркале старушка увидела горячую брюнетку с огненным взглядом и алой помадой. Молодая красавица улыбалась — улыбкой, сражающей мужчин, время и пространство.

Баба Римма заплакала, закрыла глаза. Задрожал луч, скользнул по книжным полкам, по корешкам книг, статуэткам, семейным фотографиям... Застыл, вздрагивая в такт всхлипываниям, желтым пятном на потолке. Волшебным пятном — изменяющим, воскрешающим...

«Давай, Римма, приходи в чувство! — приказала она себе. — Не вздумай это снова потерять!»

— Сладкий снег, — сказала, открыв глаза, и направила луч фонаря на штору.

По Дарвину

Самое страшное при выдирании зуба — это момент ожидания, когда распахнется дверь и нитка, привязанная одним концом к больному зубу, другим — к дверной ручке, сделает работу за стоматолога.

Мама сказала, на зуб у них денег нет. Папа подтвердил, добавил:

— На пиво бы наскрести, еще ты со своими болячками! Десять лет, скоро рожать сможешь.

Мама засмеялась, стукнула шутиливо папу по мягкому месту. Они больше не ссорятся, как начали вместе выпивать. После работы, конечно, уточняет мама всякий раз, как папа наливает ей в стакан пива.

— Выпиваем, а не напиваемся, — говорит мама, — и утром не похмеляемся.

Зуб заболел из-за сухаря. Соня это знает, потому что ничего другого не ела в тот день. Это было в понедельник после школы. На обед мама оставила записку: «Соня! Картошки мало, она на вечер. Не вздумай жарить!!! Опять, как в тот раз, сожжешь все! Найди что-нибудь. Рис поешь и делай уроки. Целую. Мама».

Мама забыла: рис папа забрал с собой на рыбалку. «Папа у нас рыбаком работает» — так говорит мама и всегда при этом закатывает глаза к потолку. Как будто рыбак — это плохо. Мама работает вторым почтальо-

ном на почте, в ее ведении целых три поселка. Их — Кирпичный, поселок Строитель и Китой.

У папы отобрали права за вождение в нетрезвом виде, папа перестал таксовать, начал злоупотреблять, рассказывает тетя Зоя, мамина старшая сестра. Она не любит ни маму, ни папу. Она любит совать нос в чужие дела — это уже папа так говорит. И добавляет: любит обращаться к Богу на «ты», называть Иисуса Христа «Христосик» и корчить из себя святошу.

Но Сонечке кажется, что тетя ее любит. Например, когда в первом классе родители оставили Соню на целый день и на ночь одну, а Соня по простоте душевной рассказала при встрече тете, та, недолго думая, пригрозила родственникам, что обратится куда надо.

— В отдел опеки, например, или в комитет по защите прав ребенка. — У тети большой список.

— И что это за воспитание?! — возмущается тетя, стоит ей увидеть Сонечку, «этого бедного ребенка, брошенного на произвол судьбы».

— По Дарвину, — отвечает папа.

Тетя смотрит на родственничка, переспрашивает:

— По кому?

Папа повторяет, и тетя плюет:

— Тьфу! Пропадите вы вместе с ним, обезьяны! Только девочку не мучайте.

Что такое настоящее мучение, Соня узнала в понедельник. Вместо обеда — мамина записка, но в бабушкином мешке — так назывался кулек с сухарями — всегда можно выбрать не очень залежавшийся сухарик без черных жучков.

Удача обернулась болью. Соня откусила кусочек — и с хрустом черствого хлеба челюсть пронзила, до вскрика и слез, молния. Она мелькнула перед глазами, ударила в голову и осталась там нить в районе левой щеки.

Подружка Лиза пришла по привычке, просто так, со своими хомячками. Соне было не до игр, не до Лизы и ее вонючей клетки с семейством грызунов. Лиза каждому зверьку дала кличку и умудрялась своих питомцев различать и разговаривать с ними.

— Хочешь верь, хочешь не верь, но, когда у дедушки зуб болел, он хомяка Тимку к щеке прикладывал.

Соня поверила, попробовала.

Вытащили рыжего Тимку. Хомяк не сопротивлялся, прижался к большой щеке Сони, замер. Запульсировало под тельцем хомяка, вспотело. Но боль не проходила.

Лиза предложила попробовать хомячиху Марисабель. Соня сказала, само пройдет.

— Трудности и боль нас закаляют, — повторила слово в слово папино выражение.

Хотела вставить: «по Дарвину». Но передумала.

Боялась она этого Дарвина и тихо, про себя, ненавидела, представляя его волосатым с головы до пят чудищем, которое только и знает, что приучать к самостоятельности и выживанию. Эти уроки Соня начала проходить еще до школы.

— Надо бороться за свое пространство в этом мире сызмальства, — рассуждал папа.

Мама поддерживала:

— Если бы нас с первых шагов научили, как за себя постоять, мы бы так не жили.

И Соня спрашивала:

— А как?

Родители переглядывались:

— Не! Так!

Мама и папа обожают восклицания, громкие слова и Дарвина. Все это любят запивать пивом с мужским характером. Такова цена примирения. Раньше ругались по поводу и без, дело шло к разводу. Тут и случилась акция в ближайшем магазине: «Купи два литра пива с мужским характером — третий литр получи бесплатно».

— В нашей семье я одна с таким характером, — решительно приняла участие в акции мама.

Но папа тоже принес три пластиковые бутылки с ярко-красными этикетками, как глава семьи.

Шесть литров, какая-никакая халява. Забросили крики о разводе за шкаф с посудой, где странным образом исчезало все, что Соня туда ни пихала. Проверяла сто раз: фантики от конфет, спичечные коробки, недоеденный кусок хлеба, сломанная шариковая ручка, вырванный лист с ошибками из тетради по русскому — все пропадало бесследно.

«Вот бы и Дарвина туда!» — мечтала Соня.

Мечты, их не слышат ни папа, ни мама. В мечтах можно запросто изжарить всю картошку до черных головешек, израсходовать все подсолнечное масло, послать Дарвина за хлебом и наказать ремнем, когда он купит вместо «дарницкого» сладкий батон. В мечтах не надо постоянно быть напряженной и ждать новых выдумок родителей.

Папа — любитель привязываться по пустякам и создавать проблемы из воздуха. Для папы Соня в свои девять с половиной лет должна уметь делать «как минимум все».

— Все и еще маленько, — добавляет папа. — И шить, и крестиком вышивать, как бабка-покойница. Ладно, стирает машинка за тебя, тогда на тебе посуда. Поели — вымой. Для чего, думаешь, детей заводят?.. Вырастишь вот своих, еще похлеще будешь их напрягать, помяни мое слово!

«Не буду», — говорит про себя Соня.

А папа строчит записку в пивной ларек с просьбой продать дочери полторашку светлого.

— Если спросят, папа ногу сломал.

Соня и без уточнений знает, что сказать. Наученная. По Дарвину. Если надо, она с легкостью заплачет или рассмеется. Главное — добиться своего.

В среду на уроке рисования учительница спросила:

— Соня, почему это ты не рисуешь вместе со всеми?

И хотя у Сони болел зуб — но без флюса как докажешь? — она сказала, что невыносимо ноет рука, словно запястье кто выворачивает, хоть караул кричи. Всклипнула, заучено тряхнув головой, прикрыла челкой глаза, неслышно заплакала. Ну совсем-совсем не хотелось ей рисовать дурацкий, никому не нужный чайник...

Учительница испуганно осмотрела кисть, сказала, чтобы Соня по дороге домой зашла к медсестре. Соня пообещала, конечно, — и, конечно же, не зашла.

Таблетки от боли, что давала мама, помогали уснуть. И снились Соне Дарвины. Они выбирались из ярких подарочных коробок, точно таких, о которых она мечтала, чтобы когда-нибудь кто-нибудь преподнес ей подарок в такой вот коробочке... Черные, жуткие, похожие на горилл монстры выбирались, выскакивали... Крича и корчась, они гнались за Соней, и она нигде не могла спрятаться. Разве что в одной из ярких коробок?.. Она так и делала: забиралась в похожую на гроб коробку с красными лентами и желтыми бантами, но сильные когтистые лапы хватали ее, тащили из укрытия и швыряли на пол кухни:

— Знай свое место!

И прямо лицом в чашку с похлебкой и сухарями. Сухари царапали щеки, и крошки забивали глаза.

Дарвины превращались в зубы с ранами запущенного кариеса. Зубы крошились, куски падали прямо на Соню, и она поднимала руки, чтобы хоть как-то защититься, и понимала, что тоже крошится. Пальцы сыпались на пол...

Соня видела этот сон третий раз — и каждый раз, просыпаясь, говорила:

— И пусть так будет! Придут мама и папа домой, а вместо меня — горстка крошек. Вот тогда они поплачут! Пожалеют, что так со мной обращались... А я полюбуюсь на них, как они будут страдать и кого хоронить. От меня-то всего ничего останется, в спичечный коробок поместится... Пусть им будет стыдно! Опозорятся пусть. Похороны спичечного коробка. Ха-ха...

Мечтала Соня, мечты придавали силы, за спиной возникали крылья, в точности как у бабочки.

— Да, я бабочкой буду летать над своей крохотной могилой и смеяться над ними. Над папой, над мамой — во все горло и так громко, как могу. И никто мне не запретит, не скажет «тише будь!» или «заглохни!».

Зуб разбивал мечты в крошку. Начиналось с легкой ноющей боли, но в считанные минуты боль разрасталась до желания лечь и взаправду

умереть. Соня ложилась на пол, потому что там прохладно, прижималась больным местом к линолеуму. Тетя учила молитве святому Антипе, усмиряющей зубную боль, но Соня не помнила ни строчки.

У папы были свои методы лечения. Сначала он дал Соне затянуться сигаретой и внимательно следил, чтобы она, набрав полный рот дыма, не вздумала его проглотить. У Сони получалось не всегда, но до второй сигареты дело не дошло: зубная боль утихла. В среду, когда ни мамины таблетки, ни сигарета не помогли, папа налил стакан крепкого пива и добавил, что лучше бы это была рюмка водки.

— На раз бы водка всю боль убила.

Пиво подогрели у горящей конфорки. Первые глотки Соня старалась не глотать, держать на больном зубе. Не получалось. Допив стакан, Соня захотела в туалет и там уснула на унитазах, со спущенными шортами.

На четвертый день, получив четвертую двойку по математике, Соня просунула карандаш к больному месту и изо всех сил сжала зубы. Папа бы назвал этот метод «клин клином».

— Соня, это что еще такое?! Тебе мало двойки, что ли, я не пойму? — возмутилась учительница.

Соня вытащила окровавленный карандаш, и боль ответила за нее:

— Да пошла ты...

Мама, может, и не одобрит такой ответ. Но папа, Соня была уверена, наверняка скажет: «По Дарвину».

Учительница раскрыла рот, но долго ничего не могла из себя выдавить. Класс терпеливо и замороженно притих.

— Завтра жду твоих родителей у себя.

Лиза не могла наговориться, придя после школы со своими питомцами. Она трещала без умолку, что это шок, и еще — что это конец.

— Надо сказать, что у тебя зуб уже который день болит, и тебя простят.

Соня не слушала, Соня искала сигареты. Нашла недокуренную в пепельнице, тут же подожгла от плиты, затянулась.

Широко распахнув глаза, Лиза наконец замолчала.

Соня докурила до бычка, сплюнула по-отцовски в пепельницу.

— Что это с твоим хомяком? — показала пальцем на клетку.

Подружка бросилась к братьям меньшим и несколько минут спустя диагностировала травму у рыжего Тимки.

— Наверное, упал с домика и лапку сломал, — хныкала Лиза и больше не вспоминала про конец света для Сони.

Час слез и вопрошания, что же делать. Соня решила действовать по Дарвину:

— Мы его должны утилизировать. Он теперь неполноценный хомяк и будет мешать жить другим хомякам, своей жене Мире...

— Марисабели, — поправила Лиза, вытирая слезы.

— Ей будет мешать больше всего, поверь мне. Я знаю, как это — жить с болью...

Лиза поверила, вытащила раненого хомяка, отдала подружке:

— А может, он еще поправится?..

Соня покачала головой:

— Не думаю. Смотри, он глаза даже не открывает, так ему больно...

— И-и-и... — затянула Лиза погребальную песнь.

Соня решила не медлить — как бы сказал папа, раз-два и готово, — стащила с табурета подушку, накрыла ею не сопротивлявшегося грызуна, придавила обеими руками. Сказала тихо:

— Ты бы пока сбегала, принесла коробку от той куклы, что тебе подарили на день рождения.

— Золотую? — всхлипнула и икнула Лиза.

— Золотую. Давай скорей! Мы в нее Тимку положим.

Лиза вернулась меньше чем через десять минут. Соня уже два раза поднимала подушку, проверяла состояние хомяка. На третий раз увидела, что Тимка замер и не дышит.

Коробка слишком большая для хомячка, решила Соня и предложила обменяться. Ее коробка из-под обуви больше подойдет, убедила она Лизу и спрятала ту, что была обернута в золотую бумагу, под кровать.

Хоронили за домом, в лесочке у железной дороги.

Зуб напомнил о себе новой оглушительной болью. Заложило уши, поплыло перед глазами, и Соня оставила Лизу оплакивать потерю в одиночестве.

Приобретение нисколько не утешало, а ведь так долго хотела иметь такую вот коробочку, а эта еще и с переливающимися радужными звездочками...

Пятница для мамы с папой была священным днем, и новость о том, что их вызывают в школу, разозлила родителей.

— А куда ты ее послала-то? — в десятый раз переспрашивала мама, подливая себе пива в кружку.

— На три буквы послала. — Папа пришел с рыбалки уставший, еле на ногах стоял — сказал, это от солнечных бликов на воде, — но проспался и вечером, к приходу мамы, был весел и говорлив. Не давал дочке и рта раскрыть. — Пусть, ничего. Сходим, значит, пообщаемся. Дочь постояла за себя.

— Хорошо, постояла. Но что ей учительница сделала? — не успокаивалась мама, захмелев. — И возрастной разрыв тоже надо учитывать. Она соплячка, а училке под пятьдесят!

— Ну... — мычал папа, а это значило, он теперь принимает сторону мамы и Соне грозит наказание. По Дарвину.

— Вот за это ты будешь ходить с больным зубом еще неделю! — Мама всегда находила жестокие способы воспитания. — Тут угол и ремень уже не помогут, устарели.

Папа мычал.

Мама говорила, запивая каждое слово пивом с мужским характером:

— Ты у нас самостоятельная девочка, могла мозгами пораскинуть. Про себя обматерить ее или вообще сдержаться. Сильный не тот, кто может послать на три буквы, а тот, кто промолчит. Месть — штука такая. Собака, которая гавкает, никогда не укусит, это ясно как белый свет...

Соня стояла у стола, за столом перед бутылкой с пивом родители выносили приговор, а Соня не знала, как удержать крик, потому что терпеть боль становилось все труднее. Глаза жгло слезами, зуб стал больше головы, и осталось одно желание — схватить молоток папы и разбить все зубы в крошку... Весь рот. Все лицо.

От таких кровавых мыслей, что брызнули на кухонный стол, испачкали родителей, стены, пол, Соне на мгновение стало смешно. Она хихикнула.

— Тебе, как я посмотрю, весело?

От громкого голоса мамы зазвенело в ушах. Уши, по ощущениям Сони, распухли и болели, как болел нос и губы...

Рот не слушался, и Соня не смогла ничего сказать, не смогла даже пискнуть, выдохнула и снова представила, как бьет по зубам молотком.

Мама уже рассказывала папе полупшепотом, что может попробовать вскрыть посылки, передачи для эков.

— По три посылки в день, бывает, принимаем, — шептала, озираясь. — А там... Чего только им не посылают, этим ублюдкам! Можно незаметно вытащить что нужно, все равно никто не проверит...

Папа кивал, добавлял:

— Преступники, с ними по Дарвину поступать надо. Смертную казнь — и никаких разговоров!

Смертная казнь. Соня попятилась от стола. Мама продолжала шептать, мечтать... Какие у нас разные мечты, думала Соня, а глазами искала молоток. Вот картофельная колотушка, половник, скалка для теста... Она примеряла каждый предмет к зубам, мысленно била всем, что попало на глаза: железной теркой, мясорубкой, дуршлагом, разделочной доской...

Боль перекрасила занавески на окне в кухне, обои и полотенца. Цвета стали ярче, ядовитее, резали глаза, ослепляли. Пахли... Соня сдерживалась, чтобы не стошнило от сладкого запаха красной скатерти и терпкого привкуса яичной скорлупы. Мама собиралась варить яйца, но решила, что сделает это, как допьет еще и еще один стаканчик пива.

Штопор — им Соня проделала дыру в щеке. Вилкой подцепила больной зуб и на раз выковыряла негодя из десны.

Кровь повсюду, и облегчение, и...

Вечер четверга в одно морганье стал вечером пятницы. Соня не может вспомнить, ходила ли она в школу. И почему от нее так плохо пахнет, будто она описалась?..

На кухне мама громко говорит папе, что звонила мама Лизы и сказала, что Соня убила их хомяка.

— Задушила подушкой! — кричит мама, и от ее визга лопаются ба-
рабанные перепонки.

Соня оглохла, она больше не слышит, что там, на кухне, за закрытой
дверью.

На ней вчерашняя футболка и шорты, в руках катушка с нитками.
Соня механически, по памяти, по бабушкиному рецепту накидывает пе-
тельку на больной зуб. Второй конец нитки привязывает к дверной ручке.
Мама часто после пива бежит в туалет — значит, Соне ждать недолго.

Чтобы не потеряться во времени, Соня считает:

— Раз, два, три...

Считает про себя или вслух, не понять: в голове шум, до боли похо-
жий на радиопомехи — треск, щелчки, вой...

— ...Двадцать девять, тридцать...

Папа говорил: «Ты все должна делать сама». Сама Соня научилась
завязывать шнурки, после того как два раза упала, сломала нос и выбила
передний зуб. Научилась считать сдачу до копейки, но сперва получила
сто двадцать две затрешины от обоих родителей. Включать и настраи-
вать на режим деликатной стирки стиральную машинку, снимать пока-
зания электросчетчика, подрезать челку и секущиеся концы волос, на-
резать овощи соломкой и хлеб уголком... Никогда не жаловаться и жить
по Дарвину.

— ...Сто три, сто четыре, сто пять...

Мама дала в руки картошку с таращившимися на Соню бледно-жел-
тыми глазками, сказала: «Как хочешь, так и ешь». Так Соня научилась
готовить. Вставала сама по будильнику, жарила себе яичницу, гладила
форму. Сама. Самостоятельно. По Дарвину.

— ...Двести семьдесят семь...

В глухоте куча плюсов, уверена Соня, но не сейчас. Она стоит перед
дверью с открытым ртом в ожидании спасения и прислушивается, когда
уже мама захочет в туалет, а еще лучше — папа: он всегда распахивает
дверь с размаху.

— Триста.

К боли привыкаешь, сродняешься с ней. День-другой — и вы нераз-
лучные друзья, словно знаете друг друга с пеленок...

— Четыреста.

Мечты — боль изменила и их, извратила, искромсала. Вместо мол-
отка у Сони хирургические приборы с крючками и иглами. Скальпели
вскрывают десну прямым сквозь щеку и вспарывают лицо от подбо-
родка до лба...

— Пятьсот.

Соня не может моргнуть и оказаться в субботу. А так бы она моргала
до самой дряхлой старости, до смерти...

Соня моргнула. Не получилось. Надо действовать. Самой. Самосто-
ятельно. По Дарвину.

На линейку в первый класс она пошла одна с букетом увядших гвоздик...

Соня отступила от кухонной двери, нитка натянулась. Боль в ненавистном зубе отозвалась, увеличилась, стала ростом с Соню, стала Соней. Боль отделилась. Прошла по нитке к ручке и дальше, сквозь дверь. Боль прошла на кухню.

За столом в окружении пустых стаканов и кружек спали напротив друг друга уставшие родители. Мама прижималась щекой к клеенке на столе, потом у нее долго не сойдет отпечатавшийся рисунок в цветочек. Папа спал, уронив голову на тощую грудь, с повисшей слюной на губах.

Яйца, приготовленные к варке, шесть штук, раскатились по столу, одно грозило упасть на пол. На плите требовательно гудела зажженная конфорка с кастрюлей, в которой выкипали остатки воды.

Боль отставила кастрюлю, обожгла подушечки пальцев — да, боль тоже может чувствовать боль... Пригнулась, набрала, сколько вместили легкие, воздуха, задула пламя.

В тишине кухни едва различимо противное шипение газа попеременно с сопением и похрапыванием.

Уходя, боль прикоснулась к яйцу на самом краю стола. Яйцо разбилось об пол с противным хрустом.

Смертная казнь — хрустнуло яйцо.

И снова через дверь, по нитке, сквозь девочку с открытым ртом и дрожащими губами, дальше в детскую комнату и под кровать: там коробка в подарочной, золотого цвета, бумаге со звездами. Боль укрылась там. Нырнув в прохладную темноту коробки, боль притихла, притворилась, что прошла. Умерла.

Соня бросила считать на тысяче триста девяносто семи. Она видела, как боль прошла на кухню и как потом, довольная, укрылась в ее комнате...

Соня знала: ей никто не поможет. Сама. Даже боль оставила ее разбираться в одиночку, самостоятельно.

Слабый должен дать дорогу сильному. Отступить. Должен умереть.

Самое страшное при выдирании зуба — это момент ожидания, когда распахнется дверь...

Соня резко дернула головой. Воздух раскалился, нитка свистнула, натянулась, лопнула.

Дверь на кухню беззвучно открылась.

Елена БЕЗРУКОВА

ВЕРТИКАЛЬНЫЙ ВОЗДУХ

* * *

Ничего я не знаю.
Иду по холодной стране.
С каждым шагом моим
становясь все странней и странней.
Или страньше.
Потому что, вмещая в себя
ее судьбы и сны,
я вместить не могу
постоянно растущей страны.
А была она маленькой раньше.

Поначалу размерами с маму,
потом уже с двор,
расширяя маршруты,
круги, глубину и простор
потрясений, времен, революций.
И хотел бы, возможно,
грибком продремать в кузовке,
и хотел бы пройти
мимо шторма по узкой реке.
Только поздно уже разминуться.

Только стали острее
слова эти: свой и чужой.
Только предки следят
за любой неумелой межой
через неотмененное детство.

И пока я смотрю
 уходящему времени вслед,
 остается во мне
 вертикального воздуха свет,
 от которого некуда деться.

* * *

Как хорошо быть девушкой из Сибири.
 Переселенье, ссылка,
 а нам — домой.
 У нас запасная жизнь, наши вежи шире,
 нам некогда жить разною ерундой.

Покуда доверие наше едва отгадет
 и резко континентальный проснется взгляд —
 какие-то люди были — и перестали,
 отчаялись, разлюбили, сменили стаи,
 уехали и вернулись уже назад.

А нам возвращаться всегда —
 в самый центр мира,
 где ось пролегла от космоса до ядра!
 А прочее — командировочная квартира,
 непрочная и простудная, как ветра.

Мы сдержанны и тяжелы —
 ничего, привычка
 молчать на морозе.
 Бескрайние наши дни.
 Сибирь, вековая песня, тоска и притча.
 Мы ведьмы твои. Хранительницы твои.

* * *

Мертвые голуби в дом не стучат.
 Спящие пчелы мед не приносят.
 Мы, вырастающие из девчат
 в осень,
 двери откроем листву замести,
 мох пришептать и ворон убаюкать —
 я посчитаю им до десяти —
 ну-ка!

В этом краю заколдованных бед,
женских протяжных
проветренных песен
нету смертей и прозрения нет.
Хлеб на столе пресен.

Там, на другой половине земли,
смертные всадники бьются лучами.
Кажется, были мы вместе вначале,
ну а потом не смогли...
Ну а потом наконец разошлось
черное с белым и прочие дали.
Как горячо мы других забывали!
Но в забытье не спалось...

Как бы не стать нам обратно людьми,
чтобы любовь не просилась наружу!
Легкая дудочка, пчел не буди,
пусть засыхают их легкие души.

* * *

Как долго мы бодем, точно снег
летит вовнутрь, не замечая кожи.
И на углях пугливой нашей дрожи
он тает в нас и каплет из-под век.

И мы зовем, разинув в небо рты,
кого-то, чтобы жить бесповоротней.
И в нас еще так много пустоты.
И снег в нее летит, как в подворотню.

* * *

Все, что еще во мне не улеглось,
печаль донезит.
Неужто жить никак, минуя злость?
Да нет же...

Какие-то другие краски здесь
разлиты густо.
И это постепенное «я есть!»,
как устье...

И это прозревание туда,
где неба много,
где птицы требушат и провода,
и Бога.

Он их сгоняет, бешеных, — держись!
Они всё ближе.
Какая на просвет простая жизнь!
Пойми же...

* * *

...А то, что имеет значенье для нас,
другим непонятно.
Другим непонятно, а бабочка жжет
себя на лету.
Неси свою речь, взбивая ее
конфеткою мятной,
чтоб шел холодок
дымком вертикальным во рту.

А то, что имеет короткую жизнь
и звонкую скорость,
тогда веселило, сегодня — дыхание жмет.
Теперь — я останусь.
Теперь — я поймала твою невесомость,
в которой никто не торопит.
И бабочка ждет.

Артур АХМЕТШИН

ПОБЕЖАЛИ?

Р а с с к а з

Дождь стучит по карнизам и подоконникам. Из водосточных труб на асфальт выливаются потоки ледяной воды и впадают в моря-лужи и реки-ручейки. Нет, дождь — полезное явление, особенно весной, когда должен растаять последний снег. Даже трава, которая совсем недавно пробилась из-под земли, становится красивее после дождя, потому что приобретает глубокий темно-зеленый оттенок. Правда, я люблю об этом думать, когда сижу дома, а сейчас — не тот момент, ведь за стеной холодной воды меня ждет девушка. Угораздило же пригласить ее на свидание именно сегодня. Но отступать уже некуда, поэтому я раскрываю зонт и выхожу под ливень. Из-за сильного ветра капли попадают на меня. Я прячу левую руку в карман и только потом осознаю, какую глупость совершил. Теперь в кармане попросту не осталось ни одного сухого сантиметра. Хорошо, что хоть бумажные деньги лежат в другом месте.

Проходя мимо парикмахерской с типовым названием «Елена», я понимаю, что не могу вспомнить, как зовут девушку. Час от часу не легче. Впрочем, у меня это всегда было в порядке вещей. Прокручиваю в памяти, как мы познакомились. Может, мне удастся найти ее неуловимое имя?

Сегодня утром я стоял в университете напротив 1103-й аудитории вместе со своей группой выпускников-историков. Мы ждали преподавателя, Степана Ивановича, который весь семестр читал лекции по зарубежной историографии. Теперь нам предстоял экзамен по этой мудреной дисциплине. Одноразовники, как и всегда, обсуждали его самодурство. Парни в основном шутили, пытаюсь казаться непринужденными, а девушки, погруженные в свои конспекты, хмурили брови. Атмосфера была напряженной.

Степан Иванович несколько недель подряд чуть ли не на каждой паре упоминал, что ненавидит краснодипломников и поэтому будет заваливать их на экзамене дополнительными вопросами. По его мнению, те, кто претендует на корочку столь благородного цвета, приходят к диплому

с отличием лишь за счет лизоблюдства, но никак не из-за познаний в истории. Выпускники прошлого года рассказывали, как он попортил нервы четверым с курса. Я шел на красный диплом.

В свои тетради я не заглядывал, потому что помнил каждое слово, написанное мной за несколько дней и ночей подготовки к экзамену. Каждое слово! А имя девушки не запомнил! Надо было хоть записать, может, так оно отложилось бы в памяти.

Она проходила мимо со стопкой книг в руках — небольшого роста, волосы распущены, на носу очки, а за их стеклами прятались глаза разного цвета. Я такое видел только на фотографиях в интернете. Кажется, это называется гетерохромией. Правый глаз был темно-карий, почти черный, а левый — светло-зеленый. Я не мог оторваться от нее, мне хотелось рассмотреть радужки поближе.

Девушка несла так много книг, что ей приходилось идти совсем медленно. Для надежности она удерживала стопку подбородком. Я взглянул на своих товарищей по несчастью, но никто даже не заметил, как мучается проходящая мимо студентка. Они как будто и не видели ее вовсе, бубня что-то об историографии. Этот взволнованный гул раздражал меня. Я немного подумал и понял, что, даже если опоздаю на экзамен, ничего страшного не произойдет. За весь семестр я не прогулял ни одной пары, на всех занятиях отвечал как надо и даже вопросы задавал, чтобы выделиться на фоне одноклассников. И все равно не было гарантий, что на экзамене все пройдет хорошо. Так или иначе, я решил, что помочь девушке будет лучше, чем стоять в ожидании преподавателя-мизантропа и своей участи.

Когда подходил к ней, я думал только о том, как перестать пялиться на ее разноцветные глаза. Вдруг она этого не любит? Вдруг застесняется?

— Давайте я вам помогу, — сказал я.

Она перевела на меня взгляд, кивнула, насколько это было возможно, и остановилась. Я взял большую часть томов, и девушка облегченно вздохнула. Я понимал, куда она несет книги, но все равно решил спросить:

— Вы несете их в библиотеку?

Девушка усмехнулась:

— Давно ко мне на «вы» никто не обращался.

Я растерялся. Привычка выкать раздражает, а избавиться от нее я никак не могу. Может, именно из-за нее я всегда ощущаю какой-то барьер между собой и малознакомыми людьми? Этот барьер сразу возник между мной и девушкой.

— Да я... — начал я оправдываться.

— Не переживай ты так! Я просто шучу.

Она улыбнулась, а я снова уставился на ее каре-зеленые глаза. Девушка прищурилась и приподняла бровь. Она тоже изучала меня. Я отвлекся на своих одноклассников — они даже не обратили внимания на мое исчезновение. Не могу понять, как можно было не заметить такую хрупкую девушку с огромной стопкой книг да еще и с разноцветными глазами?

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Сергей. — Немного подумав, я добавил: — Можно просто Сережа. А тебя?

Так приятно переходить на «ты». Общение сразу становится простым и непринужденным.

Она представилась, и, как всегда, я не запомнил имени с первого раза. Еще и номер телефона не взял. Ну что за дебил?!

Пока мы шли до библиотеки, я узнал, что она учится на третьем курсе филфака, а огромная стопка книг — для курсовой.

— А ты откуда и куда? — шутя спросила она.

— Даже не знаю, что ответить. Вот препода ждал, сегодня у меня экзамен. — Я скорчил гримасу. — Подготовился, конечно, но не спать несколько ночей — удовольствие сомнительное.

— А зачем так убиваться? Препода чудак?

— Ага, чудак на букву «м».

Она усмехнулась. На всех факультетах есть такие преподаватели.

— Ты что, выпускаешься? — поинтересовалась она.

— Да, как ты это поняла?

— По глазам. — Она остановилась, повернулась ко мне и взглянула в мои глаза. — И еще на диплом красный идешь?

В мозге устало зашевелились извилины. Как она догадалась?

— А теперь ты думаешь, как я это поняла, — произнесла она медленно. Так говорит моя мама, когда читает вслух мой гороскоп на месяц. Я не верю в подобную белиберду, но для нее это всегда важно и вполне серьезно. Девушка даже лицом в чем-то стала похожа на мою мать.

— Ну да, думаю, — пролепетал я.

Она рассмеялась:

— Боже, у тебя такой потерянный вид! Да я снова шучу. На самом деле, я знаю, где ты учишься, от своей знакомой, твоей однокурсницы. А по поводу диплома просто угадала. Хотя, в принципе, ты похож на ботана. Выкаешь, аккуратный такой весь. Ну, вылитый отличник!

Я нервно рассмеялся и чуть не выронил книги.

— Эй-эй, полегче, молодой человек, мне эти книги еще сдавать! — предупредила она, улыбаясь. Теперь она напоминала мою классную руководительницу из начальной школы. И снова были похожи и тон, и выражение лица. Я хотел об этом сказать девушке, но в последний момент передумал. Мама, школьная класснуха. Нашел с кем сравнивать.

Мы подошли к библиотеке, и я открыл перед моей новой знакомой дверь, хотя с книгами в руках это было довольно сложно. Она подошла к ближайшему столу, положила свою стопку и сказала:

— Все! Спасибо тебе, добрый человек. Положи рядом с моими.

— Как — все? — вырвалось у меня. Об экзамене я забыл.

— А что, еще чем-то хочешь помочь?

— Да нет... — Я замялся, она ждала, пока я соберусь с мыслями. — Может, сегодня... Что ты делаешь сегодня вечером?

— Да ничего, наверное. А что такое? Хочешь позвать меня на свидание?

Как же мне повезло, что она такая прямолинейная.

— Да.

— Хорошо, — ответила она, перекладывая книги. — Где встретимся? Во сколько?

— Давай встретимся напротив театра драмы в семь?

Она кивнула:

— Идет.

Мы попрощались. Выходя из библиотеки, я вспомнил, что опаздываю на экзамен. Сначала я побежал, но потом резко сбавил шаг. Я думал только о девушке с книгами и уже представлял, как слушаю ее голос, сидя в кафе, или просто молчу с ней рядом, разглядывая ее лицо и глаза. В ней столько жизни и игры, что я на ее фоне выгляжу как самый обычный скучный ботан, погрязший в учебной рутине. Я остановился и понял, что никуда не пойду. За все четыре года обучения я ни разу не прогулял ни одной пары, читал учебники от корки до корки, готовился к каждому семинару, сдавал все зачеты и экзамены с первого раза. В этом вся проблема. Что мне мешает хотя бы сейчас что-то пустить на самотек? Черт с ним, с этим Степаном Ивановичем, экзаменом, дипломом! Как-нибудь само все разрешится. Как говорил препод по философии: сначала ты работаешь на зачетку, а потом зачетка работает на тебя. Видимо, пришло время зачетке уже поработать. Не могут же мне не выдать диплом только из-за того, что экзамен я сдам в другой день. А оправдание придумаю.

Как только эта мысль оформилась в голове, на меня тут же навалилась усталость. Невыносимо хотелось лечь в кровать, ощутить прохладу только что взбитой подушки и укутаться в одеяло. Мышцы ныли и просили пощады так сильно, будто я добежал до финиша марафона. Да. Перед свиданием точно надо отдохнуть. Я развернулся и побрел к выходу.

Утро радовало солнечной погодой. Не было ни одного намека, что вечером будет сильный дождь и холод, поэтому, пока я лежал на диване и старался хотя бы немного вздремнуть, сознание неумолимо рисовало свидание во всех деталях. Я представлял, как мы гуляем по городу, а лучи закатного солнца окрашивают дома и улицы золотым светом, который так любят фотографы. Можно было бы даже сделать несколько совместных селфи, если она, конечно, будет не против. Хотя — кто фотографируется на первом свидании? И все же я хотел запечатлеть ее образ, чтобы лучше рассмотреть ее лицо, изучить до мельчайших деталей, запомнить каждую черточку, еще раз взглянуть в ее разноцветные глаза.

Но у природы свои планы. В пять часов небо затянуло тучами, а в шесть уже шел дождь. О простой и приятной прогулке можно забыть, так же как и о милых закатных селфи.

Я иду на свидание и понятия не имею, чем мы будем заниматься. Тем временем джинсы так промокли, что я уже чувствую, как штанины при-

липают к ногам. О кроссовках и говорить нечего — они просто жалобно хлюпают.

Я заворачиваю за угол и прохожу мимо бесчисленных магазинов и заведений, расположившихся совсем близко к театру. Продуговой, одежда из Европы, ресторан, магазин нижнего белья, бар. Колоннада театра величественно возвышается над провинциальным потребительским раем. Рядом стоит фонтан — одна из немногих достопримечательностей нашего маленького сибирского города. А ведь я рассчитывал, что это будет романтично: театр, фонтан, закатное солнце. Однако сейчас передо мной развернулось весьма унылое зрелище: свинцовое небо, ливень, бессмысленно плещущаяся в фонтане вода.

И тут я увидел, как она — девушка, с которой мне предстоит провести этот вечер, — стоит под козырьком среди огромных колонн, удерживающих массивный фронтон театра. Легкое белое платье с васильками насквозь промокло. Поверх него она надела кожаную куртку. Девушка мерзнет, обнимает себя за плечи и окидывает взглядом улицу в надежде увидеть меня. Я подхожу ближе, и она меня замечает. В ее очках отражается свет неоновых вывесок кафе и магазинов: лиловый, зеленый, желтый, красный. Я ускоряюсь. Она сияет. Я улыбаюсь ей в ответ, позабыв о дожде и ветре. Она стоит и ждет меня среди колонн.

Я подбегаю к ней и говорю:

— Замерзла, наверное, совсем? Прости.

Девушка меня прерывает:

— Просто обними меня.

Снова эта прямота, которая спасает меня. Я обнимаю ее, и, несмотря на холод, по моему телу разливается тепло. Мне спокойно. Я зарываюсь в ее мокрые волосы и чувствую, как начинаю проваливаться в сон. Да что это со мной? Я немного востепенел и глубоко вдохнул. Пахнет фруктовым шампунем. Аромат смешивается с запахом кожаной куртки и дождя. Я прижимаю девушку к себе еще сильнее, затем разжимаю объятия и говорю:

— Может, зайдём куда-нибудь? Согреемся?

— Нет, давай гулять!

Я не верю своим ушам, ведь она только что тряслась от холода. Меня и самого уже знобит.

— Прямо под дождем? Холодно же.

— Какой ты скучный! Ты что, никогда под дождем не гулял?

— Не гулял.

— Тогда пошли.

Девушка выходит под дождь, подняв голову и раскинув руки. Я слышу, как капли разбиваются о ее кожаную куртку.

— Ну? Чего ждешь? Пойдем! И зонт свой убери уже.

Я выхожу из своего укрытия, прячась под зонтом, но очередной сильный порыв ветра выворачивает его, сломав спицы.

— Черт! — кричу я.

— Ура! — кричит девушка.

Теперь зонт бесполезен, осталось только выкинуть его в ближайшую мусорку. В нескольких метрах от нас стоит урна, я подхожу и с трудом засовываю туда сломанные спицы, обтянутые промокшей тканью. Холодная вода попадает мне в глаза — я их закрываю, поднимаю голову навстречу дождю и, подражая девушке, развожу руки в стороны. У меня теперь нет зонта, ничто не защитит меня от ливня, но меня это не огорчает. Я обрел то, чего у меня никогда не было или чего я никогда не замечал, — я обрел чувство свободы. Дождь принимает меня в свои ледяные объятия и смывает, как утренний душ, все мои сомнения.

Я ощущаю прикосновение чужих холодных пальцев к своим — такое интимное и пугающее чувство. Девушка осторожно берет меня за руку, и я поворачиваюсь. По очкам стекают струйки воды, а волшебные разноцветные глаза их словно не замечают. Они горят, как два маленьких уголька, готовых в любой момент вспыхнуть обжигающим ярким пламенем.

— Побежали? — спрашивает она меня своим звонким голосом.

— Куда? — недоумеваю я.

— А какая разница?

Она крепче сжимает мою ладонь и срывается с места — мне ничего не остается, как бежать за ней. Мы проносимся мимо людей, идущих с работы и высоко держащих свои черные зонты. Они провожают нас уставшими глазами, некоторые даже осуждающе качают головами, но девушка их не замечает. Она шлепает по лужам, обрызгивая ботинки, штаны и сумки прохожих. Люди зачем-то отряхивают свои вещи, и я понимаю, насколько это бессмысленно, ведь они и так уже промокли, пока шли под зонтами, которые не могут их защитить от косога дождя. Я и сам начинаю скакать по лужам и продолжаю с интересом наблюдать за прохожими. Действительно, какая разница?

Девушка бежит впереди, и я невольно обращаю внимание на ее ноги. Короткое, чуть выше колена, платье прилипло к бедрам, а на голых икрах уже появились маленькие пятнышки грязи — последствия прыжков по лужам. Неожиданно что-то сверкнуло. Молния. Раздается оглушительный грохот, от которого автомобили на сигнализации начинают истошно визжать. Внутри меня все сжалось, и я замедлился. Девушка обернулась и спросила:

— Ты чего?

И правда, что это я? Гроза пробудила во мне страх, который я не испытывал уже много лет. Я почему-то вспомнил, как лежал ночью в кровати у себя в комнате. Мне было семь. Дождь постукивал в окно, как будто просился войти, но это деликатное приветствие падающих капель прерывали раскаты грома. Казалось, будто кто-то пытался порвать огромный лист ватмана размером с небо: с востока до запада — в ширину, и с юга до севера — в длину. Я хотел позвать маму, но не мог: она была на ночной смене. Отец уже не жил с нами. Я был совсем один.

Похоже, лицо у меня стало совсем растерянное. Я стараюсь расслабить его, чтобы казаться увереннее. Но не успеваю сосредоточиться на своей мимике, как гипнотический взгляд гетерохромных глаз приковывает меня к месту. Она подходит ко мне и без лишних слов обнимает за шею. Вновь это успокаивающее тепло. И что-то еще. Она будто передает мне какой-то заряд, от которого мне хочется бежать дальше, навстречу ветру и жизни. Теперь уже я говорю:

— Побежали?

Девушка улыбается и кивает мне. Я улыбаюсь в ответ, крепко сжимаю ее ладонь и бегу. Теперь я впереди.

Я увлекаю свою спутницу к дороге, чтобы перейти на другую сторону улицы. На мокром черном асфальте отражаются огни городских фонарей и автомобильных фар. Мы перебегаем проезжую часть. До противоположного тротуара остается всего пара метров, но тут я вижу, как справа на нас несется автомобиль. Я ускоряюсь и тяну за собой девушку. Машина на огромной скорости проносится в каких-то сантиметрах от нас. Мы стоим под деревом, пытаемся отдышаться. Капли дождя стекают по ее лицу и шее. То ли из-за того, что наступили сумерки, то ли из-за холода и влаги, но ее губы стали почти бордовыми. Я так больше не могу. Я прижимаю ее к себе сильнее и целую — быстро, по-детски — в губы. Она поднимает на меня глаза, я чувствую ее напряжение. Ее лицо приближается к моему. Я уже ощущаю ее ровное дыхание, и мое сердце стучит в ритме отбойного молотка. Ее губы почти прикасаются к моим, но я лишь слышу ее горячий шепот:

— Догоняй.

Она вырывается из моих объятий и бежит. Я срываюсь с места в погоне за украденным поцелуем. В погоне за ней. Через несколько метров я понимаю, что совсем сбил дыхание. Она убегает все дальше. Я слышу ее звонкий смех.

— Подожди! — кричу я.

Она оборачивается. На ее мокрой коже, волосах, куртке и очках отражается свет фар проезжающих автомобилей.

Я тяжело дышу, поворачиваю голову и вижу свое отражение в стекле. Промокший до нитки парень с огромными синяками под глазами от недельного недосыпа. Улыбка на осунувшемся лице как будто говорит о том, что пришло избавление от тяготивших его забот.

Он свободен.

Я свободен.

Я поворачиваюсь в сторону, где должна стоять девушка, но ее нет. Она просто исчезла. Я хочу ее позвать и наконец-то нахожу в памяти то, что давно искал. Ее имя уже у меня на языке, остается только произнести его вслух:

— Надежда!

Василий МАТОНИН

СВЕТ РАСТАЯВШЕГО ЛЕТА

* * *

Нет ни сил, ни желанья
Заниматься собой
Под небесною дланью,
Что зовется судьбой.
Будет все как бывало,
И не будет всего.
Мне грядущего мало
В дебрях мира сего.
Ночь пришла незаметно
И ушла без следа.
От дыхания ветра
Замерзает вода.
Опустила ресницы
Ель над черной рекой.
Надо спать, пока спится.
Все! Пора на покой.

* * *

Ледниковый период на сердце.
Я болею и, носом трубя,
Ветра встречного слушаю скерцо:
Для тебя, о тебе, от тебя.
Ты сказала бы: «Лето настанет».
Да, конечно настанет. Учти,
Если мамонтов в мире не станет,
То и мира не станет почти.

* * *

Читаю я «Марш одиноких»,
И все одиноко во мне,
И время глядит одним оком —
Часами на серой стене,
И дождь вырастает из тучи,
И небо течет в водоем,
Но мне одинокому лучше,
Чем нам одиноким вдвоем.

* * *

Живи, пока живется,
Сиди, пока сидится.
Еще тропинка вьется,
Еще в руках синица,
Еще наступит лето,
Еще не горек смех.
Всем хватит того света,
А этот — не для всех.
Что было, то и будет,
Что сплыло, то и есть.
Осужденных не судят,
Посаженым не сесть.

* * *

Зима настала в ноябре.
Снег лег надолго. Было сухо.
Ночь притаилась во дворе
И сны шептала мне на ухо.
Есть в поздней осени покой,
Что белой ночью только снится,
А над замерзшею рекой
Простор для лыжника такой,
Что можно в небо провалиться.

* * *

Море смотрит
Моими глазами,
Горько плачет
Моими слезами,

И волнуется, и негодует,
И ветрами солеными дует,
И уносит меня помаленьку
На мой берег,
В ничью деревеньку.

* * *

Вот и день прошел,
Наследил в судьбе.
А куда ушел,
Нам неведомо.
Хорошо живем —
Ничего себе,
И всегда —
До конца победного.
Снег в окно стучит.
Тучи слезы льют.
Ни зима, ни осень —
Распутица.
Мы затопим печь,
Создадим уют,
Да такой,
Что сирень распустится.
Впереди — закат,
Позади — рассвет.
Скоро времени
Не останется.
Открываю дверь —
Никого там нет.
Что ж так долго
Разлука тянется?

* * *

Дождь за окном, над городом, во мне.
Прогноз сулит предвечные осадки.
На дне бутылки и остатки сладки,
Но истина, конечно, не в вине.
Смывают волны прошлого следы,
И сны текут с заката до рассвета.
Я точно знаю, что наступит лето,
Поскольку жизнь возникла из воды.

* * *

Я в Норильске. Был в Дудинке.
 В темноте из-под колес
 Разлетались неба льдинки,
 Чьих-то жизней половинки,
 Капли грязи или слез.
 Дым над трубами клубился,
 Пахли серой облака.
 Никуда не возвратился,
 Не простил и не простился,
 Уезжая на века.
 Вот и кончились разборки
 В свете завтрашнего дня.
 Раз Егорка, два Егорка,
 Три Егорка. Нет меня.

* * *

— Ты кто?
 — Никто!
 Продукт своей эпохи.
 Вполне экологический продукт.
 Дела идут ни хороши, ни плохи —
 Уже по кругу вечности идут.
 — Зачем ты жил?
 И что ты в жизни сделал?
 — Мне удалось не сделать ничего.
 А борода от снега поседела:
 Смотрите, сколько выпало его!

* * *

Время застыло.
 В остывшем пространстве
 Стылой зимы,
 Наступающей с тыла,
 След мой простыл.
 Как сомнамбула в трансе,
 Вижу сквозь веки
 Свой бритый затылок.
 Лбом упираясь
 В стекло небосвода,

Не оставляя
Ни слова, ни взгляда,
Я догадался, что это свобода,
И осознал,
Что свободы не надо.

* * *

С обратной стороны луны
Все выглядит совсем иначе.
В мух превращаются слоны,
Дочь утешает, мама плачет,
И я не чувствую вины
С обратной стороны луны.

* * *

Год прошел, но как-то боком,
Мимоходом заглянул.
В нашем городе убогом
Светофору подмигнул,
Но подарков не оставил
И речей не произнес.
Дни меняются местами,
Вьюга прошлое листает
Между прочим, не всерьез.
Жизнь проходит незаметно.
Не успеешь отдохнуть —
Остаются след от ветра,
Свет растаявшего лета.
Летний берег. Млечный Путь.

Екатерина МИНАЕВА

ЛЕВ, ПЕС, МАЙЯ

Повесть

1.

Элиста

— Муся, что это? — Мужчина с прической коленки из рекламы средств для депиляции выковырял вилкой кусок колбасы из мисочки с бирюзовыми разводами в стиле фьюжен. — Значит, я тебя возил на «Поющую гору». Возил? Вози-и-ил. Как влюбленный мажор-одинадцатиклассник, дарил сто одну розу на Восьмое марта. Дарил? Дари-и-ил. Пусть четыре года назад. Но дарил же! Устроил тебя на работу в свою фирму? Устро-о-оил. Ради тебя скрывался от Аюны. Менял замки в квартире, пока эта женщина-сайга торчала на своих любимых грядках в деревне. Ладно на грядках, так она еще и овец там пасла! Ты представляешь, каково это — скрываться от женщины-пастуха? Она же, если что, может волка отогнать от стада! А ты со мной так? Я понимаю, если бы так делала Аюна. На нее похоже. Она на это способна. С ней вообще нельзя разговаривать. А я разговаривал! Ради тебя. Муся, вот скажи, разве можно подавать любимому мужу жареную докторскую колбасу на завтрак? Ты помнишь, почему я развелся? Потому что моя калмычка скверно воспитывала детей, не следила за собой и ужасно готовила. Ты вот можешь себе представить, что мне, вегетарианцу, отказавшемуся от соли и сахара, каждый день подают жирную баранину с соленым чаем?! По Робертику буду скучать, он еще маленький. Если мы разведемся, я буду видеть его совсем редко. По выходным. И то не всегда. Раз в месяц, если получится. В другое время я допоздна работаю. Плюс у меня тоже есть дела, своя жизнь. Я, между прочим, многодетный отец. Только, ради всего святого, не делай из Роберта такого же мужлана, каких сотворила Аюна из своих сыновей! Они меня не уважают, а должны. Я же их отец... Муся, эта колбаса совершенно холодная! Ты вообще в курсе?

Тем лучше. Рано или поздно кто-то «добренький» шепнул бы что-то про нас с Асей. Ася приехала из другого города, ей было одиноко, я просто сводил ее в боулинг. Чтобы немного поддержать. Я не думал, что все так получится. Недавно забегал к ней, досидел допоздна. Муся постоянно названивала, просто каждые божии пятнадцать минут. Никакого доверия! Как вообще так можно жить? Ася, конечно, тоже хороша. У нас будет потомство. Она даже имя придумала. Стефания. Как вам это? Я что, должен разорваться?

— Муся, ты в своем уме? С моим холестерином жрать вареную колбасу — это самоубийство!

А если разведемся, Муся подаст в суд? Как она может? За что? Я и так должен содержать двух бугаев двенадцати и семнадцати лет, которых Аюна родила и теперь требует с меня по пять тысяч в месяц на каждого. Зачем им столько денег? Они все равно едят баранину, которую их мать тащит из деревни, морозит в морозилке и готовит каждый день, потому что в магазинах «продают яд, которым нельзя кормить детей». Теперь еще и Муся? Они загонят меня в могилу, ей-богу! Ну их к чертям. Перееду к Асе. Она готовит фалафель и вареники с тыквой. Жрать, правда, потом все равно охота. Но мы купим белую коляску Esspero Grand Tour и будем катать Стефанию по Шахматному городку*. А по выходным с нами будет гулять Роберт.

Муся уже не та. По-моему, она меня разлюбила. Конечно, разлюбила. Она хочет меня отравить. Колбасой. Наш штатный юрист рассказывал, что его жена собиралась его отравить, чтобы заполучить внушительное наследство. Он развелся — и правильно сделал. К нему пришла молодая хорошенькая помощница. Я звал ее на чай. Конечно, не на калмыцкий. Есть одно местечко, где подают настоящий китайский молочный улун. Он так настраивает на общение... Она сказала, что подумает. А штатный юрист почему-то обиделся. Я что, должен и его поить чаем? С какой такой стати? Все на меня решили свалить. Я и так им каждый год придумываю выездные семинары на Кипре, а как границу закрыли, устроил костюмированный тимбилдинг.

2.

Москва

Когда шестиклассница Антонина проводила дождливые летние каникулы в деревне Высокиничи, со своими троюродными братьями откапывала лесной папоротник, отрывала от папоротниковых листьев корни-зубы, чтобы сделать аутентичные бусы и бегать в этих бусах по уши в грязи с огромными заостренными палками, «потому что мы индейцы», у нее сама собой родилась мечта: провести бабе Мане с конца деревни

* Город Шахмат, Сити-Чесс — деловой, культурный и жилой комплекс к юго-востоку от Элисты.

водопровод. Баба Маня с конца деревни об этой мечте знать не знала и по привычке вперевалочку ходила за водой с большущим железным ведром — прямо через индейский лагерь, мимо вигвама Зоркого Орла — к колодцу.

Как считала Антонина, для того чтобы с исполнением мечты не затягивать, нужно всего-то-навсего поступить в институт. Конечно, не в какой-нибудь там заборостроительный, а в самый-самый — в Московский государственный университет имени Ломоносова. Потому что другие вузы — это уже не то: кто-нибудь спросит, где Антонина училась, а Антонина училась в институтике, о котором никто знать не знает. Не престижно. Надо в МГУ идти. И больше никуда. Хотя бы на почвоведение. В соседней деревне тетя Зина мороженым торгует, а у нее двоюродная сестра есть. У двоюродной сестры — соседка, а у соседки дочка как раз на почвоведение поступила. Сама. Значит, туда точно можно конкурс пройти. Лучше бы на экономический, но баллы сложно набрать, так тетя Зина сказала, а ей — двоюродная сестра, а двоюродной сестре — соседка, она все от дочки знает. Почвоведение тоже сойдет. Главное, в МГУ попасть, а там уж Антонина разберется.

Помимо Высокиничей, Антонина на каникулах ездила с секцией плавания в спортивный лагерь. В этот же лагерь приезжали баскетболисты из юношеской команды ЦСКА. Сложившись в три погибели, баскетболисты сидели на раскладных стульчиках в местном ДК и посматривали, как танцуют девчонки из секции плавания под смесь «Рук вверх», «Арии» и «Гражданской обороны». Антонина тоже сидела и посматривала, танцевать она не умела.

— Ты чего боишься: триндырмындырничать или рожать? Вот я триндыра боюсь, а рожать вообще не страшно, — делилась с Антониной соседка по комнате Люба после отбоя.

Антонина понятия не имела, страшно ей будет «триндырмындырничать» или не очень, а то, что от родов умирают, она знала точно, потому что, когда в выходные родители отвозили Антонину к бабушке, бабушка смотрела бесконечные мексиканские сериалы, в которых кто-то рожал и умирал раз пятьдесят за серию.

И действительно, на удивление многим односельчанам и другим московским абитуриентам через пять лет «самый-самый» МГУ принял к себе Антонину как родную. На вступительных рядом с Антониной села девочка, которая поступала два года подряд на биологию и не набирала баллов: родители уговорили ее поступать на «почву». Девочка писала химию, а потом встала и вышла из аудитории. Сказала: мол, постесняется кому-нибудь говорить, что променяла биологию на почвоведение. Антонина знала, что она-то уж точно всем расскажет, если поступит, и подсмотрела у соседки пару химических формул. А что такого? Та все равно ушла с экзамена, ей уже ни к чему.

Антонине выдали «студак», расписание и разрешили в любое время посещать университетские туалеты. Двери этих туалетов, по какому-то

странному стечению обстоятельств, были сборниками народной мудрости. У Антонины складывалось впечатление, что «мудрость» эту оставляют на дверях те, кто ни в институте, ни в школе не учился. Потому как все письма на туалетных дверях были начертаны с ошибками, страшеньким почерком, да еще и затрагивали совсем уж неприличные темы.

К тому времени баба Маня уже умерла, водопровод проводить стало некому, но Антонина разбежалась с такой силой, что остановить ее, согласно законам физики, было невозможно. Зря, что ли, поступала на вечерний? Будет искать работу и добиваться. Чего добиваться, Антонина точно не знала, но хотелось всего и сразу.

На втором курсе Антонина познакомилась с Дарсеном. Дарсен учился на мехмате — высокий светловолосый парень из профессорской семьи. Его отец когда-то перебрался в один из московских университетов из Элисты и занялся разработкой систем навигации. Тогда эта тема была малоперспективной и почти никто ею не занимался. А потом отец возглавил кафедру, его стали приглашать на совещания по обмену опытом. Звали работать в Штаты, но он отказался. И что еще более странно, разрешил сыну поступать в совершенно другой институт.

— Дурень ты! Там бы тебе и учиться проще было, и ученую степень бы дали. А так отцу обидно, — не понимала Антонина.

— Да ну, перестань. Он только рад был. Сказал, что теперь-то я не смогу его обвинить в том, что он меня заставил сделать неправильный выбор.

Через пару месяцев Дарсен вместе с Антониной обедал в студенческой столовой и за распитием вишневого компота надел ей на палец простое кольцо.

Антонина с трудом верила в происходящее, но была очень довольна собой. Первой с курса выйти замуж! Да еще за красавца с мехмата! Дарсен всегда был рядом: терпел ее взрывной характер, таскался следом, помогал с рефератами. Если видели Антонину, знали — где-то поблизости Дарсен. Как какое-то бесплатное приложение.

— Одно непонятно, — сплетничали девчонки с почвоведения, — почему он ее все какой-то рыбой называет? То ли сайрой, то ли сарганом. Как такое может нравиться?

— Дура ты! Не сайрой, а сайгой! Это антилопа такая. Редкая.

Когда Антонина решила заняться «игрушечным» бизнесом, Дарсен втайне от родителей продал дачу — симпатичный домик в стародачном месте по М4. Тоне нужны были «подъемные» деньги.

В воскресенье мать заехала с недельным запасом еды, пожурила сноху за то, что в холодильнике пусто, а потом стала спрашивать Дарсена, заплатил ли он налог на землю. Дарсен юлить не стал, а сказал, что налог больше платить не надо, потому что дачу он продал.

— Дело твое, сын, ты теперь взрослый, — слишком спокойно произнес отец по телефону. — Значит, и семью сможешь сам тянуть. А мы

с мамой уже старенькие. Раз ты такой самостоятельный, то от нас ничего не требуй и за квартиру, будь добр, сам плати. А если жена готовить не умеет, сам готовь, нечего мать гонять. Наготовит, а вам не нравится. Вы еще нос воротите.

Родители Антонины переехали в Прагу и давно придерживались прогрессивных европейских ценностей: если человек создал свою семью, пусть сам ее и обеспечивает.

Дарсен с Антониной вели таблицу расходов. А крохотные доходы от написанных рефератов и репетиторства откладывали «для дела». Таким «делом» новой ячейке общества виделся крохотный магазинчик игрушек-развивалок в каком-нибудь более-менее проходном месте.

И вот место найдено, годовой договор аренды заключен — можно пить шампанское. Но нельзя. Открытие магазина совпало с рождением Саввы. Ребенок родился слабеньким, с почечной недостаточностью. Необходимо было постоянное наблюдение врачей, требовалась операция. Антонина переживала, срывалась и с новыми силами уходила в работу. Сама ездила на все важные встречи, оставляя Дарсена дома с Савушкой. Потому что с Дарсеном Савва хорошо ест и спит. А с Антониной — ни того, ни другого.

3.

Москва

— Работаю в наружной рекламе, — говорила Майя в институте.

Училась она на вечернем. Сокурсницы завидовали, а преподаватель по риторике подозревал, что студентка подрабатывает «сэндвичем»: ходит у метро с рекламными плакатами спереди и сзади и раздает листовки.

После сборки светильников в полуподвальном помещении, выдачи книг студентам и ношения чая-кофе директору малюсенькой строительной фирмочки работа секретарем-референтом в двухэтажном офисе российско-американской компании по производству и размещению средств наружной рекламы казалась Майе если не направлением на Пулитцеровскую премию, то хотя бы просто подарком судьбы и необыкновенной удачей. Необходимым условием работы в фирме являлось свободное владение английским языком и соблюдение дресс-кода.

— Вали отсюда, молодой человек! Понял?! — орал с утра охранник фирмы Паша Барсуков, выпихивая мужика в темно-синей куртке, и тряс огромным баулом с каким-то добром прямо перед Майиным носом. — Замотали эти коробейники, чтоб их диарея пробрала!

Мужик был продавцом разного рода «нужностей». Такие торговцы время от времени захаживали в красивый двухэтажный офис в надежде найти здесь покупателей книжек, духов, поясов из собачьей шерсти и прочего. У Паши на них был настоящий нюх, и дальше предбанника они

не проникали, за редким исключением. Редкие исключения экспериментировали — притворялись клиентами и добирались до самого ресепшена. И уже там доставали из сумки свой «магазин на офисном стуле» и заводили песню про «только сегодня и только для вас». Через некоторое время их скручивал обманутый и оттого еще более злобный Паша.

Правда, случались недоразумения. Паша вышвырнул за дверь посетителя в фиолетовых лосинах и в куртке цвета алюминиевой фольги, приняв его за очередного фрика — продавца счастья. А это оказался очень важный клиент, которого ждал весь отдел продаж во главе с Папой. Клиент еще долго обижался на «хамское обращение», а Паша получил таких людей от Папы, что временно стал терпимее к обладателям нестандартной внешности, и некоторым «коробейникам» все-таки удавалось проскочить.

— Папа приехал! — шепнул Майе охранник с видом разведчика на задании.

Папой сотрудники любовно называли президента фирмы — американца Джейми Чейза. Чейз привез технологии неоновых вывесок «как в Лас-Вегасе» и заправлял в этой фирме абсолютно всем. И сейчас он рылся в стопках бумаг на ресепшене под непрекращающиеся телефонные трели. Майя собралась блеснуть свободным владением английского и выяснить, что президенту нужно. Паша глядел из предбанника, ему тоже было интересно.

- Гуд морнинг, — выдавила из себя Майя.
- Гибмироуп, — недвусмысленно выразился американец.
- Роуп? — уточнила секретарша.
- Гибмироуп! — развеял сомнения американец.

Пока Майя раздумывала, зачем Чейзу «роуп», то есть «веревка», насколько вежливо предложить к веревке еще и кусочек земляничного мыла, которое она накануне заказала в отделе снабжения, и одновременно пыталась сообразить, как надо действовать, если американский подданный — президент фирмы, куда она только недавно устроилась и где мечтала работать всю жизнь, — хочет повеситься, из предбанника нарисовался Паша:

— Что замерла? Конверт дай! Папе конверт нужен.

Майя выдохнула, нашла конверт, одной рукой перевела звонок с телефонной станции в отдел, а другой сняла листы с факса. Оплата телефонов сотрудникам, реклама, жалоба на Елецкого от господина Иониди... Короче, текучка.

Чейз уехал на встречу. Майя зауглила «конверт» на английском. Поисквик выдал «envelope». Секретарша несколько раз попробовала произнести «энвелоп» таким образом, чтобы получилось «гибмироуп», с буквой «р» на американский манер, невзирая на транскрипцию. Не получалось. В конце концов решила, что проще выдавать Чейзу конверт, когда ей кажется, что он собрался вешаться.

— Прикинь, тут такое творится! Бабка одна наш вход с поликлиникой перепутала. Зашла к нам, положила мне листок на стол и сверху банку поставила. А в банке, как думаешь, что? Ага, оно самое! Точнее, она... моча. Е-мое! Я чуть с ума не сошел: тут Папа, а у меня на столе банка с бабкиными анализами. «Прими, — говорит, — сынок!» Нет, ну совсем уже!

Вывески существовали в России и до Чейза, производились они на заводе «Аркон». Завод этот обанкротился и канул в Лету. То ли из-за того, что не было там президента-американца, то ли потому, что руководству завода показалось более выгодным отремонтировать здание под офисное, назваться бизнес-центром, сдать комнатухи ООО «Ромашка» и ООО «Натюрель» и забыть про неоновые лампы с трансформаторами на веки вечные. В наследство от «Аркона» Чейз заполучил готовую бригаду профессиональных стеклодувов, оставшихся без работы, и толпы клиентов, жаждущих новых вывесок и яркой световой рекламы.

— Сегодня тити-мити дадут. Надеюсь, — свешивался с ресепшена Паша, наблюдая одновременно за тем, что у Майи на столе, на компьютере и на экране телефона.

Паша следил за всеми и сливал информацию Папе, в связи с чем являлся сотрудником уникальным и незаменимым. Ему одному позволялось разговаривать с Папой не на английском, а на русском.

Майе хотелось, чтобы скорее приехал кто-нибудь из водителей и хоть немного отвлек на себя внимание вездесущего Паши. Ей предстояло заполнять документы на растаможивание запчастей из Тайваня для одной вывески. Майя никогда в жизни еще не оформляла растаможку и боялась ошибиться.

— Вэариз май фазе? — перед стойкой возник Дэн.

— Ваше сиятельство, принц датский, разрешите доложить... Подожди, он занят!

— Вечно этот сынок из себя что-то строит. — Охранник наклонился к Майе. — Вот взяли на свою голову! Ключнул Папа на эту, прости господи, тити-мити... Ну ты, наверное, знаешь все. Сынок-то не его. Взял себе жену с прицепом, а все туда же — парле-е-е...

— Это же по-французски, — удивилась Майя.

— Что? — не понял охранник.

— Ну, «парле» — это французский. Почему тогда «принц датский»?

— А, какая разница! Выпендривается просто. Как будто у нас без него проблем нет. Еще и кобеля блохастого притащил с улицы. Глянь! Ну и денек сегодня. Ваше сиятельство, сюда с собаками нельзя! Вдруг у нее стригущий лишай или бешенство? — Паша вытянул шею и расстегнул верхнюю пуговицу на накрахмаленном вороте белоснежной рубашки.

К Майиному глубокому удивлению, Паша не стал останавливать ни Дэна, ни его хвостатого спутника зубасто-гавкающей наружности. Оба свободно прошли на второй этаж, на кухню.

— Видала, как заговорил? «Фазе», «фазе»! Тьфу. Надо от собаки избавиться до Папиного приезда, иначе никаких тити-мити. Папа вообще собак побаивается. Его одна укусила, с тех пор он собак терпеть не может.

Майя слышала о том, что президент женился на девушке Яне, которая раньше работала в фирме менеджером. Знала и о том, что у Яны был сын от первого брака. И теперь видела, как мальчик старается быть похожим на своего нового папу и тоже разговаривает со всеми на английском. Майе стало жалко и Дэна, и этого уличного пса. Вряд ли дело закончится чем-то хорошим.

О строгости и работоспособности президента ходили легенды. Вставал он в пять утра, на работу мог прибыть к семи часам. А потом наблюдать, кто опоздал, и с диким криком: «Кам инту май офис!» — вызывать провинившихся на ковер. Если Чейз замечал, что чьи-то отношения внутри коллектива из разряда рабочих перерастали в нечто большее — дружбу или, не дай боже, роман, — то без малейших промедлений увольнял обоих или кого-то одного. Сотрудники жили по принципу «стучи на ближнего своего — и будет тебе счастье». Боялись Папу как огня. Когда в кабинете у Папы перегорела лампочка, он вызвал электрика с производства. Пришло шесть человек. От страха. Шесть электриков. Менять одну-единственную лампочку. Чейз орал как бешеный. Обещал сократить штат бездельников и поражался широте русской души в нецензурных американских выражениях. Ведущий менеджер Данила делал упражнения из йоги, снимающие стресс; Инна на всякий случай спрятала в стол лак для ногтей; и только корпоративный юрист Илья сказал, что стрессоустойчивости не бывает: если человек ощущает стресс, то он уже неустойчив. Илья — единственный человек в фирме, который не чувствовал давления Папы, отфутболивал стрессы и с увлечением читал литературу о «слиянии и поглощении».

На кухне Катю из отдела по продаже комплектующих вывернуло от неожиданного запаха мокрой грязной псины, а Мурзия Абдуловна из бухгалтерии самоотверженно отдала весь свой обед «собачуленьке». Собачуленька пребывала в некотором шоке от повышенного внимания и количества людей рядом, смотрела исподлобья и ела, ела, ела...

— Похожа на Лелину собаку. Она австралийскую овчарку купила. За бешеные деньги. Говорила потом, что собака неуправляемая, даже кинологи подход найти не могут. Убежала у нее собачка. Лелька рыдала прямо на работе и пила успокоительные капли, а Игорь Васильевич из конструкторского бюро видел похожую шавку на помойке. Она там в мусоре жратву искала.

— Ага, Игорь Леле сказал, а та: не моя, и все тут! И дальше капли пить. Говорят, из питомника звонили даже. Собаку искали. Похожа.

— От такой можно всего ожидать, — заключила зашедшая на кухню кладовщица Люба. — Тяпнет только так!

— Живодерню вызвать, и пусть забирают, — предложила Мурзия Абдуловна, набирая воду из крана в пульверизатор для опрыскивания в бухгалтерии тропических пальм и изумрудных фикусов. — Я не собираюсь потом сорок уколов в живот делать. А у шефа вообще аллергия на собак.

Дэн постелил на пол кухни свою куртку, собака улеглась на нее, как будто так и надо. Пришла улыбчивая офис-менеджер Леля и стала уговаривать Дэна отвести собачку обратно, потому что там у нее своя жизнь и друзья.

— Папа тебе породистую собачку купит, хорошую, красивую, — щебетала Леля.

Паше прислали телефон живодерни и по местному телефону настоятельно порекомендовали действовать незамедлительно, пока не вернулся господин Чейз. Паша собрался звонить, но в дверях появилась клиентка — ухоженная женщина в строгом синем костюме и светло-сером манто, представилась Антониной.

Антонина, пока ждала менеджера, вручила свою визитку Майе со словами:

— Надоест мыть чашки за всем офисом и нужна будет нормальная работа — позвони.

— А что вы конкретно предлагаете? — Майя пробежала глазами по карточке: «Мергелова Антонина Георгиевна. Генеральный директор Razvivashka.ru»

— Я ищу личную помощницу. С перспективой роста. Все подробности при встрече. Ну, пока!

За Антониной вышел менеджер, и она отправилась в переговорную.

— Вам что здесь надо? — Паша уже пытал на входе молодого парня.

— Мнэ-э-э... как его... заказик оставить. — Парень улыбнулся и покрутил мобильным телефоном перед Пашиным лицом. Для солидности.

По Пашиному поведению можно было догадаться, что он видит в парне очередного торговца. Вездесущий вылез из-за стола и стал оглядывать посетителя, ища большую сумку. Сумки не было.

— Кто ваш менеджер? С кем договаривались? — Еще одна ошибка после промаха с тем, в куртке цвета фольги, могла отразиться на Пашиной зарплате.

— Ни с кем. Просто зашел. Заказик оставить.

— Проходите, — сказал Паша.

Начинающий дизайнер Роберт, который неоправданно увлекался градиентами в эскизах, простым карандашом нарисовал Дэна сидящим на кухне рядом с патлатым псом. Собаку между собой уже прозвали Бобом Марли.

Чейз приехал взвинченный: конкуренты собирались перехватить у него крупного сетевого клиента, занижали ценник, АТИ* отказывала в

* АТИ — административно-техническая инспекция, инспекция по контролю за состоянием художественного оформления и рекламы.

регистрации рекламного места. Тем временем его сотрудники выкупали у «клиента», которого впустил Паша, билеты в театр по сходной цене. Чейз вызвал в переговорку ведущего менеджера, руководителя проекта и начальника отдела продаж. Орал так, что Паша съеживался в своем предбаннике, набирая номер живодерни, а «клиент» самостоятельно поспешил на выход.

— Дэн! — донеслось из переговорки, после того как ведущий менеджер, руководитель проекта и начальник отдела продаж вышли оттуда трясущиеся, с красными лицами. — Ви ар ливинг!!!

Дэн стоял внизу, уже одетый в куртку, поднятую с пола, и застегнутый на все пуговицы. На спине виднелись грязные потеки от лап Боба Марли. Сам Боб сидел тут же, рядом.

Майя замерла на ресепшене, зажмурившись. Паша уже сообщил, что на улице ждет отлов.

Вышел Чейз.

— Дэд, кэн ай тэйк хим хоум? — донеслось до Майиных ушей.

Повисла пауза. Майе казалось, что пауза никогда не закончится. Она вскочила со стула с твердым намерением увезти лохматое чудище после работы на Докукина, отмыть и оставить у себя, невзирая на протесты родителей и смешки остальных сотрудников фирмы.

— Йес. Офкорс ю кэн.

Майя не верила своим ушам. Из отделов вывалил народ и наблюдал за сценой. Чейз отправил Пашу мыть собаку, потому что в таком виде ее просто нельзя было сажать в «ленд-крузер».

Паша вылил на пса тонну жидкого мыла, обматерил Боба Марли, Чейза и в его лице вообще всех американцев, сообщил унитазам, что его жена — секретарь-референт в крупной фирме, а не хухры-мухры. Выгонит Пашу из дома, потому что новые брюки и рубашка изгвазданы грязью московских улиц и провоняли псиной вперемешку с запахом мыла «Суматранский апельсин». «Это не входит в обязанности охранника. Может быть, тебе устроиться собачьим парикмахером в груминг-салон, если ты так полюбил животных?» — вот что скажет Пашина жена. И что он сможет на это возразить?! В ответ на Пашины воображаемые разговоры с супругой Марли ворчал — то ли поддакивал, то ли выражал недовольство попавшей в нос и глаза пеной от «Суматранского апельсина».

Мокрую собаку завернули в плед — корпоративный подарок от «Кокка-колы» — и повезли в новую жизнь.

Продавец театральных билетов пил дома растворимый кофе «три в одном» и считал прибыль. Ведь сегодня был день зарплаты, а значит, карманы сотрудникам жгли тити-мити и их нужно было куда-то пристроить — например, купить билеты в театр.

Паша отпросился с работы пораньше, чтобы до прихода жены выстирать брюки с рубашкой и придумать оправдание мытью собак охранниками в совместных американо-российских фирмах. Юрист Илья по-

лучил секретное сообщение от руководства о том, что отдел по продаже рекламных мест в составе йога Данилы, офис-менеджера Лели и Инны с налеченными ногтями выставлен на продажу и совсем скоро пригодятся знания Ильи о «слиянии и поглощении».

Майя ехала в институт на лекции по введению в языкознание и основам диалектологии, думала о мокром Марли в пледе и Дэне и понятия не имела, что скоро ей предложат место помощника менеджера в отделе по производству рекламных вывесок, она найдет первых клиентов, поработает с дизайнерами и научится рассчитывать стоимость рекламы, а ее, Майин, бойфренд сойдется с ее же лучшей подругой Женькой — и не останется ни подруги, ни бойфренда.

4.

Москва

Когда Савве в два с половиной месяца делали операцию под общим наркозом, Дарсен сидел в палате и ждал, выживет его ребенок или нет.

Сын воспринимался им как подарок судьбы. Они с первых дней проводили все время вместе, пока Антонина выстраивала бизнес. Дарсен сам научился делать лечебный массаж, каждый день таскался с коляской на физиотерапию, потом на ЛФК. Знал, какие детские пюре лучше и где памперсы дешевле. Разрешал малышу рисовать на обоях, читал ему книги, какие только мог раздобыть, и, как только Савва научился ходить, выдал ему шахматные фигуры и каждый день напоминал их названия.

Савва рос довольно замкнутым — не любил шумных мест и незнакомых людей, собирал пазлы, конструктор и обожал книгу «Чудеса техники», потому что в ней имелось много окошек-сюрпризов, которые можно было открывать и что-то находить.

В их дружную компанию изредка врывается Антонина, обычно с какими-нибудь скандалами и недовольством. Сын Марины Джановны из бухгалтерии в четыре года играет на фортепиано «В траве сидел кузнечик», дочь Залии Масумовны выиграла международный конкурс рисунка, а внуки уборщицы тети Амиры каждую неделю зарабатывают медали и кубки на шахматных турнирах! Антонине похвастаться было нечем: Савва рисовать не любил, к музыке интереса не проявлял, а в шахматных турнирах участвовать ему еще ни разу не приходилось. Играл с отцом на кухне. А где, спрашивается, медали?

Дарсен сначала загорелся этими турнирами, стал наводить справки. И понял, что никакие турниры пока им не светят: народу там полно, играют ребята по несколько часов. Савве такое не под силу. Разубедить Антонину было трудно, поэтому в ее присутствии Дарсен убирал шахматы подальше и уверял, что у сына пропал интерес.

Антонина не сдавалась и стала искать хорошую школу. Чтобы попасть в хорошую школу, нужно было пройти собеседование и тестиро-

вание. Антонина притаскивала домой развивающие книги для детей дошкольного возраста, прописи и тренажеры для чтения. Савва не хотел писать прописи, игнорировал тренажеры, зато любил комиксы «О жизни микробов» и стишок про шлифовальную машину. Антонина грозилась выкинуть «эту ерунду», требовала ровненьких буковок на линейках и красивых циферок в клеточках, а сама собирала документы в лучшую гимназию района.

Собеседование Савва провалил с треском: он смотрел на незнакомую тетю в очках, которая просила назвать одним словом диван, кресло и торшер, и молчал. За все собеседование Савва не смог произнести ни слова.

— У ребенка явная задержка развития. О гимназии не может быть и речи! Попробуйте в общеобразовательную... а лучше — в специализированную. Где такие, как он.

Антонина сгорала от стыда, улыбалась «очкастой» и кивала в ответ.

Дарсен отреагировал бурно:

— Ни за что не отдам ребенка в эту дебильную школу! Пошли они в баню!

— Образование в нашей стране везде на достойном уровне. Можно учиться в обычной школе, как мой сын, и получать все возможности для развития, — отвечала потом Антонина, когда ее спрашивали, почему ее сын не поступает в матшколу.

Сама же считала, что во всем виноват муж. Расслабил ребенка: водит на каток, вместо того чтобы уроки делать!

Савва Антонину как будто побаивался.

Антонина анонсировала линейку развивающих игрушек для детей с отклонениями в развитии и записала Савву в студию актерского мастерства, чтобы не трусил и умел выступать на людях. Театральная студия была очень продвинутой, туда принимали всех. Приняли и Савву. Сразу же выдали ему роль стула — весь спектакль стоять на сцене. Савва старался, а потом просто упал, потому что ему стало душно, а сказать об этом он стеснялся. Больше студию они не посещали.

Антонина как будто наконец успокоилась и снова окунулась в работу. Приходила она поздно, обычно с каких-нибудь встреч и мероприятий, на которых женщины одевались стильно и дорого, а мужчины были вершителями чьих-то судеб и сильными мира сего. К приходу матери Савва уже давно спал, а Дарсен из последних сил ждал с ужином, сидя на кухне в трениках, щелкал телевизионные новости или писал бюджеты для масштабирования «игрушечного бизнеса» и планы развития.

В один из таких вечеров Антонина молча уплетала зразы с яйцом, а Дарсен решил больше не откладывать разговор. Иначе «игрушечная» работа отнимет у него жену, а у Саввы — мать. Дарсен объяснил, что Савва стал неплохо справляться в школе. Поэтому Антонина могла бы поручить ему, Дарсену, что-то помимо крохотного производства в Элисте и бюджетирования. Что-нибудь провальное. Он бы попробовал наладить.

Антонина молчала. Потом отставила от себя тарелку со зразами, глотнула минеральной воды с лимоном и заявила, что им пора разойтись. И будто бы Дарсену это тоже известно. Причем давно. Ему же ничего не надо. Мало бесконечных походов в поликлинику с Саввой, так он еще хотел подобрать какую-то псину, когда подвозил Антонину на встречу по вывескам для сети магазинов. Он где-то в облаках витает, а надо бы спуститься на землю. Про работу вспомнил впервые за восемь лет. Неужели он не понимает, что Антонина все тянет одна? Нужно развестись по-человечески. Если он хочет видеться с Саввой, пусть подпишет все бумаги и не думает подавать на раздел имущества. В противном случае Антонина затаскает его по судам. И запретит видеться с сыном. Ведь она ему свои лучшие годы отдала, а он только и может, что котлет нажарить. А если собрался работать — производства в Элисте ему будет достаточно. Даже удобно, у него же там сестра. И пусть крутится. Чтоб с голоду ноги не протянул. А то скажут потом: жена по миру пустила.

5.

Москва

Рассеянность Льву Васильевичу ой как мешала.

— Да шут бы с ней! — сетовал Лев Васильевич. — Давно на пенсию пора.

Пенсия Льву Васильевичу, наладчику на предприятии, грезилась счастливой и безоблачной: дача в Подмоклове, курятник на пятнадцать кур в перспективе, круглогодичная рыбалка — и никаких забот. Он бы, может, давно плюнул на все и уехал. Но жена, что ты будешь делать, то на три дня в Стамбул на экскурсию, то на четыре дня в Тбилиси... А потом и говорит: «Если ты не хочешь, то я в Баку вообще одна поеду. С подружкой». В глубине души Лев Васильевич даже порадовался, когда границу закрыли. Думал, жизнь спокойная начнется. Куда там...

Жена путевку на Байкал забронировала, тур по монастырям оплатила и еще билеты взяла на декабрьские вечера в Пушкинский музей. Другой бы обиделся, вспылал, а Лев Васильевич на жену обижаться не рискует. Пообижаешься — останешься без ужина или на рыбалку не пустят. А может, любит ее. Столько лет вместе. Как говорится, стерпится — слюбится.

На работе тоже хороши: «Лев Васильевич, дельных наладчиков сейчас днем с огнем не сыщешь. Не уходите от нас!» И всё ведут ему молодежь на обучение. Вот, мол, замену себе воспитаете, тогда можете с чистой совестью в курятник. Молодежь эта... Разве можно на нее положиться? Она ж такая... Разнообразная, одним словом. Зарплаты хотят большие и ничего не делать. Всех пенсионеров выгнать с предприятия и места их занять, потому что там зарплата больше. А то, что на месте разработчиков надо разрабатывать, а на месте наладчика — настраивать

и перенастраивать, это им до лампочки. По утрам фильмы ужасов обсуждают, а в октябре надумали Хеллоуин отмечать. Тыкву притащили, свечи.

Лев Васильевич после такого на работу стал бутылку святой воды носить — станки протирать, а то мало ли отчего они не работают. Ходят тут всякие... с тыквами...

И трудился бы себе дальше, налаживал-настраивал. А тут эта рассеянность. Никак от нее не избавиться. Другие прибегают на работу к восьми утра, некоторые даже к семи тридцати. Быстро раз-раз — что-то сделали, раз-раз — к Ивану Петровичу сходили, Виктора Николаевича оговорили, с Эммой Эдуардовной поругались — и в шестнадцать часов по домам. А Лев Васильевич собирается утром тщательно, чтобы из-за своей рассеянности ничего не забыть. Себе завтрак, жене завтрак. С собакой погулять три круга вокруг бульвара. Новости утром тоже надо посмотреть? Надо. Пришел на работу — уже обед. Дел полно. Приходится засиживаться. Один раз Лев Васильевич до того засиделся, что уже свет выключили.

— Во дают! Экономные.

Взял фонарик и пошел в уборную. А уборная тоже закрыта.

— Ну это совсем уж никуда не годится! Что ж, если все разошлись, то и сортиры закрывать теперь? А мне лопнуть или до дома терпеть? — Лев Васильевич даже щеки надул, как какой-нибудь дядька сердитый, хотя он таким, конечно, не был. Сердиться было не в его духе. Послал всех куда подальше — и опять в хорошем настроении своими делами занимайся. Вот как надо.

— Туалет, что ли, заперли или дверь заклинило? — обратился Лев Васильевич к охраннику.

Охранник пожал плечами, запер входные двери и пошел со Львом Васильевичем в туалет. В коридоре темно. Только дверь туалетную видно, потому что на нее свет от фонарика направили. Налегли вдвоем, а дверь-то на совесть сделана, еще при Союзе. Так легко не поддается. Сбежал охранник за ломом. Налегли второй раз — сначала одна петля хрустнула, а потом и вся дверь накренилась и рухнула на пол.

А за дверью Витька-контролер «совещание проводит». Лица на нем нет. На работе задержался, пошел в туалет. Сначала свет отключили, а потом еще и вломились.

«Конфуз», — решил Лев Васильевич.

Хорошо, на следующий день была пятница. Лев Васильевич с вечера еду и себе, и жене приготовил, чтобы пораньше с работы уйти — и на дачу. На выходные. Так спешил, что даже не к обеду на службу пришел, а на полчаса раньше. Успел на склад за проволокой съездить. Как пообедал, время вообще быстро пролетело, скоро уже на электричку пора выходить. Оставил Лев Васильевич Витьке-контролеру и Вальке-стажерке свои ценные указания, цветы полил на подоконнике и понес остатки проволоки на склад. Потому что проволока подотчетная. А склад располагался на верхнем этаже. И сделан был, как и туалетная дверь, еще при Союзе.

Лифт туда шел, а оттуда не вызывался. Это чтобы материал с предприятия не воровали. Не было тогда еще складских программ. Утащат что-то — ищи потом виноватых.

Поднялся Лев Васильевич на склад, из лифта вышел, а перед ним сетка-решетка: кладовщица Любка раньше него на дачу свинтила. Во дает! Развернулся Лев Васильевич обратно, а двери-то у лифта р-р-раз — и закрылись.

— Рассеянность, — проговорил наладчик, а потом поправился: — Скорее конфуз.

Стоит Лев Васильевич между решеткой и лифтом, и непонятно, что дальше делать. Лифт обратно не вызовешь. Решетка заперта. Этаж самый последний: кричи — никто не услышит. Пятница. Народ теперь только к понедельнику очухается. А у Льва Васильевича с собой всего-навсего моток проволоки и эта его рассеянность. Жена в Баку. Будет думать, он в дороге, на дачу едет. А он-то на заводе! С голодухи помирает, пока она там плов жрет не пойми с кем. И зачем женился вообще? Если б не жена, давно бы на пенсию вышел, на дачу съехал, кур кормил — и никаких тебе лифтов с решетками!

Стоял Лев Васильевич, стоял, как Мальчиш-Кибальчиш. А потом не выдержал и на решетку полез с тоски.

А двери лифта возьми да откройся, а там эта самая молодежь. Целуются. Витька-контролер с Валькой.

— Чу! Стойте, к едрене вашей фене! — вежливо попросил Лев Васильевич.

Только Валька эта — дуреха. Ей не то что ужасы смотреть нельзя, она в темную комнату одна войти боится. А туда же — Хеллоуин праздновать... В общем, Валька, как увидела сверху на решетке чье-то тулово, завизжала, заголосила, как первое сопрано в хоре, стукнула кулаком по кнопке в лифте и вместе с Витькой вниз поехала. А этот дурень еще и креститься вздумал.

Лев Васильевич так и остался на решетке висеть. Одинокий.

Спустился. Сейчас наверняка подмогу вызовут, а он тут как тут — нырь в кабину и домой. Пакет с продуктами на дачу на столе своем оставил. Не забыть бы. Сейчас бы оттуда сосисочку, да не просто, а с нарезным...

Лифт не ехал. Лев Васильевич больше не мог стоять на ногах, поэтому лег на пол.

Правда, прилечь в полном смысле этого слова не получалось, потому что длина пространства для лежания равнялась ширине лифта, а расстояние до решетки было примерно полметра. Лев Васильевич полусидел-полулежал и мечтал о раскладушке, стопке и домашнем борще с пером зеленого лука вприкуску. А лифт не ехал. Лев Васильевич задремал. Ему снилась жена с пловом в центре Азербайджана. И чего он с ней не поехал? Не захотел за свой счет дни брать. Далась ему эта дача! Курятник какой-то... Кому он нужен-то?

— Лева! Левушка! Ты меня слышишь? Очнись, Лева...

Лев Васильевич открыл глаза и поглядел в потолок. С потолка на него смотрела жена. Неужели уже прошло четыре дня и она вернулась? Он что, тут четыре дня пролежал? Тогда он умер. А жена? Нельзя было ее отпустить одну в этот Азербайджан!

— Лева, какой Азербайджан? Границы на замке. Я тебе звоню — ты не отвечаешь. На работе говорят, ты ушел... Лева, я чуть с ума не сошла! Поднимаюсь — ты лежишь. Я думала, у тебя инсульт.

В подъезде Лев Васильевич напрочь отказался подниматься в своем родном домашнем лифте, решив, что лифты всего города могли сговориться по своей невидимой связи и устроить ему «день сурка». Забрался пешком на седьмой этаж и даже ни капельки не устал. Дома открыл кран, выдал в ванну пены с ароматом розового пиона и стал смотреть, как набирается вода.

— Лева. — Жена Галя принесла чистое полотенце с Крымским полуостровом, которое они покупали летом на отдыхе в Кастрополе, аккуратно накинула петельку на крючок, но все не уходила. — Лева, а как же Майечка? Ведь у нее ничего в жизни не сложится, ей тоже придется развестись, если мы... если ты... У тебя кто-то есть, Лева?

— Галя, ты что, с валерьянкой переборщила? Это ж спиртовой настой! Мне шестьдесят семь лет, Галя! Ты хотя бы это принимаешь в расчет? Это ты, между прочим, одна в Азербайджан собиралась ехать, а теперь меня в чем-то несусветном обвиняешь. А Майе, чтобы развестись, надо сначала хотя бы замуж выйти.

— Лева, когда мы вместе едем на дачу, ты покупаешь сосиски, батон и горошек. А когда едешь один — «Хеннесси», ананасы и сыр французский с плесенью!

Лев Васильевич вытянул шею, словно страус, засунул голову в пакет-майку и стал искать глазами продуктовый набор из «Пятерочки». И тут его осенило:

— Любка к директору сегодня ходила! За сына благодарила, что его в институт взяли. Так она ему что — сосиски мои подарила? С горошком? И батон!

— Да уж. Конфуз.

— Нет, Галя. Это рассеянность. Любкина. Открывай коньячок. А у Майи все будет как надо. И нечего всякую чушь выдумывать!

6.

Москва

— Хоть бы бензин, что ли, кончился. Больше не могу!

Майя ползла на «пятерке» по Садовому. Вечер, час пик, и вот эту вывеску она видит уже во второй раз. Майя понятия не имела, что это Садовое, как отсюда выбраться и в каком направлении нужный ей дом. И позвонить-то некому...

Очутилась Майя здесь из-за Антонины Георгиевны. Отдел по размещению рекламы продали конкуренту-монополисту, поэтому дела в рекламно-производственном отделе споткнулись о слухи о продаже компании. Кому захочется нести крупные суммы кровных заработанных в компанию, которую продали, или продадут, или, может быть, закроют? Любка-кладовщица обмолвилась, что народ на производстве совсем сник, все сходятся на том, что, наверное, закроют.

Майя продолжала искать заказы и, несмотря ни на что, приводила клиентов. Производство реагировало вяло: материалы везли долго, вставшие станки не спешили налаживать, а вместо алюминия в световых коробах стали использовать выкрашенную жель, которая смотрелась дешево и утяжеляла вывеску.

Майя каждое утро приходила взбадривать сонное производство. Комиссионные за выполненные заказы она не получала второй месяц. В бухгалтерии отвечали, что пока денег нет.

— Здравствуйте! С кем я могу поговорить по поводу заказа наружной рекламы? — в сотый раз повторяла Майя, обзванивая клиентскую базу.

— Сейчас это не интересно, рекламный бюджет уже распределен на год вперед. Позвоните позже.

Майя звонила снова, открывала базу с середины, начинала с конца. Вбивала в поиске рестораны, кафе, салоны связи, отправляла заявки на тендеры, ездила на встречи, производила замеры, обсуждала с дизайнерами «визуал» и готовила коммерческие предложения.

Майя искала заказы и таки находила: армянский ресторан на Цветном подписал договор на огромную неоновую вывеску во весь фасад. Не заказ, а конфетка: все стекло есть на складе. Но прежний начальник производства устал ждать зарплату и уволился. Вместо него поставили Ковалю. Коваль моложе, по образованию инженер, хорошо шарит в «Автокаде» и, ко всему прочему, адепт какой-то секты. И не только он, а с ним еще семь человек подчиненных. Майе до вероисповедания начальника производства не было никакого дела, пока она не узнала, что уклад жизни, проповедуемый сектой, запрещает любую работу в послеобеденное время. И запрет этот сектанты нарушать отказывались, а новый начальник производства их покрывал.

Майя ругалась, но всерьез ее никто не воспринимал: «Умная слишком, сама делай!» Изготовление задерживалось, недовольному заказчику приходилось тормозить открытие ресторана. А когда вывеску смонтировали, начались проблемы с окончательным расчетом: клиент насчитал пени за просрочку выполнения работ по договору. Майе срезали комиссию.

«Лучше меньше, да лучше», — думала Майя. Но срезанную комиссию также не выплачивали, потому что на производстве сменилось начальство. Фирму объединили с рекламно-творческой мастерской. Мастерская представляла собой крохотную компанию из пятнадцати чело-

век. Такие компании называли «наколенными»: у них не было ни гибочных станков, ни мало-мальски профессионального оборудования. Так — кучка умельцев из ближнего зарубежья. Во главе компании стоял очень амбициозный директор Марк, который «взял метлу и начал везде совать свой директорский нос в поисках сора». Таким сором Марку представлялось почти все в этой фирме. Но больше всего его раздражала Майя.

— Каким образом человек с гуманитарным образованием может производить расчет стоимости вывески? Все ее неверные расчеты превратятся в убытки, это сразу понятно, — сетовал директор наколенной компании.

Майю уволили. По статье. Не заплатив. Пришлось судиться. Денег на адвокатов не было. Рекрутинговое агентство, которое сосватало Майю в рекламную фирму, на этот раз помочь с устройством на работу отказалось:

— Что мы можем сделать, если последняя запись в вашей трудовой — увольнение по статье за прогулы?

На забытую визитку Антонины Майя наткнулась случайно. Взяла и позвонила.

Антонина согласилась Майю принять и предложила работу. Майя прыгала до потолка.

Первой Майиной командировкой на новом месте стала поездка в Салехард. Из Салехарда Майя вернулась с эксклюзивным договором на ежемесячный заказ основных позиций детских игрушек-развивалок. Антонина в срочном порядке выделила своей личной помощнице пять тысяч долларов на покупку машины. На серьезные встречи ездят уж точно не на метро.

Майя в тот же вечер выкупила старенькую вишневую «пятерку» у соседки тети Тома. Тетя Тома была счастлива, а Майя два часа провозилась с зажиганием и сцеплением. Местные мужики-алконавты, стоя у торца дома, где их не видели жены, поглядывали на дуреху. Дуреха пыталась вернуть к жизни грудку железа, стоявшую и в жару, и в холод вот уже лет пять — с того момента, как не стало тети-Томиного мужа. «Пятерка» давным-давно забыла, что может кому-то зачем-то понадобиться. Хотя бы вот этой Майе. Когда машина наконец завелась, Майя, вместо того чтобы радоваться удивленным взглядам и одобрителю хмыканью мужиков-алконавтов, закрыла глаза и попробовала плавно отпустить сцепление, нажимая на газ.

Права у Майи были с восемнадцати лет. На одной своей работе она раздавала листовки под протяжное: «Автошкола на Таганке! Двухмесячные курсы!» Тогда же и получила права. Положила их в ящик и забыла. А что с ними делать-то без машины? Вспомнила о них только из-за Антонины.

— Эдик, — обратилась Майя к водителю Антонины Георгиевны. — Ты Георгиевну повезешь — не гони. Помедленнее. Я за вами пристроюсь. Мне до Пролетарки надо как-то доползти.

— М-м-м... — промычал Эдик, размешал в чашке растворимый кофе «три в одном», откусил бутерброд со шпротинной. — Еще одна звезда на дороге!

Эдик не подвел. Ехал медленно. Поворотники включал заранее. В общем, Майя даже успела приоткрыть слегка окно, чтобы окружающие видели, что не зря она тогда, сто лет назад, сдавала на права. Вот — едет за рулем. На Пролетарку. Сама.

Магнитола не работала. А приборная панель периодически гасла прямо во время движения.

На встрече Майя с увлечением рассказывала о пользе развивающих игрушек для детей, о том, как важно заинтересовать каждого ребенка, об отдельной линейке для детей с отклонениями в развитии, которую лично разработала Антонина Георгиевна. Плавно переключилась на то, что их давний контрагент — мини-производство в Элисте не тянет такое количество заказов. А крупный производитель из того же города — почти банкрот. Если выкупить их с площадями и оборудованием по сходной цене, это будут неплохие мощности. А мини-производство просто закроется, не выживет. Антонина кивала и поглядывала на потенциального инвестора.

— Надо ехать в Элисту. К Юрию Викторовичу. Объяснять им нашу позицию и забирать производство. Все равно они не жильцы.

В Элисту самолет летает дважды в неделю. Билет был заказан на следующий день.

Осталось только выбраться с Садового. Майя засмотрелась на поток, который мигал поворотниками на съезд.

«Может, и мне за ними повернуть?» — прикинула Майя и тут же въехала в притормозивший в ее ряду «ниссан-патрол». Из «патрола» вылез мужик и направился к одуревшей от происходящего девушке.

— Сигналку включи, поворотник выключи. Знак аварийный есть у тебя?»

Майя видела, что мужик что-то говорит, но не понимала что. В голове стучало: на завтра билет в Элисту.

— Я не могу ждать, — неожиданно для самой себя выдала Майя. — Мне надо домой. Мне утром в аэропорт, понимаете? Иначе уволят. Не подскажете, как до Алексеевской доехать? А то я первый раз за рулем...

Хозяин «патрола» выругался, плюнул под ноги, осмотрел «ниссановский» зад, подсвечивая телефонным фонариком, а потом вернулся к Майе и сказал:

— Поехали за мной.

Майя ехала. Впереди себя видела «ниссан» и вмятину со следами красной краски на кузове цвета «кофе с молоком», как вишню на торте «Пралине». Минут через пятнадцать Майя стала узнавать свой район, уже близилась родная улица Докукина, где мама обязательно скажет: «Неужели некому, кроме тебя, поехать?» Интересно, сколько мужик за-

просит за ремонт «ниссана»? Неважно, она отдаст с зарплаты. Но ведь еще костюм придется покупать: Антонина просила перестать ходить «как бомжиха», выкинуть все кофточки из серии «прощай, молодость» и купить «нормальный деловой костюм». Чем нормальный костюм отличается от ненормального, Майя представляла с трудом.

— Вы знаете, у меня с собой не так много денег... Вы скажите, сколько я вам буду за ремонт должна, и я с зарплаты все отдам.

— Да подумай, царапина! Ерунда это все. Подвезу тебя завтра до аэропорта, и, считай, мы квиты. Идет?

Майя согласилась: экономия на такси. Потом пожалела: вдруг ма- ньяк? Денег не взял. Повезет неизвестно куда. Если маме сказать, она точно не отпустит. И не стала говорить.

Прочла договор, сложила пасту с зубной щеткой в сумку, которую папа покупал еще на Черкизоне, чтобы возить на дачу разные разности.

Незакрытым оставался только один вопрос: как везти выданный на работе ноутбук. Своего компьютера у Майи не было, а рабочий ноут представлялся вещью за пределами дорогой. В дамскую сумку — которая у Майи была в единственном экземпляре и сочеталась абсолютно со всеми вещами в гардеробе, потому что у нее просто не было выбора, — ноут не влезал.

— Возьми тогда авоську, — крикнул с кухни папа, дожевывая бутерброд.

Само слово «авоська» вызывало у Майи смешанные чувства, но, выбирая между авоськой и полиэтиленовым пакетом, она выбрала первую — надежнее. Хоть ручки не порвутся. А если порвутся, можно пришить.

Утром Майя вышла из дома заранее. Возле подъезда уже стоял «патрол».

— Это за тобой с работы? — Папа смотрел на свое отражение в тонированном стекле слишком чистого для московской погоды «ниссана».

— Это? Да так... Знакомый. Ты не волнуйся, пап, я в него врезалась на машине вчера. А он ничего так... Только ты маме не говори.

— Дарсен, — представился хозяин «ниссана» и протянул руку Майиному отцу.

Отец пожал руку, чмокнул Майю и в последний момент предложил не ехать:

— Может, не поедешь никуда? Сейчас пойдем домой, выпьем чаю с апельсином. Можно и Дарсена пригласить.

Вместо ответа Майя села в машину.

Ехать предстояло во Внуково. Времени с запасом. Болтали о какой-то ерунде. Когда речь зашла про Элисту, выяснилось, что у Дарсена там бизнес. А здесь он по делам: основной клиент занижает цену, не платит авансов, а товар требует вовремя. Навигатор Дарсен не включал. Что там ехать до Внукова...

А Киевское перекрыли.

Майя начала волноваться, когда, судя по времени, уже открылись стойки регистрации.

— Сейчас, сейчас... пустят, — успокаивал Дарсен.

Но поток стоял без движения еще полтора часа, и свернуть было некуда. Когда шоссе открыли и машины хлынули в область, Майю уже слегка потрясывало. Дарсен домчал до Внукова. Майя влетела в аэропорт — и обнаружила стойки регистрации закрытыми.

Одна регистраторша сжалась и согласилась проводить, но без каких-либо гарантий на вылет. Они бежали по аэропорту, через стойки и турникеты. Майя тащила сумку и авоську с ноутбуком в одной руке, а распахнутый паспорт — в другой. Уникальная дамская сумка, подходящая под все единицы гардероба, была перекинута наискось через грудь, как у знакомой Ленки из соцзащиты.

Майя с проводницей выскочили на улицу и увидели отъезжающий трап. Самолет в Элисту еще не улетел. Но Майю на него не пустят. Надо звонить Антонине и что-то говорить. Что?

— Антонина Георгиевна... — В трубке повисла пауза. — Я опоздала на самолет...

— Ты идиотка! Делай что хочешь, но завтра ты должна быть в Элисте.

Майя рванула в кассу:

— Можно ли поменять билет? Я опоздала на самолет.

— Сейчас посмотрим. Элиста? В Элисту ближайший вылет только через два дня.

«Ну все. Конец карьере», — решила Майя и набрала Эдика.

— М-м-м... — ответил Эдик. Было ощущение, что он все так же пьет свой кофе «три в одном» и закусывает бутербродом. — Езжай до Волгограда, там возьмешь машину до Элисты. Что-нибудь придумаешь.

Рейс на Волгоград был вечерний. Майя решила никуда из аэропорта не уезжать. А то мало ли. Опять этот, на «патроле». И снова опоздают.

К моменту посадки в самолет Майя уже порядком измучилась. Ей хотелось плюхнуться в кровать и выспаться по-человечески, но предстояло еще добираться из Волгограда в Элисту. А это километров четыреста. Как их преодолеть, Майя представляла с трудом. Прошла контроль, по узенькому проходу добрела до места 22С. Через проход, на месте 22D, сидел Дарсен.

7.

Элиста

«Интересно, а какой же костюм выберет Алешенька? — думала Муся, примеряя костюм Женщины-кошки. — С его способностью договариваться с любой офисной техникой, чинить умершие ноутбуки и охранять весь офис от компьютерных вирусов, он точно Супермен. Хотя

внешне немного похож на Флэша, только лучше... Вроде бы он увлекается альпинизмом, рассказывали, что он на гору бегом забегает. Ну точно, Флэш! А скромный, прямо как Человек-паук в первой части».

Муся тоже времени даром не теряла: после трудового дня генерального директора ООО «Плюс-плюс-плюс» бежала на фитнес, придерживалась правильного питания, выглядела на все сто. Но на личном было глухо, как в танке. Муж — неисправимый бабник, свихнувшийся на старости лет. Недавно съел из кошачьей миски вареную колбасу, которую Муся приготовила коту и поставила на стол остужать.

«А может, выбрать костюм Суперженщины? — размышляла Муся перед зеркалом. — Здесь юбка покорооче. Руслан из снабжения, конечно, проходу не даст. А он и так не дает! Но не лежит к нему душа, уж слишком навязчивый, анекдоты у него все ниже пояса... да и не Алешенька он совсем, этот Руслан».

Муся любовалась на свои длиннющие ноги в примерочной, когда услышала рядом знакомые голоса.

— Слышь, Лех, какие костюмы-то брать будем?

— Да никакие. Забугорная чушь.

— Но шеф-то обидится. Вдруг уволит даже? Сейчас работу с такой зарплатой, как у нас, найти не так-то просто.

— Уволят, не уволят — без разницы. Закроют скоро — это да. Я случайно почту глянул, там на его супругу письма из налоговой. Дело шьют. А герои-то разные бывают. Мальчиш-Кибальчиш тоже, между прочим, супергерой. А Василий Иванович с Петькой? Чем тебе не супермены?

— А что, так можно?

— Нужно!

— Тогда пошли отсюда. Чего ерундой заниматься? У меня где-то дома буденовка была. Еще бы ремень со звездой...

Муся подождала в примерке, пока мужчины уйдут. Собрала аккуратно вешалки и вернула на место. Нечего деньги тратить — костюм Анки-пулеметчицы у нее всегда при себе.

А что это за письма из налоговой? Юрий Викторович о них ни слова не говорил. Он что, ее посадить собрался?

8.

Элиста

Аюна происходила из рода калмычек-бузавок*. С детства обладала яркой внешностью: азиатские черты лица уживались с длиннющими светлыми волосами и глазами цвета воды в Большом Яшалтинском озере. Стройностью Аюна, как многие калмычки, была обязана кочевому прошлому своего народа — на женщин обычно ложилась тяжелая физи-

* Бузавы — этническая группа калмыков, отделившихся когда-то от джунгарских ойратов и волжских калмыков и переселившихся на Дон.

ческая работа. Женщины в Калмыкии умели не только собирать и разбирать кибитку, но наравне с мужчинами занимались военным делом и верховой ездой.

С Юрой девушка познакомилась в Институте экономики и статистики. Аюна поступала на экономический, а Юра учился на заочном. Пришел закрывать долги — и не смог пройти мимо девушки с такой необычной внешностью. Стал ухаживать: приглашал на концерты в консерваторию, дарил цветы охапками. Все это абсолютно ничего не значило для Аюны. Девушка поначалу не проявляла к Юре никакого интереса, но он смог подобрать ключик. Пропал на две недели, а потом явился с необычным букетом цветов. Ромашки, колокольчики и аквилегии Юра собрал с местной клумбы, некоторые были с корнями и комьями земли.

Аюне этот букет показался самым трогательным, она и подумать не могла, что скупердьяйство — Юрина отличительная черта. Пробивной Юра и хрупкая Аюна стали самой красивой парой в институте. Сыграли свадьбу. Юрины родители подарили молодым квартиру. Но воспользоваться ею не удалось: Юра через своего отца получил должность гендира в фирме по производству детских игрушек в Элисте.

«Это знак», — решила тогда Аюна.

Гулять муж начал сразу после свадьбы. Просто не приходил ночью, отговаривался работой. Запросто мог уехать на целую неделю, а потом вернуться. Сначала Аюна переживала, требовала каких-то объяснений. Потом родился Богдан. Вся забота о сыне легла на Аюну. Юра приходил с работы, разговаривать не хотел, садился за компьютер и полночи играл в стрелялки.

Он был вечно всем недоволен: едой, беспорядком в доме, плачущим ребенком.

Аюна попыталась поговорить, а в ответ услышала, что запустила себя и набрала лишние кэгэ.

— Ты не жена, ты мясная калмыцкая корова, — говорил Юра.

Сначала вроде как в шутку. А потом отказался давать деньги на новую одежду, пока Аюна не похудеет.

Аюна не понимала, как оказалась здесь и как отсюда выбраться. Муж говорил, что едет в командировку, а сам возвращался загоревшим и отдохнувшим. Он даже не пытался что-то скрывать и «забывал» отцепить от сумки бирку с надписью «Surgus».

Аюна захотела вывезти на море детей, на что Юра ответил:

— Сейчас на такие поездки денег у меня нет. Может быть, на следующий год.

На следующий год все повторилось.

Аюна увозила детей к бабушке в деревню, разводила огород, делала заготовки. Летом муж приезжал очень редко, и Аюне это скорее нравилось. Одной с детьми было спокойнее: никаких скандалов, криков и выяснения отношений.

Однажды, когда Аюна решила наведаться из деревни домой, она, к своему удивлению, обнаружила, что замки поменяны и теперь здесь живет другая женщина. Молодая, стройная. И зовут ее Муся.

А Аюна вместе с детьми может идти на все четыре стороны. Некуда? Так это никого не интересует.

Свои безденежные мытарства Аюна вспоминала потом как страшный сон. Пришлось принять тот факт, что муж просто вычеркнул ее из своей жизни, забыл, что у них есть дети, в обмен на ласки очередной девицы. Аюна была уверена: как только Богдан достигнет совершеннолетия, *этот* подаст в суд, чтобы старший сын выплачивал «отцу» пенсию.

Но она уж точно что-нибудь придумает. Потому что она тогда и она сейчас — это две совершенно разные Аюны. Та прошлая Аюна — тихая домохозяйка без средств к существованию, а эта сегодняшняя — Аюна Геннадьевна, заведующая налоговой службой в Элисте. Прошу любить и жаловать.

Аюна прилетела с работы в обеденный перерыв, чтобы накормить и отвести на танцы младшего сына Сеньку. Она уже подъехала к ЖК, оставалось припарковать машину и лететь вперед и с песней навстречу супу и хип-хопу. Но не тут-то было. Между ее «инфинити» и въездом на паркинг встала «газель». Обычная такая газелька, доверху груженная мрамором. Кто-то в подъезде затеял ремонт.

«Невезуха! Сейчас пообедать нормально не успеем!»

Проезд на паркинг вел аккуратно вокруг дома. Если кто-нибудь совершал погрузку-выгрузку, приходилось ждать. По правилам ЖК — не более пятнадцати минут. Дальше виновнику задержки надлежало немедленно пропустить очередь машин на паркинг, если таковая имелась, а потом уже грузить снова до следующей очереди. Аюна пятнадцать минут наблюдала за тем, как пятеро грузчиков носят плитку к подъезду.

— Мам, я тебе сто раз говорил, давай буду обедать в школе!

— Что там, в школе? Кормят неизвестно чем. Все по тендеру. Со-сиски по сто двадцать девять рублей за кило. Пока я жива, ты у меня такими питаться не будешь, понял?

Аюна открыла дверь беленькой «инфинити» и выскользнула на улицу.

— Скажите, а вы скоро закончите? Мне проехать нужно, — обратилась Аюна к работягам.

— Ты чё взъелась-то? Ты давай садись в свое корыто, разворачивай руль и дуй отсюда! Ты ваще знаешь, сколько эта плитка стоит? Я столько не зарабатываю, вот сколько! Мы работаем, а не по шопингам разъезжаем. Проехать ей надо. Видали?

Аюна не поняла, куда сбежала та сегодняшняя, та — заведующая налоговой Аюна Геннадьевна, крутая тетка на «инфинити». Она стояла у подъезда собственного дома, и слезы лились в три ручья. Сенька успокаивал, но это было бесполезно. Почему всегда найдется мудака, который сам ничего собой не представляет, но от которого невозможно защититься? Никак. Никогда.

9.

Деревня Подмоклово

Лев Васильевич поехал на зимнюю рыбалку в самый канун Нового года. Погода была отличная. Галя осталась дома готовить и сидеть с внуками — Саввушкой и Лизой. Дети на работе. А он раз-два — и на рыбалочку!

Жалко, Боба с собой не взял, Галя не разрешила. Да и холодно для него. Когда по улицам шатался, здоровье свое угробил. Он же не уличный. Ветеринар сказал, что чистопородный. Аусси. Австралийская овчарка. Его Лев Васильевич еле живого с улицы притащил. Отмыли, накормили, назвали Бобом. Майка хотела Марлей назвать. Лев Васильевич был против:

— Ну что за кличка? Будете на прогулке звать: «Марля, Марля, ко мне!» Черт-те что. А Боб — это кличка хорошая. Звучная и запоминается легко.

Приедет он с рыбалки, поужинает и будет спать под «Голубой огонек». А Гальке спать некогда — ей рыбу чистить. Все при деле. «Вот стервец, притащил рыбы! Ему развлечение, а мне возись...» Но это она так. Мужа на кухню ни за что не пустит, это у нее вроде личного кабинета. Раз так, пусть сама и чистит.

Почти у самой реки Лев Васильевич встретил старенькую «тойоту». За рулем сидел мужик. Абсолютно голый. Лев Васильевич знал, что весь мир в последнее время слетел с катушек и нечему удивляться. Хорошо, что хотя бы этот конкретный псих уже точно уезжает...

Лев Васильевич высадился на берегу. Плюхнул рыболовный ящик на снег и стал осматривать свежие лунки.

— Еж твою двадцать! Ну ты нафиг...

Лев Васильевич смачно плюнул в снег и двинул в машину за буром. Не будет он ловить на месте того шизика. У шизика что «тойота» праворульная, что лунки чудные.

Лев Васильевич разгреб снег и принялся бурить. Лед недавно стал — самый клев: рыба отъедается перед зимовкой. Настоящий жор. Надо успеть до того, как у рыбы подо льдом начнется кислородное голодание. Тогда брать не будет.

Лев Васильевич щедро сыпанул в лунку прикорм и разобрал «балалайку».

«Должна клевать. Погода самое то. Надо бы багор притащить из машины. Вдруг какой крупняк? Возьмет, а потом поминай как звали...»

До машины он не дошел. Лед треснул внезапно, он и глазом не успел моргнуть, как оказался в серой ледяной воде.

«Каюк», — только и успел подумать Лев Васильевич.

Плывать он не умел никогда, хоть и вырос на берегу реки. Кругом ни души...

Очнулся в собственной машине, абсолютно голый. Рядом какой-то мужик. Тоже, что называется, «без всего».

Лев Васильевич схватил первое, что попало под руку, — термос с чаем и стал колошматить мужика. Мужик отобрал термос и назвался Юркой. Оказывается, этот Юрка тоже приехал на зимнюю рыбалку, а тут Василеч тонет. Пришлось спасать. Багор утопил. Полез сам. Еле вытащил.

Отпивались чаем и решали, как ехать домой. На рынок нос казать в таком виде — потом до конца века припоминать будут. В магазинах сейчас народу — не протолкнуться. А они не только без штанов, но и без шляпы.

— Тут в Липицах вроде магазин карнавальный есть. По работе раньше с ними общался. Я им позвоню, нас встретят, что-нибудь подберем. Там чего только нет! Оденемся в Дедов Морозов, дома и не поймут. Сюрприз будет.

— В Липицах? Так это ж моей дочки с зятем! Их это магазин. Майка по работе поехала в Элисту фирму одну закрывать, а фирма эта была как раз теперешнего зятя моего, Сеньки. Придурок один руководил этой фирмой, бабу свою подставил, ей уголовка светила. Но у зятя моего там сестра в налоговой, дело уладили. Думали, фирма не жилец. Тот придурок налоги не платил, деньги обналичивал, а директором жену свою сделал. Она не понимала ничего, все подписывала. Когда заваруха началась, он-то не при делах, а ее чуть не посадили. Сжалились, потому что у нее ребенок.

— А как звать?

— Кого?

— Ну сестру эту. Которая в налоговой.

— Сестру? Аюной. Знакомая твоя? Она женщина очень хорошая, а столько несчастий пережила! Тот придурок-то — это ее муж бывший. Бросил ее с детьми и без денег совсем. А она поднялась. Сама. А потом и замуж вышла. За соседа. Он ремонт затеял, его работяги на проезде мешали. Аюна пожаловалась на них, сосед пришел извиняться — вот так и познакомились. Это раньше люди в библиотеках встречались или на концертах, на танцах. Мы вот с Галей — на работе. А сейчас — и не поймешь как... А ты их, Юр, откуда знаешь?

— Я-то? А я тот придурок и есть, который Аюну бросил. Сбежал я оттуда. Замотали все. Еле ноги унес. Живу себе спокойно в Высокиничках. Антонина меня подобрала. На рынок хожу, на рыбалку. Одного понять не могу. Везет же этому проходимцу Дарсену! Он же вообще никто. А у него теперь и бизнес мой, и сын толковый. Я слышал, сын-то его чемпионом Москвы по шахматам стал. На международные соревнования ездит. Это мне Антонина похвасталась. Она сама как спонсор на этих соревнованиях была. В команде другого шахматиста. Там-то сынка своего и встретила. Он с ней разговаривать не стал. А она теперь всем

рассказывает, что ее сын — чемпион Москвы по шахматам, чтоб игрушки ее развивающие покупали. А я четыре раза был женат, у меня семь детей, может быть, и внуки есть, но ко мне никто не ездит. Я всеми забит. Дети друг друга ненавидят. Боюсь представить, что станет с моим домом, когда я умру. Вот дележка-то начнется! Если бы ты, Василич, тонуть не начал, я бы этот Новый год в одиночестве отмечал. Антонина на корпоративах, ей некогда. Да и я у нее вроде собачки — если надо сходить куда, так чтоб не одной. А недавно взяла и бабке какой-то из деревни водопровод провела. Прикинь? Фирму, говорит, водопроводную открыть хочу. Вот неугомонная!.. Может, мне еще раз попробовать? В продуктовом на углу работает милостивая Соня, она всегда мне улыбается и желает доброго дня...

После такого не мешало бы по пятьдесят, а лучше по сто. Но оба за рулем.

Загрузились в машины и поехали. В чем мать родила.

В карнавальном магазине разобрали всех Дедов Морозов, остались одни Снегурочки. Лев Васильевич с Юрием Викторовичем пытались переодеться в эльфа, в зайчика, в волка... Бесполезно. Даже Карлсон не нашел. Потому что был рассчитан на стройную девушку-аниматора.

— Одевайтесь в Снегурку. Там шуба — трапеция. Свободно сядет, — объяснял продавец-консультант. — Ко мне сегодня до вас еще один такой пупс заезжал, я ему тоже Снегурку продал. А в прошлом году в Элисту костюм Анки-пулеметчицы отправлял. По почте.

Майе нравилось жить на два города: лететь в сумасшедшем московском ритме — и наполнять себя изнутри, наблюдая майское цветение диких тюльпанов на острове Маныч-Гудило вместе с Дарсеном, умненьким Саввой и крохотной Лизой.

— Хэллоу, ду ю хир ми? Антонина? Минья зовут Джейми Чейз. Я собираюсь привезти в Россию новый детский игрушки. Много игрушек. Не нужно производство, только канал сбыта. Я смогу сделать рекламу на ТВ. Я хотел бы обсудить это с вами...

Владимир УГРЮМОВ

ЮРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ГРДИНА. ШАГ В БУДУЩЕЕ

*Всего лишь маленький шаг одного человека,
но какой огромный шаг всего человечества.*

Нил Армстронг

Замечательные строки эпитафии можно смело отнести к ученому, заслуженному деятелю науки и техники РСФСР, известному советскому металлору, доктору технических наук, профессору Юрию Вячеславовичу Грдине. Он посвятил всю свою творческую жизнь проблемам качества транспортного металла, а именно рельсам.

«Король русских рельсов у нас в гостях» — так отозвалась британская научная общественность на приезд в Англию русского профессора Грдины — человека-легенды. Юрий Вячеславович был среди советских ученых, которые 11—26 июля 1963 г. посетили английские университеты. Это было грандиозное событие и в политическом, и в научном плане. В состав делегации входили: В. И. Явойский — ректор Московского института стали и сплавов (МИСИС), Н. Е. Скороходов — ректор Магнитогорского горно-металлургического института, В. А. Роменец — проректор по научной работе МИСИС. Отчет о поездке в Англию, о состоянии английской науки, о системе обучения в вузах и жизни студентов хранится в единственном экземпляре в Научной библиотеке МИСИС.

Жизнь и профессиональная деятельность Ю. В. Грдины были связаны с научными центрами Томска, Новосибирска и Новокузнецка. В юго-восточной части Обской губы,

Юрий Вячеславович Грдина

в десяти километрах к северу от Ямбурга расположен мыс, названный в память о великом ученом — мыс Грдины.

По воспоминаниям современников, Юрий Вячеславович Грдина был личностью масштабной: абсолютно самобытный человек, выдающийся ученый, незаурядный организатор науки и незабываемый преподаватель. «Человек и ученый европейского склада» — так характеризует профессора дочь его близкого друга, Елена Клавдиевна Петрова. Портрет дополняют неожиданные детали, рисуя «технаря» высококультурным для своего времени, интеллигентным человеком: он импровизировал на фортепиано, прекрасно исполнял прелюдии Рахманинова, сонаты Бетховена и произведения других композиторов, сам сочинял музыкальные композиции, писал маслом картины, делал графические наброски и акварели, вырезал по дереву, любил декламировать наизусть стихи поэтов Серебряного века, придумывал и рассказывал друзьям в походе у костра занятные «сказочки», был заядлым рыбаком, любителем таежной глубинки. Грдина рейсфедером на кальке вычерчивал профили рельсов и одновременно рисовал смешные карикатурные наброски, различные орнаменты и миниатюры. Его жена, Наталья Николаевна Шубина, была очень красивая и внимательная женщина. Грдина любил красивых женщин — это характерно для талантливого человека. Семья у них была дружная, крепкая, они с большим уважением и любовью относились друг к другу.

Обладая несомненным литературным даром, Юрий Вячеславович в 1963 г. написал научно-фантастическую повесть «Блистающий мир», рукопись которой была случайно обнаружена через тридцать пять лет после ухода профессора из жизни, а в 2013 г. опубликована в книге воспоминаний о жизни ученого «Ю. В. Грдина — отец русских рельсов». Вот как художественно описывает Грдину коллега по работе в вузе, ныне проживающий в Филадельфии (США) профессор В. М. Финкель: «Прямой, высокий, широкоплечий, с мощным затылком, похожий на действующего, прямо сейчас и на ковер, “классика”, “вольника” или самбиста, в крепенько потертом снаружи, но вечном, из добротной дореволюционной ткани типа ратина пальто, на невидимом извне рыжем волчьем меху, в скромной кепке в любую погоду, зачастую в калошах, он размашисто шагал через вечно строившийся город».

«Грдина был не совсем обычный человек, — вспоминает профессор В. И. Люленков. — Он был высококвалифицированный профессионал, один из лучших в нашей стране рельсовиков. Человек, который знал о рельсах все». Грдина много и плодотворно работал в области металловедения и физики металлов. Им были выдвинуты и экспериментально подтверждены принципиально новые положения по кинетической теории образования эвтектических сплавов, теории вторичной кристаллизации, дислокационной теории флокенообразования* и разрушения, о механизме модифицирования стали, которые позволили в свое время разработать технологию противфлокеной обработки рельсов, модифицирования рельсовой стали с целью улучшения потребительских свойств рельсов.

Но особенным периодом в жизни ученого стали годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы. В годы войны Юрий Грдина с груп-

* Флокены — дефекты внутреннего строения стали.

пой сотрудников Сибирского металлургического института (Сталинск, ныне Новокузнецк) принимал участие в разработке технологии производства оборонной продукции. Под его руководством на мартеновских печах Кузнецкого металлургического комбината (КМК) был освоен и налажен выпуск броневой стали, осуществлены прокатка и термообработка броневых листов. Фактически по тем временам это была целая революция в металлургии. Разработки Ю. В. Грдины и его группы имели важнейшее для страны значение. Итогом научных исследований стала докторская диссертация Юрия Вячеславовича, а в 1943 г. ученый был утвержден в звании профессора. Это первая докторская диссертация, подготовленная в Сибирском металлургическом институте. В 1945 г. Ю. В. Грдина был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

После войны основная научная деятельность Ю. В. Грдины сосредоточилась в области транспортного металла. Многие годы работы были посвящены вопросам структурообразования в рельсовой стали, термической обработки рельсов, повышения хладостойкости рельсовой стали и особенностям образования в ней флокенов. Можно с полным правом сказать, что результатом научных достижений Ю. В. Грдины явилось строительство на заводах СССР термических отделений по предупреждению образования флокенов. В 1953 г. ученый награжден вторым орденом Трудового Красного Знамени.

В 1967 г. Ю. В. Грдине в составе группы специалистов присуждена Государственная премия СССР за разработку технологии, создание оборудования и внедрение в производство термической обработки железнодорожных рельсов. На Нижнетагильском металлургическом заводе был запущен первый в мире цех с полным циклом термической обработки рельсов. Позже, в 1978 г., на КМК в рельсобалочном цехе запущено термоотделение по производству термически упроченных рельсов. Освоение технологии термической обработки позволило повысить эксплуатационную стойкость железнодорожных рельсов практически вдвое, это было сильнейшим прорывом в развитии транспортного металла.

Во время Великой Отечественной войны в Западной Сибири организовывался Западносибирский филиал АН СССР (ЗСФАН). Первые четыре института филиала, в том числе Химико-металлургический, были открыты тогда в Новосибирске. Грдина был назначен директором Химико-металлургического института (ныне Институт химии твердого тела и механохимии СО РАН, Новосибирск) и проработал в этой должности с 1944 по 1948 г., совмещая ее с работой в Сибирском металлургическом институте.

Изучать судьбу великого человека, «следовать за мыслями», хоть немного приблизиться к пониманию значения его открытий — «наука самая занимательная» (А. С. Пушкин). Вернемся к истокам. Биография Ю. В. Грдины, судьбы его родителей не менее интересны, чем сама личность ученого.

Юрий Вячеславович Грдина (в переводе с чешского языка слово *hrdina* означает «герой») родился 6 июля 1901 г. в городе Вильне (современный Вильнюс). Его родителями были Вацлав (Вячеслав) Иванович и Мария Осиповна Грдина. Вскоре после рождения сына семья переехала в Томск.

Дед Ю. В. Грдины, Иван Францевич Грдина, австрийский подданный, по специальности музыкант, прибыл в Россию в конце 70-х гг. XIX в., имея временный вид на жительство в стране сроком на один год. Но судьба распорядилась так, что он и его потомки остались в России навсегда. К 1900 г. И. Ф. Грдина уже был капельмейстером в артиллерийской бригаде в Виленском округе.

В 1881 г. у него родился сын, который был крещен в Вилькомирском римско-католическом приходском костеле и получил имя Вацлав. В метрической книге костела было записано, что младенец родился у австрийских подданных супругов Ивана и Альбины Грдина и, следовательно, тоже становился подданным Австрии. Вацлав, а позднее его стали называть русским вариантом этого имени — Вячеслав, в 1893 г. поступает в Виленское реальное училище и к началу XX в. оканчивает его. Чтобы продолжить обучение, Вячеслав Грдина едет из Литвы в Сибирь, в далекий Томск, и поступает в Томский технологический институт на механическое отделение. В Сибири было много работы и требовались квалифицированные молодые специалисты, им государство предоставляло определенные льготы, жилье. Австрийское подданство было неудобно для жизни в России, и, будучи студентом четвертого курса, Вячеслав обращается к директору ТТИ с просьбой помочь ему получить российское гражданство. Директор института Е. А. Зубашев и попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л. И. Лаврентьев поддержали просьбу студента. В результате В. И. Грдина стал российским подданным. В декабре 1906 г. Вячеслав Иванович окончил институт, выполнив под руководством профессора Т. И. Тихонова дипломную работу на тему «Современное состояние кузнечного дела на машиностроительных заводах». Это был первый в Сибири выпуск инженеров. Диплом получили пятнадцать выпускников механического и два выпускника химического отделений. После окончания института В. И. Грдина работал на станции Нижнеудинск и через некоторое время стал помощником начальника участка службы тяги Сибирской железной дороги. В 1909 г. он стал членом Общества сибирских инженеров. К сожалению, ранняя смерть в апреле 1910 г. прервала его путь.

Его сын Юрий Грдина, окончив в 1918 г. Томское реальное училище, поступил на механический факультет Томского технологического института, то есть туда же, где ранее учился его отец. Несмотря на трудное время Гражданской войны, ученые и преподаватели вуза продолжали самоотверженно работать.

К годам студенчества Юрия Вячеславовича относится начало его научно-исследовательской деятельности. В 1920 г. студент механического факультета ТТИ Юрий Грдина по приглашению томского профессора Б. П. Вейнберга отправляется в экспедицию на Тазовский полуостров, к устью реки Оби, в места, ранее недоступные для ученых, и проводит маршрутную и магнитную съемку местности, составляет описание неизвестного ранее мыса в устье Оби. Экспедиция была организована Институтом исследований Сибири, просуществовавшим с конца января 1919 г. по 5 июня 1920 г., при финансовой поддержке Сибревкома, и в ней участвовали магнитологи, топографы, зоологи, ботаники, этнографы. После окончания экспедиции Грдина совмещает учебу в институте с работой в ТГУ, где участвует в создании магнитной обсерватории

и заведует ею до декабря 1921 г. С момента организации НИИ прикладной физики при ТТИ в 1923 г. и до 1928 г. Грдина работает в нем в качестве вычислителя.

В январе 1925 г. Грдина окончил ТТИ по электротехнической специальности и остался работать в НИИ ПФ научным сотрудником. Являясь учеником известных ученых и педагогов профессоров Т. Н. Тихонова и Н. В. Гутовского, Юрий Вячеславович получил фундаментальную научную и техническую подготовку, которая во многом определила его будущие достижения.

В 1927 г. он ведет практические занятия в ТТИ по теоретической механике, а также читает курс общей электротехники в ТГУ. Одновременно в 1925—1928 гг. он работает по совместительству инженером для технических занятий в управлении Томской железной дороги. В 1928 г. уже опытный инженер Юрий Грдина уезжает в Красноярск, где работает начальником электроцеха паровозоремонтного завода. Там он выполнил проект электростанции завода, при нем началось ее строительство. В том же году он возвращается в Томск и становится ученым секретарем организованного тогда профессором В. Д. Кузнецовым Сибирского физико-технического института при Томском государственном университете. В 1932 г. он начал работать в созданном по инициативе профессора Н. В. Гутовского Сибирском НИИ металлов заместителем директора по научной работе, а затем техническим директором Сибирского института черных металлов (СИЧМ). В 1935 г. СИЧМ был переведен в Новосибирск, а в 1937 г. в Сталинск, и объединен с открытым в 1930 г. Сибирским металлургическим институтом (СМИ). Здесь Грдина с 1937 по 1958 г. заведует кафедрой металловедения и термической обработки. В 1935 г. ему была присуждена степень кандидата технических наук без защиты диссертации, а в 1937-м он становится и. о. профессора. В 1942 г. Ю. В. Грдина защитил докторскую диссертацию «Тепловая обработка как метод улучшения рельсов» в совете Томского индустриального института. В 1937—1939 гг. он руководил научно-исследовательским сектором Сибирского металлургического института, в 1939—1941 гг. был деканом технологического факультета этого института, а в 1941—1945 гг. здесь же работал в должности проректора по учебной и научной работе. Кафедра, возглавляемая Грдиной, с 1938 г. первой в Сибири начала выпускать инженеров по специальности «металловедение и термическая обработка металлов». В 1958 г. он организует кафедру физики металлов и становится ее заведующим. В 1961 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР». В 1966 г. он становится лауреатом Всесоюзной премии имени Н. А. Минкевича в области металловедения, а в 1967-м — лауреатом Государственной премии СССР. Он вошел в Совет Госплана СССР по координации научно-исследовательских работ в области металлургии заместителем председателя рельсового комитета АН СССР.

В ноябре 1967 г., в ночь с 13 на 14, после непродолжительной болезни Ю. В. Грдина скончался в возрасте 66 лет.

Несомненно, за строгими фактами биографии стоят беды и радости жизни ученого, реальность того непростого для нашей страны времени, в которое ему выпало творить на благо отечества.

Когда СИЧМ был переведен в Новосибирск, молодой, уже известный в Сибири ученый Юрий Вячеславович Грдина переехал вместе с институтом и приступил к работе в должности заместителя директора. На новом месте он обустраивается вместе с женой, Натальей Николаевной, и четырехлетним приемным сыном Игорем. Они стали жить в небольшой уютной трехкомнатной квартире на третьем этаже.

Шел 1936 год, страна погрузилась в пучину массовых репрессий. В это тревожное время Грдине чудом удалось избежать ареста. На него составили ложный донос. Неоднократно приезжал «черный воронок», люди в форме долго опрашивали жену, проводили обыск, но директор института специально послал ученого в долгосрочную командировку в Ленинград и тем самым спас от неминуемого ареста. Вскоре дело было закрыто, а в конце 1937 г. семья Грдины переехала в Сталинск.

Не только Грдина, но и В. П. Дегтярев, Э. Х. Шамовский, А. А. Вознесенский и многие другие ученые приехали в Кузбасс, чтобы организовать металлургический институт — кузницу кадров для металлургических предприятий страны. Супруги Грдина стали работать в СМИ. Для жилья им выделили половину двухэтажного коттеджа, расположенного на Верхней Колонии, Орлиная улица. В их распоряжении оказалось семь комнат (в том числе застекленная веранда-оранжерея) — четыре внизу и три на втором этаже, два туалета, просторные кухня на первом и ванная комната на втором этаже, на который вела пологая винтовая лестница. Удивляет, что раньше, в 30—40-е гг. прошлого века, высшему образованию уделялось несоизмеримо большее внимание, чем сейчас, и на жилищные и социально-бытовые нужды в образовательной сфере отпускалось больше средств. В то время Юрий Вячеславович был просто преподавателем вуза, кандидатом наук (даже без защиты диссертации, за труды). В коттедже семья прожила все военные годы. Когда наступал Новый год, в доме Грдины всегда устраивалась елка, приглашалась многочисленная ребятня, а также коллеги. Юрий Вячеславович всегда был активным участником этих праздничных мероприятий, наряжался Дедом Морозом. Хороводы с бенгальскими огнями вокруг елки сопровождалось его музицированием на пианино. «В свободное от работы время в мае всей семьей вскапывали огород, — вспоминал сын Грдины профессор Игорь Шубин. — Сажали картофель ровненько по шнуру — за этим скрупулезно следила мама семейства, она любила порядок во всем. Одно время держали даже корову Машку, хотя молока было мало». Конечно, немного помогало то, что Юрий Вячеславович и Наталья Николаевна имели «литерное» обслуживание в институтской столовой.

Грдина был физически очень сильным человеком, по утрам всегда делал зарядку по системе датчанина Мюллера и сыновей Игоря и Славу с малолетства приобщил к этому полезному делу.

«Отец знал приемы бокса, — рассказывал Шубин. — И как-то в военные годы на рынке отправил в нокдаун какого-то великовозрастного хулигана, который запустил руку в карман широкого пальто Наталии Николаевны, а будучи пойманным, непочтительно отозвался в ее адрес».

По воспоминаниям современников, Грдина знал все о марках легированных сталей. Многие вещи он не только понимал на высокопрофессиональном уровне,

но и мог объяснить другим. Профессионализм у него был высочайший. В то же время Грдина был очень замкнутый человек. Ему трудно было сходитьсь с людьми, особенно с новыми, но если он сходилсь, это была привязанность очень сильная. Тридцатые годы прошлого века в молодой индустриальной Советской России были эпохой таких людей, которые не то чтобы были лишены семейной жизни, но не возводили ее в главный приоритет. Они были безмерно преданы работе, развитию промышленности, они верили в светлое будущее страны и не жалели сил, чтобы приблизить его, чтобы вывести Родину в передовые страны мира, а уровень жизни людей сделать наивысшим. Это и есть преданность отечеству, любовь к тому месту, где ты живешь, творишь во благо будущих поколений. Таким был Грдина — технарь-профессионал и интеллигентный человек.

Тридцатые годы в Советской России — это время безумного строительства. Энтузиазм был великий. На Кузнецкстрой молодежь съезжалась с разных уголков СССР, были важные москвичи, архитекторы-ленинградцы, донбасские металлурги и горняки, приезжали американские «спецы», работали казахи в рыжих лисьих малахаях, со своими конями. Народ возил землю на тачках по деревянным тротуарам. Техники было мало, но строили действительно здорово. Из техники были американские автомобили, пятитонные «Фаммаги». Великолепные машины. Профессор В. И. Люленков хорошо помнит время своего детства, он и рассказывал, что эти грузовики воспринимались как чудо. Самое лучшее, что в этих машинах было для пацанов, — это колеса. Камера из красной резины, которая замечательно тянулась. «Какие рогатки получались из этой резины — удивительно! — вспоминал Люленков. — Пацан, который становился обладателем двух полосок такой резины, был счастливейшим человеком Кузнецкстроя».

Жили на Верхней Колонии, возвышенности над площадкой завода, на улицах Песочно-Галечной, Тельбесской, и бригадами, с гармонью, с песнями шагали на работу. Еще выше была улица Орлиная, там жили высокопрофессиональные специалисты, американцы, там жили И. П. Бардин, С. М. Франкфурт, К. И. Бутенко, Т. И. Шкляр, Ю. В. Грдина — великие советские ученые-металлурги. В городе было три легковых автомобиля: «Линкольн» у Франкфурта, «Шевроле» — у Бардина и «Бьюик» — у Бутенко. Жизнь была очень интересной, радостной. Обустройства никакого не было, и тогда организовался женсовет. В нем были жены итээровских работников, которые и взялись за окультуривание поселения. Возглавляла его Софья Александровна Бутенко, жена Константина Ивановича, гречанка. Все они были объединены общими интересами. Основная цель у всех — это строительство металлургического комбината и нового города-сада. Но и отдохнуть умели: ездили на природу, пикники. Софья Александровна была одной из первых женщин-организаторов, которая поняла, что надо не только работать, но и отдыхать. В клубе, который был построен на Верхней Колонии, по воскресным дням играл духовой оркестр. На заводе был конный двор, и за итээровскими служащими закрепляли лошадей с колясками. Детей возили с Верхней Колонии в новую школу с огромными каменными глобусами по бокам от входа. Глобусы с зелеными материками и синими морями запомнились детворе как

символы учебного заведения. Ребятам это необходимо — память детства. Атмосфера в новом городе-саде, который воспел Владимир Маяковский, была доброжелательной. Никто никого не подсиживал. Правда, до определенного времени. До тридцать седьмого, тридцать восьмого года. Потом пошли доносы, появилось клеймо «врага народа», начались годы ужасов Большого террора. А потом была война.

Уже в первые дни войны нарком черной металлургии СССР И. Ф. Тевосян заявил: «Срочно организуйте производство брони для танков! Задание особое, фронтное!» Директор КМК Р. В. Белан, сам инженер-металлург с огромным опытом, взял под личный контроль работы по перестройке комбината на военный лад. По руководством Грдины проводилась опытная плавка и прокатка первого слитка броневой стали. Над этой проблемой он работал вместе с профессором Е. Я. Зарвиным. Коллеги профессора, доценты СМИ Э. Х. Шамовский и Н. И. Куницын, сконструировали и внедрили особый высокопроизводительный газовый резак, позволяющий производить резку толстых сляб танковой брони. Тридцать процентов всей броневой стали и пятьдесят процентов броневых листов были получены во время войны из цехов КМК. Приказ Родины был исполнен в кратчайший срок — танки, одетые в кузнечную броню, громили фашистов на всех фронтах и дошли до Берлина.

Юрий Вячеславович постоянно «болел» тайгой и поездками в Горную Шорию и на Нижнюю Терсь. Первые поездки осуществил еще в 1940 г.: по реке Томь до деревни Атаманово. Грдина с женой и сыновьями вместе с семьей друга детства, заслуженного врача России хирурга Сергея Михайловича Аврамова на шестах, на двух шорских лодках добирались до места дислокации и там, в таежной глуши, рыбачили, варили уху. Немного позже к ним присоединился молодой ведущий инженер завода Клавдий Мартенс. Грдина не раз повторял, что он наслаждается величию звездного неба, что ощущение бесконечности Вселенной рождает в нем мечты, мысли. После войны, в августе 1945 г., Грдина с семьей совершил первый большой марафон по Мрас-Су. До Лесного острова также шестовым ходом — на носу лодки сыновья, жена в середине, Юрий Вячеславович на корме. Поднимались несколько дней (120—150 км) почти до Хомутовских порогов. Много позже появится подвесной мотор, а последние пятнадцать лет Юрий Вячеславович сам разрабатывал конструкции лодок, это были уже катера («Карась», «Эрг» и др.) со стационарным мотором и подъемным винтом. Грдина не любил санатории, а вот летний отдых в таежных условиях он обожал. С большим мастерством изготавливал из ивовых прутков корчажки, куда косяками заходила рыба, а также ставил переметы на тайменя, налима, щуку, крупного окуня. Реки были богаты рыбой, и Юрий Вячеславович умело варил уху, это для него было как священнодействие: был сосредоточен, молчалив, даже, казалось, немного пританцовывал, двигался как-то осторожно, плавно.

Часто выбирались в тайгу большими компаниями на нескольких лодках и устраивали лагерь из двух-трех палаток. Поздним вечером, у костра, под мерцающим светом звезд на темном ночном небе, под тихий шум переката друзья слушали импровизации Юрия Вячеславовича — рассказы («сказочки»), стихи и с нетерпением ждали продолжения на следующий вечер. «К сожалению, самих рассказанных для нас, детей, “сказочек” я не помню, — вспоминала

Е. К. Петрова, дочь Мартенса. — Но в памяти осталось нетерпеливое ожидание вечера, когда у костра ребягня просила дядю Юру рассказать очередную историю... Он садился напротив, внимательно смотрел на нас, потом на огонь, и начинался неторопливый рассказ. Мне кажется, что вот так же рассказывал «Алису в Стране чудес» своим племянницам знаменитый Льюис Керролл».

Грдина помнил и читал наизусть много стихов. Любимые его поэты — Саша Черный, Николай Гумилев.

Сыновьям его на всю жизнь запомнились строки Гумилева, которые Грдина декламировал у костра под звездным небом:

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

И конечно, пелись песни — «Бродяга Байкал переехал...», «Когда б имел золотые горы», «Стенька Разин», «Вечерний звон» (его пели на два голоса Грдина и Авраамов) и другие, в том числе и современные. Этот таежный Лесной остров на Мрас-Су стал «героем» большой картины Юрия Вячеславовича, которая сейчас экспонируется в музее Сибирского государственного индустриального университета.

На Лесном острове жили по месяцу и больше. Одни приезжали, другие уезжали, вернее, уплывали. Но был закон — каждый участник поездки должен был дежурить по кухне. В обязанность дежурного входило приготовление пищи на всю компанию, мытье посуды, наведение порядка. Грдина исключением не был никогда. Это был закон, который «старейшины» (Грдина, Авраамов и Мартенс) ввели с первых поездок на шестах по Мрас-Су, и нарушать его не позволялось никому. Этим неписанным законом было запрещено загрязнять окружающую среду, ломать деревья, ловить рыбу впрок, сквернословить.

Много раз выезжали за город на реку Томь на машине «Победа». Случались и казусные ситуации. Однажды, примерно в 1952 г., Грдина с семьей возвращался из очередной поездки в тайгу. Юрий Вячеславович был коротко острижен (обычная его прическа) и в ватнике. А в те времена в верховьях рек Томь и Мрас-Су было много лагерей заключенных. И вот километрах в сорока от города остановил машину патруль. Патрульный подозрительно посмотрел на Грдину и потребовал паспорт, которого, естественно, с собой не оказалось. Тут же подошли вооруженные солдаты с собаками. Спас в этой рискованной истории партийный билет члена ВКП(б), который, как и положено по уставу, Грдина носил с собой.

В любых жизненных ситуациях он всегда сохранял чувство юмора. Когда в 60-х гг. его сын Игорь, живя и работая в Москве, в Бауманском университете, прочел в центральной прессе, что Юрия Вячеславовича выдвинули в академики, сразу дал ему телеграмму: «Папа, поздравляю выдвижением академики. Привет маме. Игорь». На следующий день получил от отца ответ: «Гарька, спасибо. Как выдвинули, так и задвинут. Грдина».

Когда Юрий Вячеславович бывал в командировках в Москве, он останавливался у сына, в небольшой двухкомнатной квартире — и это был праздник.

Игорь рассказывал, что отец перед сном обязательно читал книги о Шерлоке Холмсе из собрания сочинений Конан Дойла. Говорил, что Холмс учит его мыслить. В очередной приезд Грдина увидел в ГУМе и тут же приобрел очень хорошую пишущую машинку «Оптим» и, вернувшись домой, приступил к созданию своего романа о туманностях Вселенной.

Помимо живописи и занимательных карикатурных рисунков карандашом Грдина очень увлекался фотографией и делал превосходные ландшафтные и портретные снимки.

Наверное, это свойство любой большой личности, личности, окруженной ореолом известности и налетом некоторой таинственности, — производить незабываемое впечатление на окружающих даже издали, даже внешне. Студенты, которым посчастливилось учиться у Грдины, вспоминают, что в коридорах института они слегка робели при виде высокого грузного мужчины в сером костюме. Особое впечатление производило то, что он был стрижен под машинку. Выражение лица профессора Грдины было обычно сумрачным, но доброжелательным. Ходил он быстро и выглядел довольно подвижным. Мог сидеть на стуле, подвернув под себя ногу. Когда в 1966 г. в известной серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга Д. Данина «Резерфорд», многие немедленно нашли в фотографиях Э. Резерфорда большое сходство с Грдиной. Ученица Грдины, профессор Стэнфордского университета (США) Г. М. Тов вспоминала, что как-то Юрий Вячеславович совершенно серьезно спросил ее: «Правда ли, что я похож на крокодила?» Интересно, что в кругу ученых прозвище Резерфорда было именно Крокодил.

Конечно, главное впечатление о Грдине у всех его студентов связано с прослушиванием лекций по специальным статьям, которые он традиционно читал металловедам-термистам на четвертом курсе. «Надо сказать, — рассказывал профессор Л. Б. Зуев, — что возможны два варианта организации этих лекций. Один из них связан с именем немецкого металловеда Э. Гудремона. Грдина применял в своих лекциях подход, близкий к гудремоновскому, детализировал, давал примеры из практики, рисовал диаграммы. В аудитории он беседовал, спокойно рассуждал». Позднее он и его ученик О. В. Гордин подготовили и издали конспект этих лекций в виде отдельной небольшой книги.

Манера Грдины читать лекции поражала своей естественностью и заслуживает особого внимания. В СМИ были преподаватели, которые читали замечательные лекции: математик В. Х. Соболев, физик В. М. Финкель, химик Ф. С. Меньщиков. В той или иной степени их лекции (особенно В. Х. Соболева) были увлекательными спектаклями, нацеленными на то, чтобы заинтересовать студентов. И эта цель достигалась. Грдина, читая лекции по специальным статьям, ничего не добивался... Он просто говорил, но студенты слушали с огромным вниманием и интересом. Он точно вычерчивал мелом на доске все детали диаграмм состояния металлов, которые нередко бывают очень сложными. Позднее, узнав, что Юрий Вячеславович хороший художник, студенты поняли, как у него получались такие аккуратные рисунки. «Мы понимали, — рассказывал профессор Института физики прочности и материаловедения СО РАН (Томск) Л. Б. Зуев, — что перед нами ученый, перед нами выдающийся специалист и нам выпало счастье выслушивать то, что он нам говорит».

Он всегда был естественен, не имел намерения понравиться студентам, наоборот, он об этом и не думал. Как-то раз Грдина заболел и попросил двух молодых сотрудников принять за него экзамен. Сдавали человек двадцать студентов, и эти сотрудники поставили пять или шесть неудов. Но это присуще молодому преподавателю — ставить двойки налево и направо. Потом Грдина очень сердился: «Что вы наделали... Вам ничего нельзя поручить!» И больше уже никогда не доверял принимать за него экзамены.

«Каждый начинающий лектор у кого-то учится, выбирает образец для подражания и следует за этим образцом, насколько позволяют собственные возможности, — вспоминал профессор Л. Б. Зуев. — Но я ничего не решился взять у Ю. В. Грдины. Не “не смог”, а не решился... Теперь я понимаю: ему нельзя подражать. Чтобы позволить себе читать так, как он, надо им быть». Он был естественным всегда. Однажды во время его лекции случился перерыв для физкультурной паузы. Такое новшество ввели тогда в вузах. Грдина вполне серьезно рассказал студентам о пользе зарядки и даже, ничуть не смущаясь, проделал сам определенные упражнения, а потом продолжил лекцию.

Способ принимать экзамены у Грдины был тоже свой, необычный. Он разрешал использовать на экзамене книги, справочники и конспекты, но, когда ответ был подготовлен, он беседовал со студентом. Оказывалось, что такой способ ничуть не облегчал сдачу экзамена. Напротив, во время обсуждения уже подготовленного и написанного ответа студенту приходилось отвечать на множество дополнительных вопросов, ответы на которые и позволяли профессору получить полное и точное представление о подготовке. К примеру, он спрашивал: «Вот иголка, все знают, все пользуются. Из какого материала ее надо сделать? Какие легирующие элементы надо добавить, чтобы иголка не ломалась? Чтобы в ней ушко можно было продырявить? А пушечный ствол?.. Или вот шток двигателя внутреннего сгорания. Из какого материала? В каких условиях он работает?»

Г. М. Тов вспоминала: «Ю. В. Грдина был самый выдающийся ученый, наставник, преподаватель. Равного ему нет. Очень эрудированный человек. Отношение Грдины к коллегам было хорошее, доверительное. Никогда никого не унижал, а это — признак сильного человека. Когда я пришла работать в институт, он мне сразу сказал: “Давайте готовить диссертацию по такой теме”. Я начала работать, ездила на конференции, но у нас было мало литературы, в основном литература была за границей. И он предложил: “Давайте возьмем тему попроще. Вы защититесь, а потом уже продолжите исследования в этом направлении”. <...> Грдина придумал, как закаливать отдельно концы рельсов, чтобы многократно увеличить их срок службы. Стойкость их повысилась почти в два раза, и железные дороги, конечно, были довольны».

За время работы в институте Грдина прочитал такие курсы лекций, как «Металловедение и термическая обработка», «Химико-термическая обработка», «Специальные стали», «Физика металлов», «Физические свойства металлов». Юрий Вячеславович подготовил большое количество инженеров-металлургов и ученых, работавших и работающих в разных городах нашей страны и зарубежья. Под его руководством защищено более тридцати кандидатских и докторских диссертаций.

Несомненно, основные научные интересы Грдины были связаны с транспортным металлом, особенно железнодорожными рельсами. В этой области он был признанным специалистом мирового масштаба. Учитывая ту важнейшую роль, какую рельсовая тематика играла в СМИ, необходимо коротко охарактеризовать эту проблему. В СССР железнодорожные рельсы производились на Кузнецком в Сибири (Новокузнецк), Нижнетагильском на Урале (Нижний Тагил) металлургических комбинатах и на комбинате «Азовсталь» (Жданов, ныне Мариуполь). Массовое производство высококачественных рельсов было серьезной проблемой, поскольку к их прочности, износостойкости и хладостойкости предъявлялись очень высокие требования, определявшиеся напряженностью грузоперевозок, географией и климатом нашей страны. Производство рельсов было связано также с проблемой состава железных руд и кокса, в особенности с наличием примесей серы, фосфора и мышьяка, вызывающих хладноломкость. Дело осложнялось тем, что все заводы, производящие рельсы, работали на разных железных рудах. Были и другие сложности, в частности, много неприятностей доставляло разрушение рельсов из-за микротрещин водородного происхождения. Таким образом, производство рельсов сочетало в себе комплекс серьезных научных исследований со стратегической хозяйственной задачей, которую следовало решать в масштабах страны. Привлечение к этой тематике ученых, аспирантов и студентов института определяло уровень Сибирского металлургического института в то время.

Необходимо написать и о другой стороне научного творчества Ю. В. Грдины. Речь пойдет о его идеях в области физики прочности и пластичности. Осенью 1967 г. в институте проводилась межвузовская конференция по физике и механике прочности и разрушения. На нее собрались ученые из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Свердловска, Харькова, Днепропетровска и других городов. Доклады «Дислокации и прочность кристаллов» и «О теоретической прочности металлов» (последний в соавторстве с сыном, В. Ю. Грдиной) были опубликованы в сборнике тезисов. К несчастью, за несколько недель до начала конференции Ю. В. Грдина ушел из жизни. Профессор Л. Б. Зуев вспоминает, что «два не произнесенных Юрием Вячеславовичем доклада до сих пор поражают специалистов в этой области, несомненно, провидческими предсказаниями будущих путей развития физической теории пластичности. Многие из его прогнозов в те годы были явно недооценены и начали реализовываться только сегодня. Юрий Вячеславович был первым, кто обратил внимание на существенную неполноту тогдашнего состояния теории дислокаций, связанную с тем, что введение этого понятия было совершенно формальным, а описание свойств дислокаций основывалось на моделях сплошной среды. Явно недооценивалось ясных физических представлений о природе этих дефектов». Вот что писал Ю. В. Грдина в тезисах своего доклада: «В общем, представление о дислокациях выродилось в представление об упругих инородных нитях, свободно движущихся в кристаллической решетке». Оставалось почти десять лет до того времени, когда в работах Дж. Д. Гилмана, В. Э. Бенгуса и В. И. Альшица было введено понятие о «физическом ядре дислокации» и в экспериментах была установлена структура этого ядра, оказавшаяся весьма далекой от структуры идеальной кристаллической решетки. Несколькими строками ниже в этих же тезисах Грдина писал: «Но так как существование дислокаций есть

твердо установленный экспериментальный факт, то основная задача сейчас — это разработка некоторых новых представлений. Возможно, что здесь будут полезны статистические представления». И здесь он оказался прав. Несколькими годами позже А. И. Ландау, А. А. Предводителей и Б. М. Струнин в СССР и ряд зарубежных ученых перешли к статистическому описанию дислокационных ансамблей и их эволюции, получив принципиально новые представления о дислокационной деформации. Эти представления оказались намного более реалистичными по сравнению с элементарными моделями А. Х. Коттрелла и В. Т. Рида.

«Надо признать сейчас, — рассказывал профессор Л. Б. Зуев, — что именно Грдина имел мужество указать на серьезные недостатки первоначального варианта теории дислокаций и фактически сориентировал экспериментальные и теоретические исследования в нужном направлении». Однако в то время — время триумфального завоевания дислокациями всего материаловедения — эти мысли натолкнулись на отрицательную реакцию А. Н. Орлова, одного из двух (наряду с В. Л. Инденбомом) наиболее авторитетных советских специалистов в области теории дислокаций. К сожалению, замечательные идеи Грдины в области теории дислокаций значительно опередили свое время и впоследствии его учениками не развивались.

Нельзя не отметить, что Грдина сыграл важную роль в становлении Сибирского металлургического института (ныне Сибирский государственный индустриальный университет) в Новокузнецке, первого высшего учебного заведения Кузбасса. Он заложил основы того «фирменного» для вуза стиля, когда выпускники института считали для себя возможным заниматься любым нужным и интересным делом, не обращая внимания на запись о специальности в дипломе. По тому образованию, которое получил сам Грдина в Томском технологическом институте (сейчас это Национальный исследовательский Томский политехнический университет) в 1925 г., он был отнюдь не металловедом, а инженером-электриком. Напомним, что его первым научным исследованием была магнитная съемка местности в низовьях реки Оби, проведенная в 1920 г.

Грдина всей своей деятельностью демонстрировал, как должны осуществляться связи между фундаментальной и прикладной наукой. Он, безусловно, был самым крупным среди ученых Сибирского металлургического института. Ученик, а затем сотрудник известного томского физика профессора (впоследствии академика) В. Д. Кузнецова, Грдина работал в Сибирском металлургическом институте почти с его основания, был одним из организаторов науки вуза. Уже в те далекие годы, возглавив кафедру металловедения и термической обработки, Грдина не ограничился организацией и проведением металловедческих исследований. Выйдя из коллектива физиков Сибирского физико-технического института при Томском государственном университете, института, созданного В. Д. Кузнецовым по инициативе академика А. Ф. Иоффе, Ю. В. Грдина всегда стремился придать своим исследованиям фундаментальный характер, включая в них элементы точных наук.

Сейчас уже никому не кажется странным утверждение, что уровень любого технического вуза в значительной степени определяют его фундаментальные (общенаучные) кафедры — математики, физики, химии. Их роль в обеспечении современного уровня преподавания и исследований не менее важна, чем

роль специальных кафедр. Будучи сам незаурядным ученым и профессионалом своего дела, Юрий Вячеславович вселял в своих учеников страсть к науке, воспитывал в них дисциплину и умение шагать по пути открытий.

Юрий Вячеславович чувствовал рельсы как живое существо, как родное дитя, все их существование чувствовал. Его не раз видели прогуливающимся по железнодорожному полотну, он разглядывал стыки, трогал рукой металл, поглаживал. Он не просто делал расчеты и опыты, он проникал в существование рельсов и именно так, творчески, из неожиданного движения мысли, открывал пути для улучшения жизни металла и служения его людям. Его мысль работала по законам творчества. Отсюда его увлечение живописью, поэзией, музыкой. Вспоминаются знаменитые строки А. С. Пушкина:

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель.

«Гений — друг парадоксов» Это определение точно характеризует Юрия Вячеславовича.

Очерк о профессоре-металлурге Юрии Вячеславовиче Грдине хочется закончить словами из его научно-фантастической повести «Блισταющий мир», которые наиболее соответствуют стилю его жизни, его мышлению: «Что там, за пределами трехсот световых лет, какие миры, какая жизнь, какие ее формы? Вот туда, на миллионы световых лет, стремятся теперь мои мысли... Я буду мечтать о миллиарде световых лет, близко к границам Вселенной, как понимал ее когда-то Эддингтон».

Хорошо, что космос бесконечен, и можно всегда, хотя бы мысленно, быть впереди.

От редакции. Владимир Угрюмов с очерком «Юрий Вячеславович Грдина. Шаг в будущее» — один из финалистов премии «Иду на грозу», учрежденной администрацией наукограда Кольцово (Новосибирская область) и редакцией журнала «Сибирские огни» в 2021 году. Премия призвана выявить авторов, пишущих о науке и ученых, а также стимулировать писателей и публицистов к исследованию научных тем. В короткий список премии вошли семнадцать авторов из разных городов России. Награждение лауреатов прошло в декабре. Избранные произведения финалистов конкурса будут публиковаться в журнале в течение 2022 года.

Народные мемуары

Владимир ПАХОМОВ

ВОВЧИК, ИЛИ ВАМ ЗАВХОЗ НУЖЕН?

«Север — это судьба!»

Вступив в возраст, который по праву считается возрастом воспоминаний, перебирая старые фотографии и с трудом переворачивая слипшиеся от времени страницы памяти, я вдруг нахожу среди них нетронутые тленом заметки — как свежие зарубки на стволе кедра для обозначения единственно верной тропы.

И в памяти с поразительной ясностью всплывают встречи с людьми, многие из которых определили становление моего характера в его особенностях и даже стали своеобразными вехами жизненного пути.

Именно об этих встречах я и хотел бы рассказать в этой повести. Реальное время событий по возможности сохранено. Почти все персонажи существовали в действительности, для некоторых мною выбраны в качестве прототипов хорошо знакомые мне люди.

Итак, после окончания третьего курса института я был направлен для прохождения практики в районное геологоразведочное управление поселка Сеймчан Северо-Восточного геологического управления с центром в Магадане. Выходя из отдела кадров управления, я почти столкнулся с невысоким плотным человеком с шапкой седеющих волос.

— Студент, на практику? Куда? — отрывисто и даже жестко спросил он.

Я еще раз посмотрел в направление:

— В Сеймчан.

Взгляд его неожиданно смягчился.

— Сеймчан — я там начинал. На Севере впервые?

Я кивнул.

— Запомни, парень, Север — это как судьба, от которой, как известно, не убежишь. Даже если уедешь, все равно вернешься! Ну, удачи тебе!

Много позже я узнал, что мне посчастливилось встретиться с легендарным начальником Дальстроя — И. Е. Драпкиным, выведенным в романе Олега Куваева «Территория» под фамилией Робыкин.

В Сеймчане меня рассеянно встретил главный геолог Б. Ф. Палымский и направил в партию по разведке россыпей. Ну, совсем не туда, куда мы все хотели попасть, конечно же, — на геологическую съемку. (Для сведения: лист геологической съемки масштаба 1:200 000 — в среднем около 4500 кв. км, что вполне сравнимо с площадью крупного города. Представьте себе, что значит для студента-практиканта 4500 кв. км неизведанности, и вы поймете меня.)

Кто мог сказать, что через двадцать лет я встречусь, уже в ранге главного геолога экспедиции, с Б. Ф. Палымским? Меня он, конечно, не вспомнил, но общие воспоминания скрепили нашу дружбу на долгие времена.

Совершенно расстроенный, едва сдерживая закипающие слезы, я понуро брел к общежитию.

— Ну что загрустил, студент? На съемку хочешь? Двухсотку? Беги к главному, он в курсе, потом меня найдешь в одиннадцатой комнате. Дылевский моя фамилия.

Обернувшись, я увидел сухощавого, среднего роста мужчину в ладно сидящем геологическом костюме и лихо заломленном на правое ухо берете. На загорелом лице выделялись умные ироничные глаза, верхнюю губу оттеняли щегольские усики с намечающейся проседью, выдающиеся скулы говорили о хитрости и силе характера — словом, передо мной был д'Артаньян двадцать лет спустя! Так я стал называть его про себя.

— Да не беги, зовут-то как?

— Володя.

— Ну, давай скорее, Вовчик!

Удивительно, но этим уменьшительно-снисходительным именем очень долгое время меня будут называть друзья, знакомые и даже малознакомые люди.

Вскоре я уже сидел в довольно большой комнате, заваленной какими-то тюками, зелеными ящиками (как я позже узнал — вьючными) с ремнями, приборами в чехлах и прочим снаряжением.

«Вам завхоз нужен?»

В коридоре я успел услышать, что вчера по дороге из аэропорта в аварию попала машина с завхозом и рабочим нашей (я уже называл ее так) партии и что оба они в больнице. Замену рабочему легко нашли в моем лице, а с завхозом, я понял, была большая проблема.

Лицо начальника у перегревшейся телефонной трубки вдруг просветлело: «Что? Уже идет? Ну спасибо, Петрович, ну спасибо! Ну, само собой, конечно...»

В дверь негромко, но уверенно постучали, и на пороге появился один из главных героев моей повести.

Прошло много лет, но он как будто только что переступил порог комнаты. Это был мужчина лет сорока — сорока пяти, выше среднего роста, в темно-синем, свободного покроя костюме, который не скрывал, а, наоборот, подчеркивал его сильную фигуру. Светло-голубую, идеально выглаженную рубаш-

ку дополнял темно-синий в крапинку галстук, а блеснувшая на миг запонка (золотая, наверное) и массивный перстень... Словом, таких персонажей раньше я видел только в редких тогда у нас зарубежных фильмах.

Почти незаметным жестом смахнув с чуть тронутого загаром, гладко выбритого лица темные очки, он, явно наслаждаясь произведенным эффектом, безошибочно определил начальника (ну не я же!) и мягким баритоном, скорее даже утвердительно, спросил:

— Это вам завхоз нужен?

Совладавший с произведенным впечатлением д'Артаньян кивнул.

— И вы что же, можете с этим справиться?

— Прошу поверить на слово, из того, что мне приходилось делать, это не самое трудное занятие.

— Ну хорошо, давайте паспорт.

Не без достоинства мужчина достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо плотный листок.

— «Пожарский Александр Михайлович», — безо всякого выражения вслух прочитал д'Артаньян.

Затянувшееся молчание прервал вошедший высокий мужчина с военной выправкой и неестественно белыми, коротко остриженными волосами. Странное впечатление производил косо́й багрово-синий шрам, пересекающий всю щеку от левого глаза.

— Евгений Федорович, — разве только не козырнул вошедший. — Из Омолона передали, что у Ми-4 кончаются часы и сводка у нас на завтра плохая. Предлагаю вылететь сегодня.

1969, Омолон. Дальше ни души

Через три часа я уже лежал возле иллюминатора в доверху загруженном, громыхающем Ан-2. Под нами в разрывах облаков, похожих сверху на клочья грязно-серой намокшей ваты, проплывала неведомая мне и непохожая на все, что я видел до этого, страна, полная тайн, загадок и приключений. От предвкушения скорой встречи с ней кружилась голова.

Невероятно причудливо изогнутые темные ленты рек окаймлялись полосками леса, похожими сверху на расчески с выломанными местами зубьями. Лес сменялся редколесьем предгорий, переходящим в серые пятна каменных осыпей, на фоне которых контрастно выделялись темно-зеленые куртины кедрового стланика. Ослепительно белые снежники оттеняли густую синеву величественных гор, выступающих на горизонте.

Завхоз в ладно сидящем на нем (не то что на моей тщедушной фигуре) геологическом костюме дремал, положив руку на выдавший виды фибровый чемодан.

Быстро выгрузив, буквально выкинув нас на полосу, самолет улетел. Справа от нас стоял зачехленный вертолет Ми-4, слева виднелся бревенчатый дом с прилепившимися к нему сараями. Флаг на высокой мачте, служившей еще и антенной, однозначно указывал на принадлежность аэродрома к территории Советского Союза.

Завхоз удивительно сноровисто (будто всю жизнь этим занимался) укрыл снаряжение брезентами и догнал нас по пути к дому, нагруженный какими-то свертками и кульками.

Хозяин дома, приземистый, крепкий с виду густобровый мужик с недельной щетиной на слегка припухшем лице, встретил нас, как старых знакомых, обнявшись с д'Артаньяном и коротко кивнув нам: «Романыч».

— Хозяйка наша на материк улетела, а мы вот с дочкой вдвоем здесь, — извиняющимся тоном пробормотал Романыч. — Да вы располагайтесь, тут вот летуны живут, а вы вот сюда, сюда вот...

Не прошло и пятнадцати минут, как наш завхоз уже стоял у плиты в ловко повязанном фартуке хозяйки и, весело переговариваясь с Романычем, дробно стучал ножом по разделочной доске.

Улучив момент, я спросил, понизив голос:

— Евгений Федорович, а что это за документ он вам показывал?

— Справка об освобождении.

— Освобождении от чего?

— Ну не от физкультуры же... Справка об освобождении из лагеря, из тюрьмы, короче.

— Так он что, вор?

— Ну... да.

— А как же... а зачем... а почему же вы его взяли?

— Да я знаю таких, Вовчик: у своих — ну а мы с тобой свои для него теперь, — копейки не возьмут.

Необычайно познавательную для меня беседу прервал Романыч:

— К столу давайте — перекусим чем бог послал.

А бог, действительно, сегодня расстарался. В центре чисто вымытого дощатого стола красовалась огромная кастрюля разварной картошки, обильно сдобренной маслом и свежим укропом. По обе стороны стола — две сковороды, в одной из которых были аппетитно поджаренные кружочки колбасного фарша, а во второй — разогретая говяжья тушенка, посыпанная зеленым луком. Гвоздем стола было блюдо с нарезанной крупными кусками, истекающей жиром вяленой рыбой (озерный чир, как мне сказали потом).

На шум и запах из боковой комнаты вышли два вертолетчика, удивительно похожие. Они многозначительно посмотрели друг на друга, и один из них вынес слегка помятую армейскую фляжку.

Во время оживленного застолья я узнал, что весь состав партии, включая каюра и шесть лошадей, уже находится на базе, построенной весной прошлого года, но мысли мои были заняты совершенно другим. Я никогда раньше не встречался с людьми «оттуда», и мне они всегда казались пришедшими из другого, темного и страшного, мира. Воображение, подпитываемое фильмами того времени, рисовало их нарочито щегольски одетыми, обязательно с золотым зубом, в фасонной кепочке и с развязно-вызывающим видом. Поэтому я с нескрываемым любопытством и (честно признаюсь) со смешанным чувством удивления и страха то и дело посматривал на завхоза.

Жареный каюр

Вот уже больше недели мы бороздим просторы нашей площади работ, пересекаем заросшие жесткой темно-зеленой осокой кочковатые долины, карабкаемся по гранитным глыбам осьшей, продираемся сквозь чащи ольховника и уже порядком осточертевшие заросли кедрового стланика.

Обыденка, как сказал бы О. Куваев: ранний подъем, завтрак — и в марш-рут, а в это время каюр собирает палатки, завьючивает лошадей, перегоняет их на новую стоянку, к нашему приходу опять ставит палатки и готовит незатейливый ужин.

И так изо дня в день...

Но в этот день как-то сразу все не заладилось с самого утра, ну просто не заладилось, и все тут. Каша подгорела, кружка с чаем сама опрокинулась на брюки, да еще дул сильный порывистый ветер. Почувствовав в обед запах дыма, мы, не сговариваясь, буквально взлетели на невысокий скальный гребень — долина ручья горела, и, что хуже всего, горело место нашей будущей стоянки! Ни лошадей, ни каюра видно не было.

Прошу простить, уважаемый читатель, что я, по обыкновению увлекшись повествованием, не познакомил вас с остальными его героями. Итак, мы — это две маршрутные пары, состоящие из геолога и рабочего-радиометриста. Для людей несведущих: радиометр — прибор для измерения радиации горных пород в их естественном залегании. Представляет собой нагрудный аппарат с индикатором и зондом на резиновом кабеле. Не создавал неудобств и дискомфорта, находясь в крепко заколоченном длинными гвоздями деревянном ящике.

С д'Артаньяном я уже успел вас познакомить, но здесь к его облику добавилась деталь, без которой полевой портрет был бы неполным. На поясе его красовался (именно красовался, а не висел) огромный настоящий американский кольт с деревянной ручкой, который он после долгих уговоров выменял у одного деда за спальный мешок, геологический костюм и литр спирта. В свою очередь дед выменял этот кольт за три литра самогона у пилота на авиационно-технической базе Танюерер, служившей во время войны промежуточным аэродромом для перегона самолетов из США через Аляску.

Стас, неразлучный спутник д'Артаньяна, своей внешностью напоминал запорожского казака — чуть ниже среднего роста, плотный, с наголо бритым черепом и роскошными светлыми усами, свисавшими ниже упрямого подбородка. Скуластое лицо, светлые глаза с монгольским прищуром. Мое внимание сразу привлекла необычная форма его ушей, а именно — неправильной формы хрящ на середине ушной раковины.

Геолога, с которым я делил — и, забегая вперед, разделил до конца сезона — все тяготы полевой жизни, звали Женя. Представьте себе молодого Дон Кихота — высокого, нескладного, длиннорукого и длинноногого. Правда, на этом его сходство с героем Сервантеса кончалось, потому что голубые глаза и растрепанные соломенные кудри в сочетании с громадным бесформенным носом (именуемым в народе шнобелем) наводили на мысль, что фамильные владения его простирались в районе Рязани, Вятки или в лучшем случае где-нибудь в Вологде, что ли... Вот он-то и рассказал мне у костерка историю про уши Стаса, взяв с меня страшную клятву, что я не проболтаюсь.

— Лет пять назад это было — да, точно, пять. Я тогда еще в молодых специалистах ходил. Забрасывали мы лошадей на базу в устье Кедона — я, Стас и каюр (настоящий был — не то что наш). Ждали самолет долго, одним словом, Стас с каюром нарезались, ну каюр еще так-сяк, а Стас просто никакой был.

Летим. Стас открывает глаза и говорит: «Пописать надо». Мы и глазом моргнуть не успели — он дверку самолета открыл и вывалился! Вывалился, да не совсем... Вцепился в крепление лестницы (по которой из самолета выходят) мертвой хваткой! Молчит, глаза безумные, и хмеля как не было!

Мы его тащить — я за руки, а каюр за голову. Кое-как втащили, а вот уши ему каюр надорвал почти до середины! Кровь — ручьями! Как смогли заматали и этим же самолетом отправили его обратно! Вот такая, студент, история! Поклялся — молчок, слышишь?

Пожар добрался до разлива речки и явно затухал на заболоченном участке, покрытом блестящей на солнце, нестерпимо зеленой осокой. Но ситуация сложилась прямо-таки удручающая — до базы километров пятнадцать, обе палатки сгорели, спальные мешки обглоданы огнем, а из продуктов остались только обгорелые банки. В пределах видимости не было ни лошадей, ни каюра.

Д'Артаньян задумчиво поправил берет, достал кольт, заглянул зачем-то в дуло.

— По-моему, на ужин у нас сегодня жареный каюр...

Вот так всю жизнь...

А сейчас я попытаюсь показать вам еще одного весьма примечательного персонажа этого повествования — каюра. Если вы вспомните дядю Ваню в одноименном фильме 1970 года в исполнении И. Смоктуновского, то получите почти фотографический портрет нашего каюра. Рост, благородная осанка, борода с сильной проседью (прозвище Борода он получил почти сразу же), мечтательно-созерцательный взгляд больших ярко-голубых глаз.

В людей такого типа, что не раз я позже замечал, обычно до безумия влюбляются женщины всех возрастов. Несокрушимое здоровье его нарушалось только болезнью печени, главным и наиболее ярким симптомом которой являлось органическое полное нерасположение к любому виду труда. Болезнь эта мучила его с самого детства и, по всей вероятности, была наследственной. Впоследствии я очень редко встречал людей, подобных Бороде, которые решительно не умели (но главным образом не хотели) ничего — ну абсолютно ничего! — делать.

При приеме на работу он с расстановкой, внушительно (как и все, что он делал, точнее, не делал) заверил, что с лошадьми он с малолетства, всю жизнь с ними. Первая же попытка показать умение вьючить завершилась тем, что все седла вместе с вьюками мгновенно съехали под брюхо лошадей! Картинно разведя руками, он благодушно-сокрушенно произнес: «Ну, и вот так всю жизнь...»

После пожара на базу он пришел к концу следующего дня в донельзя грязной, пропахшей потом и дымом одежде, не глядя ни на кого, налил кружку чая, закурил неизменный «Беломор» и произнес как будто сам себе: «И вот так всю жизнь...»

Непредвиденные обстоятельства

Наличие отсутствия лошадей в обозримом будущем коренным образом изменило методику работы. Вьючные сумы лошадей и относительные удобства, связанные с этим, заменили тяжелые рюкзаки за спиной, короткие ночи под пологом (просто куском тонкого брезента), да и отсутствие спальных мешков комфорта тоже явно не добавило. Дни шли за днями, удивительно похожие друг на друга, и мы как-то не заметили, что короткое северное лето давно перевалило за середину. Нет, дыхание осени еще не ощущалось, но внезапно мелькнувший позолоченный с одной стороны лист на осинке, начинающие краснеть гроздья низкорослой горной рябины, вставшие на неокрепшие крылья выводки куропаток неназойливо, но уже в достаточной степени ясно указывали на ее приближение.

Значительно облегчали нашу работу разбросанные еще ранней весной по всей территории своеобразные лабазы — двухсотлитровые бочки с отрезанными крышками, которые держались на приваренных стальных крючьях, скрученных толстой проволокой. До самого верха, битком, емкости были заполнены продуктами: галеты, колбасный фарш, тушенка, сгущенное молоко, чай, сахар.

Подходя к очередной бочке, Женья вдруг остановился как вкопанный и медленно (как в замедленной киносъемке, нехстати подумал я) поднял изорванную в клочья обертку от упаковки галет «Поход»!

Расстегнув кобуру и достав револьвер, он на негнувшихся ногах двинулся вперед. Притихший и охваченный внезапным страхом, от которого руки — а может, и ноги тоже — затряслись мелкой дрожью, я остался стоять на месте.

— Сюда иди!

Я почти побежал и чуть не упал, споткнувшись об оторванную крышку бочки. Картина, которую я увидел, была ужасающая в своей неправдоподобности. На вытоптанной поляне размером примерно пять на пять метров вперемешку валялись разорванные обертки от галет и чая, втоптаннные в землю, исковерканные консервные банки, остервенело раскрошенные пачки «Беломора».

Когда я увидел растянутые в длинные скрученные языки консервные банки, я снова ощутил противную до стыда дрожь. В придачу по всей поляне виднелись уже подсохшие, дурно пахнущие бурые лужи.

— Где жрал, там и срал... — угрюмо пробормотал Женья.

Вечером у костерка после необычно скудного ужина Женья хмуро прояснил создавшуюся ситуацию.

— В общем так, Вовчик. — За все время он первый раз назвал меня по имени вместо привычного «студент», что сразу насторожило меня и подчеркнуло серьезность разговора. — Продуктов у нас, если на двоих, на два дня с напрягом, ну а одному четыре дня протянуть можно... С работой тоже напряженка — из графика давно выбились. Короче, Володя, придется тебе на базу за продуктами идти!

— Что — одному? — вырвалось у меня.

— Да нет, что ты, да разве я бы тебя отпустил одного? — засмеявшись, успокоил меня Женья. — Пойдете вдвоем: ты, твоя студенческая сознательность и долг перед Родиной! Ну, ближе к делу. Выходишь с рассветом. Дойти

до базы ты должен к вечеру следующего дня, то есть ночевка у тебя одна. Спать залезай в самую середину стланикового куста — труднее будет достать тебя оттуда.

— Кому достать? — уточнил я.

— Медведю, вестимо! Да ты не бойся — вряд ли он на тебя польстится, кости-то он не сильно уважает, ну если только с сильной голодухи... — беззвучно рассмеялся Женья. — Ну а если ты ему свой тесак* покажешь — он, пожалуй, от смеха и помереть на месте может! Я такие случаи знаю... Вот я еще где-то читал, что если сделать в его шкуре дырку, а потом таким ножом ткнуть туда, то долго он не протянет... Карту я тебе дать не могу, компас, само собой, тоже. Я тебе нарисовал абрис. Будешь идти все время по хребту, никуда не сворачивая (абрис смотри чаще), по правой стороне — где у тебя правая рука? — отроги. Считаю — твой последний отрог восемнадцатый, там уже увидишь базу. Вот палку я тебе вырезал — каждый отрог отмечай зарубкой. Спички отдай сразу — от греха подальше. Воду найдешь на альпийских болотцах, пей, не бойся — здесь все стерильно! На хребет я тебя утром выведу. Главное — не сходи с хребта и считай отроги! И вот еще... — Он с напускной суровостью достал из рюкзака толстый мохнатый свитер. — Возьми — ночи наверху холодные... Ну, а теперь спать: вставать рано!

Иду по абрису

Хребет с серыми плешинами каменных осыпей и ярко-зелеными куртинами кедрового стланика, казалось, висел в воздухе над плотным молочно-белым туманом, тающим прямо на глазах под лучами рассветного солнца. Воздух был кристально чист и свеж, как дыхание моей однокурсницы, которую я так и не решился поцеловать перед отъездом.

«Вот вернусь — и сразу...» — подумал я, еле успевая за длинноногим Женей. На гребне присели «на дорожку», все уже было сказано. Молча обнялись, и вдруг Женья отстегнул пояс с наганом в кобуре и протянул мне.

— Барабан — полный. Потеряешь — меня посадят, отсижу и найду тебя, понял?

Я оторопело кивнул.

— Удачи! — Круто развернувшись, Женья зашагал в противоположную сторону. Я затащил пояс, переместил кобуру на живот (как видел в каком-то фильме), поправил рюкзак и, постукивая палкой, двинулся в путь, воображая себя первопроходцем Севера — героем романов Джека Лондона.

Вскоре перед седловиной**, поросшей чахлой, но еще довольно яркой зеленью, с поблескивающими на солнце лужицами, я сделал первую зарубку на палке. С шумом вспорхнул буквально из-под ног выводок куропадок и, отлетев на десяток шагов, вытянув длинные шеи, скрылся в траве.

Я с наслаждением попил ледяной, немного отдающей торфяной горчинкой воды, выдохнул и замер. Утреннее солнце разбросало радужные пятна по

* Тесак — узкий складной однолезвийный нож. (Прим. авт.)

** Седловина — самая низкая точка на линии водораздела между двумя горными вершинами.

многочисленным мелким лужицам, образуя причудливую мозаику, непрерывно меняющуюся в тон неслышной музыке, которую я слышал впервые.

Один отрог сменялся другим, увеличивалось число зарубок на палке. На высоком гребне, облюбовав густой куст стланика, я решил передохнуть и незаметно задремал. Проснулся я как от толчка (вековой инстинкт предков?), с чувством, что кто-то пристально смотрит на меня, но прямо перед собой я никого не увидел. Я отодвинул густую ветку — и... На меня в упор смотрела страшная косматая морда с янтарно-желтыми глазами и огромными ребристыми рогами! Своего крика я не услышал, но скулы мгновенно свело судорогой и дыхание перехватило... Зато я увидел, что глаза чудовища стали медленно увеличиваться, вылезая из орбит! Сколько длилась эта встреча, я не помню, но в реальность ее я поверил, уже услышав отдаленный дробный стук копыт по камням. Ну конечно же, это был снежный баран, и кто испугался больше — это как сказать!

Остаток дня прошел без приключений. Смеркалось. Густо-синие тени, предвестники ночи, уже гнали прочь отсветы лучей заходящего солнца, закрывая отроги, долина далекой реки представлялась сплошной темной лентой, сквозь которую прорывались едва угадываемые вершины тополей. Заметно похолодало. По совету Жени я выбрал самый густой куст стланика, перекусил, запив заметно нагретой водой из купленной во Владивостоке армейской фляжки, подложил под голову рюкзак, закутался в свитер и мгновенно уснул. Разбудил меня прорвавшийся сквозь пахучие смолистые ветки теплый солнечный луч. Проспал — да как же?!

Вскоре я, шагая по тонкой сланцевой плитке, хрустевшей под сапогами, уже отмечал очередной отрог.

Неожиданная встреча

Впереди, за пологим подъемом, виднелась плоская вершина, поросшая редкими кустами стланика. «Там и передохну», — решил я. Подъем оказался более затяжным, чем показалось вначале: крутые каменистые взлобки сменялись пологими островками альпийских лугов, и я, надо сказать, порядком устал, пока поднялся на вершину. Ну вот за тем кустом уж точно остановлюсь! Обойдя куст слева, я остолбенел — в буквальном смысле этого слова! Бородатый, голый по пояс мужик что-то стирал в оцинкованном тазу, стоящем на раскладном стульчике!

Еще до вылета на базу я узнал, что в радиусе четырехсот километров не будет ни души. «Мираж! — пришло мне в голову. — Впрочем, откуда здесь мираж-то возьмется?» Я еще раз выглянул из-за куста. Мужик уже заметил меня и, вытирая на ходу мокрые руки о брезентовые штаны, шел навстречу.

— Да выходи, не бойся, — пробасил он и протянул крепкую, еще влажную ладонь. — Станислав Сергеевич, можно просто Стас.

Через пять минут я уже с умилением прихлебывал чай с сахаром вприкуску за раскладным столиком возле небольшой палатки, за которой стояли закрытые чехлами какие-то приборы на высоких треногах. Стас рассказал мне, что он инженер из службы астрономогеодезии и их посменно забрасывают вертолетом на вершины для наблюдения за звездами (один час ранним утром и один

час поздно вечером). Услышав знакомый термин, я поспешил сообщить ему, что я безошибочно могу отличить теодолит* от нивелира**!

Он похвалил мои «глубокие» познания, попутно заметив, что далеко не каждому это под силу, и пустился в пространные объяснения относительно различия геодезии и астрономогеодезии, но, увидев мои потускневшие глаза, резко сменил тему:

— Ну, давай посмотрим, сколько тебе еще топать осталось, — и развернул карту. — Так, еще километров двенадцать, к вечеру будешь на месте. А то смотри — завтра будет вертолет, заброшу тебя, тут лету пять минут! Чудак — звезды посмотришь... На всю жизнь запомнишь!

— Нет, спасибо большое, пойду! — С огромным трудом я удержался от соблазна.

Он потрепал меня по плечу, зачем-то потрогал кобуру нагана:

— Легкой тропы тебе, геоложонок!

Солнце еще только собиралось спрятаться за высокую гору на горизонте, а я уже увидел внизу знакомые палатки базы.

Каприз художника

Из-за стола под брезентовым тентом навстречу мне с шумным удивлением поднялись завхоз и Борода с распаренными красными лицами.

— Да ты откуда, Вовчик?! Да еще с наганом! В баню давай — все остальное потом!

Через час я уже запивал холодным ягодным настоем свежеподжаренных хариусов, а потом все вместе долго пили чай с лепешками, макая их в невероятно вкусное варенье из жимолости.

Докурив неизменный «Беломор», Борода, сославшись на «тяжелый» день, побрел к палатке, а мы перешли к кострищу, умело обложенному небольшими валунами.

— Поговорим, Вовчик? Я видел, как ты шептался с начальником относительно меня. Так вот — я не вор в твоём понимании, хотя, не обижайся, что ты можешь понимать в этом вопросе? В общей сложности, несмотря на завет учителя моего и наставника Остапа чтить Уголовный кодекс, тюрьмы избежать не удалось, а вот от сумы пока бог миловал.

Профессию мою сложно охарактеризовать одним словом, хотя с большой долей точности ее можно было бы охарактеризовать так: «Изъятие законными способами излишних денежных средств, нажитых нечестным путем, у предприятий и организаций». Прошу заметить, что Александр Михайлович Пожарский никогда не опускался до банальной кражи, даже в самые трудные периоды жизни, как правило, сопряженные с отсутствием денежных знаков, что не раз подтверждало непреложную истину: «Денег или нет — или их совсем нет!»

Моя стихия, Вовчик, — это крупные аэропорты, гостиницы, кабинеты, обставленные импортной мебелью, выезды «на природу», нередко с весьма со-

* *Теодолит* — измерительный прибор для определения горизонтальных и вертикальных углов при топографических, геодезических, маркшейдерских работах.

** *Нивелир* — геодезический инструмент для определения разности высот между несколькими точками земной поверхности.

мнительными граждaнками. Лучше всего, конечно, действовать через женский пол, тут главное — не заиграться, то есть вовремя и красиво расстаться, потому как обиженная женщина — непредсказуема! Внешностью меня бог, как ты сам видишь, не обидел, да не главное это — запомни, Вовчик! Женщины (особенно образованные) — ушами любят! Когда ты в разговоре, как будто невзначай: «А вот у Марселя Пруста...» — или пару строчек из Бодлера, Валери (не опускайся только до Асадова, Риммы Казаковой — избито это, про Есенина забудь тоже) — и все, дальше, как говорят, дело техники. В беседе с женщиной никогда не отзывайся хорошо о других женщинах, а уж тем более не хвали, даже ее лучших подруг. С твоей внешностью сложновато, конечно, будет с женщинами, но небезнадежно!

Учись каждый день — литература, поэзия, музыка, живопись, речь оттачивай! Это в первую очередь для тебя самого, а уж потом для других, ну и женщин тоже. Старайся чувствовать собеседника, учись слушать, пытайся разговаривать его. Запомни: чем больше ты о нем узнаешь, тем проще тебе будет общаться.

Никогда, слышишь — никогда! — не показывай, что ты умнее и образованнее, но слегка покажи по мере беседы, что ты в теме, а иногда и с видом знатока сделай короткое замечание. Обязательно подчеркни при этом, что это твое личное мнение, не претендуй ни в коем случае на истину в последней инстанции. Не строй беседу по принципу: «Да что мы все обо мне да обо мне — давай про меня!»

Когда двое принципиально спорят — храни молчание, не принимай ничью сторону. Когда заспорили с тобой — уступи, по возможности сохраняя достоинство. Никогда не давай советов, потому что их спрашивают только для того, чтобы не следовать им или обвинить советчика потом во всех грехах. Если уж настойчиво просят — скажи: «Не ручаюсь, конечно, но я, вероятно, сделал бы так...» И вот еще. Несколько великих людей — когда-нибудь узнаешь их — очень давно дали нам советы (тот случай, когда им необходимо следовать). «Скрой то, что говоришь сам, узнай то, что говорят другие». «Собираясь нанести обиду, сделай так, чтобы исключить месть». «В разговоре чаще меняй темы, чтобы твоя истинная цель скрыта была». Как-то так, Вовчик...

Жадно слушая, я буквально впитывал все это, и, как оказалось, во многом завхоз был прав. Он сказал: «Подожди!» — и вернулся с уже знакомым мне фибровым чемоданом, из которого извлек объемистый пакет, развернув его жестом фокусника. У меня зарябило в глазах от обилия различного рода документов, удостоверений, дипломов.

— Вся моя жизнь... — неожиданно как-то невесело произнес он.

Я стал перебирать документы и остановился, раскрыв удостоверение капитана госбезопасности.

— Все подлинные! — поспешил заверить меня завхоз. — Только фотография моя!

— Александр Михайлович, а какое самое крупное, ну, так сказать, дело у вас было?

Он заметно повеселел.

— Я тогда председателем крупного совхоза на Кубани был. По договору должен был поставить четыре вагона свежей капусты в Кемерово, побаловать

сибиряков, значит, капусткой свежей. Как ты, я надеюсь, понимаешь, ни один человек в этом совхозе даже не подозревал о моем существовании. Комбинат перечислил мне деньги в двойном объеме, понимаешь? Нет? Вернуть я должен был наличкой им половину суммы.

Загружаю я четыре вагона и сопровождаю их до Новосибирска, а там у меня все схвачено. Составляем акт, что капуста ввиду жаркой погоды и простоя в пути сгнила и испортилась. По распоряжению санэпидстанции (акт прилагается) гнилая капуста была вывезена на городскую свалку (акт приемки и путевые листы водителей прилагаются). Свалка, само собой, горит, и обгорелый капустный лист на ней, конечно, имеется — лично проследил, чтобы в грузовиках и на свалке следы остались. Возбудили дело, само собой, а я уже в Калининграде на комбинате начальником отдела снабжения работал, но это уже совсем другая история.

— А как там, в тюрьме, ну, вообще, как живут там?

Он сразу поскучнел и даже, мне показалось, немного сгорбился.

— Точнее все-таки будет — на зоне, а не в тюрьме, и не живут там, Вовчик, а как бы проживают некий отрезок жизни, и все по-разному. Только с виду они как люди, потому что прежним оттуда никто не выходит.

Такие, как я, по понятиям в «честных фраерах» в зоне ходят: без особого уважения, но и не прессуют нас, потому что законы — куда же без них и там? — мы уважаем, к ворам (или к блатным) не примыкаем, да и мало нас таких, а я вообще особняком ходил и больше уважения имел.

Читал много — библиотеки там просто шикарные, а вот людей, от которых можно было что-то взять, не встретил — не повезло... Не дай бог тебе, конечно, когда-нибудь туда попасть (хотя зарекайся нельзя), но если вдруг, то запомни следующее. Постарайся не сломаться — иначе пропадешь. Не верь, не бойся, не проси, смотри внимательно за всем, что видишь и чувствуешь.

И вот еще — там ничего не меняется, и как время бежит, не замечаешь, а вот на воле, пока ты там, многое может измениться — люди, женщины, цвета, запахи, понятия... Не каждый привыкнуть может, а многие и не привыкают. В особенности к тому, что раньше ты был кем-то, а теперь вроде как погулять вышел.

Через много лет, в 1995 году, сидя в маленьком уютном кафе в центре Днепропетровска за чашкой чая с вором в законе Алексеем Васильевичем с погонялом Молчун, я услышал то же самое. «Столько лет прошло, а многое у них так и осталось прежним», — подумал я тогда.

— А как вы у нас оказались-то?

Пожарский невесело рассмеялся.

— Можешь считать это капризом художника. Пересидеть надо было немного, да и отдохнуть на природе захотелось!

— Еще вопрос можно?

— Давай!

— Александр Михайлович, а вы в бога верите?

— Хочешь спросить, хожу ли я в церковь? Много лет назад старый немецкий еврей Сидней Нордхаузер сказал мне: «Что я вам имею сказать, Саша. Если вот тут бога нет, — и приложил руку к сердцу, — абсолютно неважно,

куда пойдешь: в синагогу, мечеть, церковь, храм буддийский, — не услышит никто тебя, не старайся!»

Он помолчал.

— А иногда так хочется, чтобы услышали...

Рано утром я с тяжеленным рюкзаком уже карабкался по отрогу хребта.

Обратный путь не короче...

Почему-то принято считать: «чем длиннее дорога из дома, тем короче дорога домой» (кажется, даже песня такая есть), но мне в тот раз так не показалось. К обеду хребет покрыла пелена грязно-серого тумана, оседающего на лице в виде мельчайших капель, и вскоре я почувствовал, как набухает влагой одежда, а главное — рюкзак с продуктами становится тяжелее, или мне казалось так...

Решив сделать привал на месте встречи с «астрономом» (так я его называл), я прибавил шагу. Вот оно — то место: кострище, кусок почему-то обгоревшей веревки, и вдруг... На высокой ветке стланика висел компактный сверток — две плитки шоколада «Гвардейский», завернутые в самую обыкновенную хозяйственную клеенку!

Между тем туман перешел в противный морозящий дождь с порывами нестерпимо колючего ветра. Забравшись в середину огромного куста стланика, я соорудил из клеенки подобие навеса, а потом, подумав, просто завернулся в нее, уместив рюкзак в ногах, сжевал плитку «Гвардейского» и, разморенный неожиданным теплом и убаюкивающим покачиванием куста под ветром, почти мгновенно уснул.

Проснувшись с первыми лучами солнца, пробудившими вместе со мной какую-то неизвестную, но весьма назойливую птицу, я быстрым шагом тронулся в путь.

Поздно вечером, шатаясь от усталости, я увидел знакомую фигуру Женьки.

«Гусь — он птица нежная... Шума не любит»

Вот и кончилось северное лето, просто скатилось на юг, как скатывается рыба с неглубоких плесов и перекатов вниз, к зимовальным ямам. Как будто от утреннего холода, задрожали редкие осинники предгорий, пытаясь удержать на хрупких ветвях своих проржавевшие листья, не желая терять разменные монеты осени, которые она ночью сгребает в кучи, а утром мот-ветер, не зная или не желая знать им цену, раздувает и разбрасывает их по потемневшей траве.

Беспомощно поникли ветви прибрежных тополей, стыдясь своей неприкрытой беззащитно-трогательной наготы. На фоне тронутых желтизной крон лиственниц изумрудно-зеленые куртины стланика вдруг качнулись от ветра, будто испугавшись кроваво-красной россыпи брусники. Ярко-желтые гроздья горной рябины на альпийских лугах вспыхнули, как стоп-сигналы во время автомобильной пробки на широкой улице. Застывшие на прозрачно-бездонном небе облака вдруг показали мне кучами небранного смерзшегося снега на автобусных остановках, напоминая об идущей с севера зиме. Вчера за столом

собрались после неперенной бани все маршрутные пары. Еще один сезон закончился.

Отлучившийся с таинственным видом д'Артаньян появился с рыболовным сачком, в котором, поблескивая стеклом с каплями воды, лежали четыре бутылки «Столичной»!

Сидевший на скамье с краю незнакомый мне высокий плотный человек с ассирийской бородой и в очках прогудел: «Присоединяюсь!» — и принес из палатки бутылку армянского коньяка «Три звездочки».

— Как говорят у нас в Азии — алаверды! — И завхоз бережно поставил на стол коньяк «Двин».

Беседа затянулась далеко за полночь. За столом я узнал, что человек с ассирийской бородой — уже известный ученый Кирилл Владимирович Симаков, прилетевший на неделю проверить некоторые положения своей докторской диссертации. Завтра вертолет должен был его забрать.

Проснулся я под утро от двух не вполне трезвых голосов, старающихся перекричать друг друга. Выглянув из палатки, увидел почти касающихся лбами Симакова и завхоза, о чем-то ожесточенно споривших и поминутно ворошивших груды бумаг на столе.

Часов в одиннадцать утра прилетел вертолет, и, тепло простившись со всеми, Симаков улетел. Улучив момент, я спросил завхоза, о чем они до утра спорили.

— Да не прав он по разрезу триаса* здесь. Ну я его под конец добил аргументами, и согласился он со мною, а куда деваться-то, против фактов не попрешь! — весело рассмеялся он.

— Так вы что, доктора наук по геологии переспорили? — с трудом выговорил я.

После вчерашнего застолья кто-то с бисеринками пота на лбу хлебал уху с налимьими печенками, другие отпивались ягодными настоями и травяным чаем.

Благолепие было нарушено утробными криками: «Люди! Люди!» — и из высокого куста ольхи с шумом вывалился... Кирилл Владимирович Симаков! Но в каком виде!

Неимоверно грязный от налипшей болотной жижи, стекающей по брюкам; в очках одного стекла не было, а другое было залеплено грязью, борода торчала куском темно-бурой тины.

Возле стола последние силы покинули его, глаза закатились, рот беззвучно открывался и закрывался... Большой глоток спирта из мензурки, принесенной д'Артаньяном, привел его в чувство, и, оглядев всех уже осмысленным взглядом, он прохрипел: «Вертолет в болото упал...»

Выслушав его сбивчивый рассказ, поминутно прерываемый явно несвоиственными его речи междометиями и непарламентскими выражениями, мы поняли, что пилоты увидели крупного быка-лося, решили его подстрелить, зацепились хвостом за дерево и упали в болото. И что все живы, без повреждений.

Судя по лицам окружающих, дело было — серьезнее некуда, а до сеанса радиосвязи оставалось чуть больше полутора часов. И тут неожиданно для всех раздался уверенный и спокойный голос завхоза.

* Триас — первый геологический период мезозойской эры.

Его рубленные, четкие (казалось, выверенные заранее) фразы складывались в, конечно, спорную, но, как ни странно, единственно приемлемую версию, или, другими словами, легенду, событий.

— Времени для разговоров, я уже понял, у нас нет, а значит — делаем так. Борода, иди топи баню.

По версии завхоза, Кириллыча (так он называл Симакова после ночи, прошедшей в спорах) в вертолете не было. Вертолет полетел вместе с Женей вывозить студента, подвернувшего ногу при выходе на базу. «Ногу тебе, Вовчик, забинтуем завтра. Объяснение причины аварийной посадки следователю беру на себя».

Сейчас надо летунов с ружьями на базу вывести и сообщить об аварии по связи.

— Дождь с вечера и на завтра будет, — вынув беломорину изо рта, как всегда, благодушно пробасил Борода. — Я никогда не ошибаюсь, всю жизнь вот...

— Там это... — подал голос Кириллыч. — Бык этот сохатый в озерке лежит, рядом с вертолетом!

На миг наступила мертвая тишина.

— И что теперь? — растерянно спросил Женька.

— Так что, ийти надо! — убитым голосом ответил Кириллыч.

— Тогда выходим, все ножи, топор и рюкзаки старые, которые не жалко выбросить, берем с собой! — уверенно произнес завхоз. — Вам, Евгений Федорович, нужно остаться — выйти на связь и все сказать, как договорились! Далеко идти? Кириллыч? Далеко, я спрашиваю?

— Да, ийти надо! Километра три, может, чуть больше... — будто очнувшись, неуверенно откликнулся тот.

Ийти оказалось километров пять, не меньше, по болотистой кочковатой долине. Вертолет мы опознали издалека — по косо торчащему хвосту с обрубленным винтом.

— Это уметь надо! — присвистнул Женька. — На сто метров вокруг — единственное дерево, и именно за него зацепиться!

Метрах в пятидесяти от вертолета среди небольшого озера торчали огромные лопатообразные рога!..

Тщательно зарыв в мох останки лося, поздно вечером, уже по темноте, груженные мясом, мы приплелись на базу.

Вопреки «стопроцентным» прогнозам Бороды, погода выдалась на редкость солнечная, и вертолет с комиссией прилетел даже раньше, чем мы его ждали. Среди летных чинов в новых и потертых кожаных куртках белой вороной выделялся молодой человек в строгом темно-сером костюме с блестящим университетским значком на лацкане.

— Следователь Ухтомцев! — коротко отрекомендовался он, не подавая руки, словно обозначив дистанцию. — Итак, приступим! Попрошу всех по очереди подходить к столу.

И он достал из портфеля внушительную кожаную папку. Надо сказать, что легенда, заученная всеми, выглядела достоверно, как и моя забинтованная нога и умело вырезанный завхозом костыль.

Закончив дотошный допрос всех без исключения, следователь коротко скомандовал:

— Летим на место происшествия!

Через час комиссия вернулась. Брюки следователя и рукава пиджака представляли собой грязно-бурые тряпки, издававшие сильный запах болотной тины.

— В Шерлока Холмса играет, раза три лупу и рулетку доставал! — прошептал сидевший возле меня пилот.

— А теперь повторите еще раз, гражданин Грязнов, — обратился следователь к пилоту. — Что явилось причиной для попытки совершить незапланированную посадку, повлекшую за собой крушение воздушного судна с риском для жизни вверенных вам пассажиров?

— Еще раз повторяю, что я увидел на болоте, далеко от базы, человека, махавшего чем-то белым, и решил снизиться, но из-за резкого порыва ветра зацепил хвостом лиственницу.

— Хорошо, а вы, гражданин Пожарский, утверждаете, что это вы находились в этот момент в указанном пилотом месте и махали белой шляпой, именуемой в протоколе накомарником?

— Именно так все и было!

— А теперь самое главное — что вы делали на болоте, да еще... — он заглянул в папку, — в 5350 метрах от базы?!

— Так у меня гуси там, я еще с лета крылышки им подрезал и что-то вроде фермы сделал, они по осени-то жирка набирают — полезный он очень, рекомендую, если не знаете.

— Гуси?.. Какие еще гуси? — растерянно захопал глазами следователь. — Я никаких гусей не видел! А вы, товарищи?

— Так вы, гражданин следователь, еще бы на танке к ним подъехали... Гусь — он птица нежная, шума не любит и обхождения с собой особого требует.

— Да-а, гуси... это новый поворот в следствии... — глубокомысленно при общем молчании произнес следователь и захопнул папку.

Еще через час вертолет улетел, увозя пилотов и Кириллыча. Едва затих шум винтов, д'Артаньян шумно выдохнул:

— Давай, Александр Михайлович, прояви все таланты — жарь, парь, туши мясо, котлеты делай, по такому случаю НЗ не грех употребить!

— Ну, давайте за гусей, что ли... — был его первый тост за столом, заставленным отменно приготовленными мясными блюдами.

Проснулись все утром от почти нечеловеческого крика, в котором никто бы не распознал голос обычно сдержанного д'Артаньяна!

— Убью! Всех перестреляю, всех! И пусть судят! Убью! Ах, сволочи!

Стоя возле палатки, он щелкал затвором пустого карабина в сторону ручья. На другой его стороне стояли... наши лошади, весело и дружно помахая хвостами, отгоняя насекомых с заметно округлившихся, лоснящихся на солнце боков. Все шесть лошадей, которых нам так не хватало весь долгий сезон.

Через неделю мы были уже на базе экспедиции.

Финал

Завхоз сошел с самолета самый первый, сославшись на необходимость в туалете. Никто не обратил внимания, что уже не раз упомянутый фибровый чемодан он прихватил с собой. Больше его никто не видел. Выражаясь языком бульварно-авантюрного романа, он «возник из ниоткуда и ушел в никуда».

Прощаясь, д'Артаньян протянул мне конверт с надписью «Володе» и, еще раз пожав руку, быстро пошел к зданию аэропорта. В конверте были деньги — 224 рубля 38 копеек и короткая записка: «Уверен — ты выберешь правильную дорогу! Завхоз».

Это была его зарплата за сезон.

Вместо эпилога

И вот — общежитие, радостно-возбужденные лица однокурсников, наперебой рассказывающих о рыбалке, медведях, студентках... Но почему вдруг я (заядлый рыбак и охотник) слушаю это отстраненно, кивая невпопад и нехотая улыбаясь (хорошо, что этого никто не замечает)? А я думаю о людях, общение с которыми изменило меня, и о том, что прежним я уже не буду никогда. И мне почему-то не хотелось сейчас рассказывать об этом друзьям...

Володя ЗЛОБИН

КРАПЧАТАЯ СТРАНИЦА: МУХОМОР В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В одном из первых номеров советского журнала «Мурзилка» помещен следующий рисунок: из леса выходит гурьба очеловеченных мухоморов, распевających нехитрую песенку: «Мы идем, мы идем, всех буржуев изведем»¹. Со шляпками, надвинутыми, как картуз, мухоморы напоминают лесной пролетариат на стачке. Красный гриб не мог быть не замечен большевиками, но в союзе этом нечто большее, чем только цвет и опасность.

* * *

В городское пространство России мухомор попадает на стыке XIX—XX вв. через рождественские открытки из Германии, где красный гриб считался символом новогодней удачи. Причины омухоморивания праздника до сих пор не ясны — существуют как языковые гипотезы, указывающие на дрейф немецкого слова *Glückspilz* (счастливчик) от отрицательного значения (высочка, парвеню) к синонимичному с *Glückskind* (счастливый ребенок)², так и прямолинейные цветовые или мифологические толкования: на тех же открытках можно встретить контрастную божью коровку или заметить связь между севером, копытными, елью и мухоморными одеждами немецкого Вайнахтсмана.

В любом случае *Amanita muscaria*³ появился в России именно как наглядность: натуралистичные «Мухоморы» Ивана Шишкина стояли в стороне вплоть до начала эпохи ар-нуво, в которой проросли россыпи мухоморов Ивана Билибина. Его ученик Георгий Нарбут сделал мухомор участником народной сказки «Война грибов»: «Вы вставайте, Мухоморы, / Покидайте темны

---

¹ Мурзилка. 1924, № 6.

² Der Fliegenpilz als Glückspilz — seit wann eigentlich? // Tintling. 1997, № 7. — S. 28. Первая известная мухоморная открытка датируется 1899 годом.

³ Латинское наименование мухомора красного. Ни сам он, ни содержащиеся в нем энтеогенные вещества не являются запрещенными. Слово «энтеогенный», то есть «богоисходящий», применяется в тексте вместо характерно окрашенных терминов «психоделик», «наркотик» или «галлюциноген» и подразумевает растительное вещество, используемое в ритуальных практиках для достижения измененного состояния сознания.

боры, / Вам пора вставать, / На войну воевать! / Отказались Мухоморы: / — Деревенские мы воры»⁴. В более поздней сытинской печати мухоморы отказываются идти на войну в связи с карьерным ростом в сенаторы⁵. Только советской власти удалось подчинить мухоморы и отправить их на войну лекарями⁶. Интересно, что в самом первом издании «Войны грибов» (1889) с рисунками Е. Д. Поленовой мухоморы являются лишь декоративным элементом, как нет их и в записанном Владимиром Далем оригинале⁷. В его же сборнике русских пословиц встречается единственное и странное: «Семеро Грузин мухоморов объелись»⁸.

Из живописи мухомор проникает в детскую литературу. Евгений Шведер пишет сказку «Мухомор красавец»⁹, где кичливый гриб расплачивается за гордыню потерянной шляпкой. В другой дореволюционной истории мухомор также «сознавал свою красоту и ждал, чтобы все смотрели на него и любовались им»¹⁰. Игорь Северянин делает прифрантившийся мухомор объектом «насмешек и умор». Окончательно закрепили сюжет поэты Сергей Михалков в басне «Грибы» (1967) и Михаил Пляцковский в звукосказке «Мухомор» (1985). Так за мухомором в детской литературе и повелось — гриб-красавец на своем примере показывает, как важно не задаваться. Исключения немногочисленны, вроде повести новосибирской писательницы Светланы Никитиной, где мухоморы наказывают пинающих их хулиганов, дабы сие послужило «хорошим уроком не только этим разбойникам, но и всему человеческому роду»¹¹.

Но почему, собственно, мухомор?

Amanita muscaria растет везде, кроме Антарктиды, почти на любых почвах и в самой смелой хвойно-лиственной микоризе. Мухомор повсеместен, необычен, еще в детстве первым бросается в глаза. Михаил Пришвин определял мухомор как «красоту без добра»¹², и общее представление о грибе до сих пор сводится к чистой эстетической функции, взламывающей привычное. Кровь с молоком, белая ангельская плоть и багрянец — не просто редкое природное сочетание, а сигнальное, какое-то даже откровенное. В промоченном осеннем лесу, где так влажен опад, мухомор не дает пространству распасться, крепит его к земле. Это связующий гриб, указывающий вовне. Молодой, он как чистенькое яичко, а в старости мудрый, с разлохмаченными, как у зачитанной книжки, краями. В букварях и на детских площадках, на стенах больниц и продленки — мухомор встречает ребенка узнаваемой грибной азбукой.

⁴ Нарбут Г. И. Война грибов. — Издание И. Кнебель, 1909. — 16 с.

⁵ Грибы: Рус. нар. песня / Рис. А. В. Неручева. — М., Т-во И. Д. Сытина, 1916. — 16 с. Примечательно, что книжка с антивоенным уклоном вышла в разгар Первой мировой войны.

⁶ Лебедев А. И. Война грибов. — Издание автора, 1926. — 16 с.

⁷ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Выпуск IV. Издание 2-е, К. Солдатенкова и Н. Щепкина. — М., 1860. — С. 107. Собрано еще шесть русских вариантов сказки. Художница Елена Поленова вспоминала, что услышала сказку от бабушки «с вариантом об волнушечьем монастыре, которого я потом нигде не встречала». В более просторном варианте В. Даля грибы воюют с ягодами. См.: Первая первинка полуграмотной внучке: Сказки, песенки, игры / Переск. В. И. Далем. — М., Тип. Т. Рис, 1870. — С. 14—16.

⁸ Даль В. Пословицы русского народа. — Издание второе, без перемен. Том I, 1879. — С. 435.

⁹ Мухомор красавец // Зорька. 1907, № 10. — С. 49—50. Отдельное издание состоялось в 1912 г.

¹⁰ Смирнова Е. В царстве папоротника. — С.-Петербург, М., Т-во М. О. Вольф, 1912. — 52 с.

¹¹ Никитина С. М. Путешествие в царство Базидии. Научно-популярная повесть-сказка. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1992. — 160 с.

¹² Пришвин М. М. Дневники. 1944—1945. — М.: Новый Хронограф, 2013. — С. 543.

Почтила мухомор и классическая русская литература. В бунинских «Косцах» (1921) барин присаживается к костру рязанских батраков: «И вдруг, приглядевшись, я с ужасом увидел, что то, что ели они, были страшные своим дурманом грибы-мухоморы. А они только засмеялись:

— Ничего, они сладкие, чистая курятина!»¹³

Мухомор придает работникам бодрость, они без усталости окашивают лес в той сцепке с природой, утрату которой Бунин так ясно переживал в Париже. Крестьянство в рассказе еще не отделено от земли, нет ни пролетариата, ни пасынков, и из незакрепощенной груди льется древняя свободная песня. Бунин услышал ее проездом из Саратова в Москву и по каким-то невыясненным причинам соотнес крестьянский распев с мухомором. Прелесть «Косцов» не столько в утраченной пасторальной России, а в истинной грибной многослойности, когда мухомор связывает разрозненный русский мир воедино: подпочву с травой, крестьян с землей, барина с крестьянами, народ с Россией, Россию с эмиграцией — и все это на тонком нитчатом мухоморе, шаманской космогонии из чугуна.

Мухомор волновал и еще одного парижского эмигранта, Георгия Иванова. Тоска о невозможности возвращения сходна с тоской о детстве, а значит, с одним из первых его впечатлений — мухомором:

Здесь в лесах даже розы цветут,
Даже пальмы растут — вот умора!
Но как странно — во Франции, тут,
Я нигде не встречал мухомора.

Может быть, просто климат не тот —
Мало сосен, березок, болотца...
Ну, а может быть, он не растет,
Потому что ему не растется

С той поры, с той далекой поры —
... Чахлый ельник, Балтийское море,
Тишина, пустота, комары,
Чья-то кровь на кривом мухоморе...

Хотя мухомор был знаком русским с давних пор, задокументированные случаи его употребления относятся только к первой половине XVIII столетия. В немецкоязычной работе Филиппа Юхана фон Страленберга описан русско-корякский обмен мухоморов на шкуры белок, лис, горностаев и соболей¹⁴. Несколько позже Георг Стеллер подтвердил, что, хотя завезенная водка постепенно вытесняет мухоморы среди местного населения, «коряки и юкагиры еще

¹³ Вполне возможно, что крестьяне ели не энтеогенный *Amanita muscaria*, а безвредный деликатесный мухомор серо-розовый *Amanita rubescens*, который по вкусу действительно напоминает курицу. На это косвенно указывает то, что крестьяне «ложками таскали из чугуна куски чего-то розового», т. е. потрешенная мякоть *Amanita rubescens* всегда розовеет. Такой мухомор употребляет в пищу славянское крестьянство Европы. Вопреки предубеждениям, *Amanita muscaria* также можно употреблять в пищу: достаточно дважды отварить его по десять минут со сливом отвара, а затем протушить или пожарить. Смертельная доза содержащегося в мухоморе алкалоида мускарин составляет 0,5 грамм при его доле в грибе ок. 0,0002, следовательно, насмерть отравиться можно, съев 2,5 кг сырых мухоморов. Для сравнения: среднестатистический человек умрет, если съест 2,24 кг сахара, 1,5 кг миндаля или 250 грамм обычной пищевой соли.

¹⁴ Stralenberg P. J. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Tabula Poliglota. — Stockholm, 1730. — S. 389.

более падки на эту пищу и настолько любят ее, что повсюду скупают мухоморы у русских»¹⁵. Американский путешественник Джон Кеннан утверждал, что, вопреки противодействию властей, мухоморная торговля процветала и во второй половине XIX столетия: «Мне самому довелось видеть, как за один такой гриб коряжки давали по крайней мере долларов на двадцать ценных шкур»¹⁶. Наряду со «спиртными напитками, опиумом, гашишем, кокаином» от новоиспеченной советской власти требовали бороться и с «сушеным мухомором»¹⁷. Этим же ранее занимались православные миссионеры¹⁸. Возможно, русские познакомились с употреблением мухомора еще раньше и ближе, через удмуртов, у которых, по предположению Даля, мухомор служил порошковой добавкой при варке пива¹⁹. В качестве инсектицида мухомор был предметом крестьянской торговли еще в немецких землях XVI столетия²⁰, а у венгров мухомор (*bolondgomba*, то есть «гриб безумия») использовался в ритуалах колдовства²¹. Но первые свидетельства о столкновении русских с мухоморами приходят только с Камчатки: «Служивому Василию Пашкову, которой часто в Верхнем Камчатском и в Большерецком на заказе бывал, велел мухомор у себя яйца раздавить, которой, послушав его, дни в три и умер»²².

Как тут не вспомнить, что, когда Карл Линней создавал свою знаменитую классификацию, поначалу он определил грибы в группу «хаос»²³. К слову, именно ученик Линнея, шведский богослов Самуэль Одманн в 1784 году как раз на сибирском материале создал популярный миф об употреблении берсерками мухоморов. *Amanita muscaria* и дальше продолжал соотноситься с чем-то хтоническим: «К примеру, в “Русском враче” № 46 за 1915 год промелькнула заметка военного врача Т. Ф. Белугина о солдатах-призывниках, которые отварили мухоморы, съели, впали в эйфорию, пели, веселились, часто повторяя: “Все равно умру. Обязательно умру”»²⁴.

Страх перед мухомором есть часть большого страха перед грибами — весьма юной едой человечества²⁵. Страх этот небезоснователен, ведь и «съедобные грибы — это грибы, ядовитые в наименьшей степени»²⁶. При этом в мире грибов властвует не какое-то объективное значение ядовитости, а, скорее, сила

¹⁵ Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. — Bonn: Holos Verlag, 1996. — S. 66.

¹⁶ Кеннан Д. Кочевая жизнь в Сибири. — С.-Петербург, Издание книгопродавца С. В. Звонарева, 1872. — С. 157.

¹⁷ Богораз В. Г. Предложения к вопросу «об изучении и охране окраинных народов» // Жизнь национальностей. Книги 3—4, 1923. — С. 179.

¹⁸ 1-й Камчатский миссионерский съезд // Владивостокские епархиальные ведомости. 1914, № 23. — С. 379. Святитель РПЦ митрополит Московский Иннокентий также выступал с речами против мухомора.

¹⁹ Толковый словарь живого великорусского языка / Соч. Владимира Даля. Т. 2, И—О, 1881. — С. 321.

²⁰ Clusius C. Rariorum plantarum historia. — Antverpiae: ex officina Plantiniana, apud Joannem Moretum, 1601. — P. CCLXXX.

²¹ Хоппал М. Следы шаманизма в венгерских народных верованиях // Шаманизм и ранние религиозные представления. К 90-летию доктора исторических наук, профессора Л. П. Потапова. Сборник статей. — М., 1995. — С. 255—266.

²² Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. — М., Л., Изд. Главсевморпути, 1949. — С. 694—695.

²³ Лонг Л. В. Путь через лес. О грибах и скорби. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. — С. 20.

²⁴ Калачев Б. Ф. Кокаин был проклятием нашей молодости. Наркотики в окопах и в тылу Первой мировой // Медицина. 1914, № 2. — С. 52.

²⁵ До недавнего времени считалось, что человечество начало употреблять грибы в пищу только в энеолите (3—4 тыс. л. до н. э.), но в зубном камне останков из пещеры Эль-Мирон (Испания) обнаружены следы грибов семейства Болетовых (ок. 19 тыс. л. назад).

²⁶ Хофрихтер Р. Таинственная жизнь грибов. Удивительные чудеса скрытого от глаз мира. — М., Азбука-Аттикус, 2019. — С. 95.

привычки, первого впечатления и традиции, когда категория «ядовитый» объединяет и безобидный черный груздь, названный млечным убийцей (*Lactarius pescator*), и шампиньон желтокожий (*Agaricus xanthodermus*), способный вызвать лишь желудочное отравление, и настоящих убийц, которые прикончат едока, как бледная поганка (*Amanita phalloides*) или принимаемая за опенок галерина окаймленная (*Galerina marginata*). Красный мухомор, на счету которого нет доказанных интоксикационных смертей, воспринимается куда более опасным, чем часто собираемые, но воистину злокозненные свинушки тонкие (*Rhizillus involutus*) или путаемая с майской рядовкой волоконница краснеющая (*Inocybe erubescens*)²⁷. Это не говоря уже об обычном арахисе, ежегодно губящем десятки людей в одних только США.

Страх перед разложением, страх перед отличием, страх перед неизвестным — все это страх перед грибами, не признающими концептуальные границы собственных и чужих тел²⁸. Грибы страшат тайной происхождения, нечистотой, ядовитостью, быстрым ростом, поглощением биомассы, многовидностью, таинственной морфологией. Исторически в западной культуре к грибам сложилось отрицательное отношение²⁹, лучшие образцы которого можно найти в произведениях Говарда Лавкрафта и Томаса Лиготти. В Норвегии такое отношение к грибам было характерно даже в голодные годы войны: «Лучше на одной картопле сидеть, чем жевать коровий корм»³⁰. В популярном грибном справочнике США 30-х гг. XX в. говорилось, что, за исключением приезжих из России и с юга Европы, среднестатистический американец «приходит в такой смертельный ужас от дикорастущих грибов, что ничто не может заставить его съесть хоть один»³¹.

Мухомору же и вовсе не повезло. Философ Альберт Великий, первым после античных авторов описавший мухомор, сравнил его кожуру с главным страхом Средневековья — кожей больных проказой³². Образ мухомора часто

²⁷ Концентрация мускарина в волоконнице в 20—25 раз больше, чем в мухоморе (то есть ее смертельная доза 125—150 г.). Исторические споры вокруг употребления и смертельности мухомора можно посмотреть в: Rubel W. D., Arora D. A Study of Cultural Bias in Field Guide Determinations of Mushroom Edibility Using the Iconic Mushroom, *Amanita Muscaria*, as an Example // *Economic Botany*. 2008, vol. 62, № 3. — P. 223—243. Единственная разобранная смерть от *Amanita muscaria* связана с отравлением в 1897 году графа Ахилла де Векки, итальянского дипломата в США, умершего, предположительно, после употребления в пищу двадцати мухоморов (граф весил более 300 фунтов и любил поесть). Среди *Amanita muscaria* мог затесаться опасный гриб, т. к. граф, лично отбиравший грибы на рынке, был дальтоником и мог перепутать поганку с деликатесным мухомором. См.: Rose D. W. The Poisoning of Count Achilles de Vecchj and the Origins of American Amateur Mycology // *McIlvainea*. 2006, 16 (1). — P. 37—55. Другие летальные исходы от мухомора еще более газетны и сродни расхожим уверениям того времени, что запахом красного мухомора была убита собака, к носу которой был поднесен этот гриб.

²⁸ Вудард Б. Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни. — Пермь, Гиле Пресс, 2016. — С. 54. Если упрощать, Северо-Западная Европа традиционна микофобна, тогда как Юго-Восточная гриболюбива.

²⁹ Обобщающий труд на тему: Rolfe R. T., Rolfe F. W. *The Romance of the Fungus World*. — London, Chapman & Hall LTD, 1925. — 309 p.

³⁰ Лонг Л. В. Путь через лес... С. 101. Напротив, существуют свидетельства, что в военный голод в России грибы (даже мухоморы) шли в пищу: «А. А. Соболев (1938 г. р.), в прошлом житель Севера, ныне — Москвы, рассказывал, что из-за голода во время Второй мировой войны стал есть похлебку из красных мухоморов, готовя ее, как обычный грибной суп, без особой обработки». См. Диксон О. Мистерии мухомора. — *Tremedia*, 2021. — С. 31.

³¹ Krieger L. C. *The Mushroom Handbook*. — New York, Macmillan. (Reprinted in 1967 by Dover Publications, New York.) — P. 113. Якобы в Сибири встречаются деревни, полные «отравленных обезумевших людей, бегающих с обнаженными ножами и в напускном бесстрашии подвергающих товарщицей опасности». Дословно: «intoxicated people running amok with drawn knives and false courage endanger[ing] the lives of their fellows».

³² Albertus Magnus. *De Vegetabilibus*. — Berolini, Typis et impensis Georgh Reimeri, 1867. — S. 137.

соотносился с воображаемыми противниками. В годы первой русской революции либеральная печать изобразила Константина Победоносцева в качестве цензурного мухомора³³. Поэт Демьян Бедный порадовался, что от храма Христа Спасителя осталась груда «мусора и кирпичей», а значит, «мухомор не мозолит нам больше очей». В нацистской пропаганде мухоморы оказались уподоблены евреям³⁴. В зарубежных справочниках XX в. мухомор нередко считался каким-то жутким русским грибом, повинным как в отравлении солдат Наполеона, так и в смерти некоего «царя Алексия»³⁵. Такой подход отразился и на западной литературе. В рассказе Уэлса «The Purple Pileus» мухомор превращает бережливого лавочника в бестию, неожиданным образом поправившую свое положение за счет «демона грибного яда». Мухомор сопровождает роман Гюнтера Грасса «Камбала» и, будучи приготовленным по «старому сибирскому рецепту», приводит к массовому помешательству на пиру. Неуточненный mushroom, уменьшающий или увеличивающий Алису в Стране чудес, по своему действию также напоминает мухомор³⁶.

Иное дело любовь к отеческим грибам. В далеком 1927 году новоиспеченные супруги Роберт и Валентина Уоссоны прогуливались в горной местности штата Нью-Йорк. Будучи русской, Валентина Павловна бросилась собирать грибы, чем сильно напугала мужа. Он наотрез отказался есть дары леса и посчитал, что утром проснется вдовцом: «Как и все добропорядочные англосаксы, я ничего не знал о мире грибов и чувствовал, что чем меньше я знаю об эти гнилостных коварных созданиях, тем лучше»³⁷. Так лисички Валентины Павловны стали началом этномикологической деятельности четы Уоссонов, исследовавших «социокультурные связи» народов с грибами.

Именно Уоссон в 50-х гг. XX в. первым причастился к древним грибным культам Мексики, в ходе ритуала испробовав *Psilocybe mexicana*, чем запустил к энтеогенному роду *Psilocybe* волну праздного интереса. И хотя Уоссон сокрушался, что зря открыл для «riff raff» (отбросов) священные грибы, все же приятно и неожиданно знать, что у истоков психоделической революции 1960-х, повлиявшей на мировую культуру, стояли не только писатель Олдос Хаксли и химик-литератор Альберт Хофман, но и русская эмигрантка Валентина Павловна Геркен, просто решившая собрать лисичек.

В ходе своих исследований Уоссоны условно разделили все народы на микофобные и микофильные, считая русских даже не гриболюбивым, а самым грибоодержимым («micolatrous») народом планеты³⁸, тогда как многие другие общества грибов попросту сторонятся. Показательна легенда о возникновении грибов, записанная у енисейских остяков. Согласно ей, в лесах когда-то росли «фаллосы», которыми пользовались женщины. Мужчин в мире не было вовсе. Когда же мужчина все-таки появился, дабы помочь женщинам выдернуть

³³ Вездесущие и всеведущие мухоморы // Юмористический альманах. 1906, выпуск XXVI, № 60. — 16 с.

³⁴ Hiemer E. Der Giftpilz. — Nürnberg, Stürmer-Verlag, 1938. — 56 s. «Поганка» напоминает *Amanita phalloides*.

³⁵ Marshall N. L. The Mushroom Book. — New York: Doubleday, Page and Company, 1905. — P. 49. Дословно: «It caused the death of the Czar Alexis of Russia...». Терпимое отношение к мухомору можно увидеть в Южной Европе, где исторически собирался мухомор цезарский и серо-розовый.

³⁶ Дьяков Ю. Т. Занимательная микология. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — С. 8.

³⁷ Wasson R. G. Seeking the Magic Mushroom // Life magazine. 1957, May 13. — P. 113.

³⁸ Wasson V. P., Wasson R. G. Mushrooms, Russia and History. — New York, Pantheon books, 1957. Vol. 2. — P. 336.

фаллос из земли, тот прирос у него к причинному месту: «Наевшись и собравшись уходить, мужик взял было фаллос в руки, но оказалось, что тот прирос. Бабы еще больше обрадовались и оставили мужика у себя. А фаллосы в лесу захирели, стали грибами; русские их кушают»³⁹.

В русской кухне простейшие грибные кушанья присутствуют со второй половины XVI в.⁴⁰, а уже в конце XVII в. монастырское меню насчитывает пару десятков грибных блюд⁴¹. Их разнообразие определил православный календарь, предписывающий поститься около двухсот дней в году. Поэтому очень бедная и бесхитростная русская крестьянская кухня, для которой характерно малое употребление дикоросов в пищу, выказывает большое внимание к грибам⁴². Нашлось место и мухомору: на нем настаивали спирт для растирки или томили до состояния масла⁴³.

В отечественной литературе мухомор долго не выходил за пределы орнамента. Он просто деталь, вещь, оскорбление. «Ах ты, мухомор!» — бросает герой Островского, а Бальмонт всего лишь призывает не собирать его. Наряду со смертельными черемухами, пахнет мухомором у Хлебникова. То похвалит мухомор, то назовет «бесполезным красавцем» Пришвин. Поразмывает, зачем люди одурманиваются мухомором, Лев Николаевич Толстой. В «Грибах» (1909) Алексея Толстого мухомор разрывают на части съедобные грибы: «И где мокро осталось, там даже трава завяла с мухоморьего яда». Из-за своей ядовитости гриб оказался востребован как сатирический образ: в Петрограде недолго издавался юмористический журнал «Мухоморы» (1922—1923). Разве что в этнографических произведениях *Amanita muscaria* не воспринимался как что-то плохое. Шаман слизывает размельченный гриб в «Земле Санникова» (1926), а в романе Тана-Богораза «Союз молодых» (1930) полковник Авилов после впечатляющих грибных видений братается духовитой мочой с чукчами. Позже в читательском обиходе появляются сказки народов Севера. Так, одна корякская история повествует о схоронившихся по кустам грибах. Лишь один мухомор остался стоять на пригорке. Пораженные грибы спрашивают, зачем же мухомор стоит у всех на виду, и получают ответ, что он ждет людей, которым покажет жизнь и смерть⁴⁴. В ительменской сказке «Челькутх и девушки-мухоморы» соблазнительные аманиты увлекают отца семейства в лес, где он забывает о родных. Только с наступлением холодов оголодавший Челькутх возвращается к жене. Без него лукавые «девушки-мухоморы засохли и умерли»⁴⁵. Тогда же, в цензурный холод, русские деревенщики попытались защитить мухомор от пинка литературной инерции: Владимир Солоухин

³⁹ Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских остяков. — С.-Петербург, 1914. — С. 9.

⁴⁰ Одно из первых таких упоминаний содержится в рукописи XVI столетия «Книги на весь год, какие на стол яства подавать», позже включенной Сильвестром в «Домострой». См.: Домострой. По рукописям Имп. Публ. б-ки / Под ред. В. Яковлева. — С.-Петербург, Д. Е. Кожевников, 1867. — С. 158.

⁴¹ Расходная книга патриаршего приказа кушаньям подававшимся патриарху Адриану и разного чина лицам с сентября 1698 по август 1699 г. — С.-Петербург, издание И. А. Вахрамеева, 1890. — 447 с.

⁴² Анализ многотомника «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы "Этнографического бюро" князя В. Н. Тенишева», где собраны данные за 1897—1900 гг. о 23 европейских губерниях России, показывает крайнюю пищевую бедность крестьянской кухни (за исключением грибов).

⁴³ Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. — С.-Петербург, 1903. — С. 298—299. Также см.: Кайгородов Д. Собиратель грибов. — С.-Петербург, издание А. С. Суворина, 1898. — С. 54.

⁴⁴ Диксон О. Мистерии мухомора. С. 37.

⁴⁵ Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. — М., «Наука», 1974. — С. 558—560.

в «Третьей охоте» усомнился в его смертельности и признал гриб полезным для зачервленных лосей. Но в букварях так и осталось: «Мама, мухомор. Рома, мусор»⁴⁶. Каждую осень мухомор умирает в лесах за чьи-то невыясненные грехи. Его уничтожают со злобой, с каким-то непонятным остервенением — как призывала в 1990-х поп-группа «На-На» в песне «Мухомор»:

Я за грибами выйду спозаранку,
Утренним лесом часик поброжу,
Если увижу под кустом поганку,
Этот щедрый дар природы я не пощажу.

И правда ведь, существовал и существует на мухомор лихой навет: губят его, сшибают шляпки, топчут, словно победу над каким-то запретом празднуют, над первым взрослым наказом: «Не трогай!» — над отличием, над красотой, над табу, над непознанным... Мухомор пронзителен, как луч на заре. Это гриб для слепых, который не могли не заметить разные религиозные системы. Роберт Уоссон попытался отжать из мухомора индуистскую сому, а филолог Джон Аллегро прославился тем, что откопал под христианством мухоморную грибницу, плодовыми телами которой оказались Христос и апостолы. Концепция шаманского христианства Аллегро не более чем задорная лингвистика⁴⁷, но библиист основывал ее и на действительном историческом материале. Один из таких примеров следует разобрать.

На фреске XIII в. в госпитальерской часовне в Плейнкуре (Франция) изображен змей-искуситель, обвинившийся вокруг раскидистого «мухомора» и протягивающий Еве гриб. Стесняющиеся Адам и Ева прикрывают наготу чем-то шляпчатым. Фотографию фрески в 1910 г. прислали на оценку микологу Жану Будье. Ученый согласился с тем, что на фреске изображен мухомор, предположив, что «художник, не сумев найти дерево, которое принесло бы как хорошие, так и плохие плоды, без сомнения, придумал изобразить его в виде гриба». Миколог также добавил, что положение рук Евы на животе связано не со стеснением, как того предполагает вкушение плода познания, а со страданием от колик, ведь мухомор ядовит⁴⁸. За фреской сохранялось мухоморное толкование вплоть до середины XX в., покуда Роберт Уоссон не обратился за искусствоведческой справкой, которая срубил грибодерево под корень как типичную для романского и раннеготического искусства стилизацию. Средневековые художники почти всегда рисовали не с натуры, а с классических образцов, и потому крапчатое древо лишь типичная для фресок той поры итальянская зонтичная сосна, ветви которой направлены вверх так,

⁴⁶ Жукова Н. С. Букварь: учебное пособие. — М., Эксмо, 2012. — С. 21.

⁴⁷ См. Allegro J. M. *The Sacred Mushroom and the Cross*. — London, Hodder & Stoughton Ltd, 1970. — 381 p. Первые «мухоморные» суждения филолог высказал еще в середине 50-х, а окончательно радикализировался к началу 70-х. Так, Аллегро выводит слово «христианин» от шумерского «измазанный семенем» («smear'd with semen»). См. Allegro J. M. *The Sacred Mushroom and the Cross*. P. 20, 61. Также библиист считал Иоанна Крестителя замаскированным грибом на основании семитского слова («ged-sar»). Критика остроумно понадеялась, что и к имени Аллегро («живчик», еще и «аллегория») когда-нибудь также применят авторский подход, из которого ясно будет, что никакого Джона Аллегро не существовало, а была только метафора бойкого говорящего человека. См.: *Mushrooming comment // Time*. 1970, June 29. — P. 4.

⁴⁸ См. Boudier J. *La fresque de Plaincourault (Indre) // Bulletin de la Société Mycologique de France*. 1911, vol. 27. — P. 32—33.

что после копирования действительно могут напоминать грибную шляпку⁴⁹. Уоссон из-за своего трепетного отношения к христианству никогда не подвергал искусствоведческое заключение критике, хотя совсем рядом с часовней располагается древнее бенедиктинское аббатство Сен-Савен-сюр-Гартамп, славное фресками XI—XII вв., где под сотворенными солнцем и звездами растут «псилоцибиноподобные» грибы и нечто, похожее на итальянскую сосну с загнутыми вверх ветвями (на сей раз без точек). Это не неожиданное открытие: во Франции есть и другие подобные фрески, а в Епископальном музее города Вик (Каталония) можно увидеть еще одно «мухоморное» древо познания в крапинках⁵⁰. Тем не менее значительная часть «энтеогеноподобных» грибов в христианском искусстве — лишь жертвы пристрастного толкования⁵¹. А когда Джон Аллегро провозгласил Христа закамуфлированным мухомором, хотя бы косвенно солидаризоваться с «грибной религией» стало совсем непросто, особенно если учесть, что в небольшом труде Аллегро только производные от пениса и фаллоса упоминаются около двухсот раз. В периодике книгу метко охарактеризовали «эротическим кошмаром семитского филолога»⁵².

Экскурс в достаточно маргинальный спор показывает, насколько навязчивыми являются некоторые мухоморные метафоры и сравнения. Это как лакомые для психологизирования заросли *phallus*, так и энтеогенное буйство, в сущности лишь еще одно дитя эмансипации, желающее перенаправить вектор получаемого откровения снизу вверх. Вся сложность религиозного опыта сужается до дверки, в которую можно проникнуть без стука, просто отомкнув ее грибным ключом. Связками их призывно гремят на рынке, но мухомор — это не ответ, а, скорее, сомнение. Оно не детерминирует, не обязывает. Оно вообще не способно на это. Все равно что объяснять что-то тенью, в которой, как верили крестьяне, самозарождаются грибы. Царство их промежуточно, таинственно, до конца не определено. Из-за своей пограничности грибы с давних пор окутаны мифологическим туманом⁵³.

Один из таких мифов сотворила знаменитая телепередача «Ленин — гриб» Курехина — Шолохова (1991) — по ленинградскому телевидению доказывалось, что большевистский вождь на самом деле был мухомором и радиоволной.

Эта мистификация стала самой важной микоризой русской культуры. О мухоморе начинают говорить в толстых литературных журналах⁵⁴. Ураль-

⁴⁹ Уоссон обратился к знаменитому Эрвину Панофски еще в 1952 году. Расширенная версия комментария приведена в Wasson R. G. *Soma: Divine Mushroom of Immortality*. — 1968. — P. 178—179.

⁵⁰ Наиболее полный и корректный анализ представлен в статье Samorini G. *New Data from the Ethnomycology of Psychoactive Mushrooms // International Journal of Medicinal Mushrooms*. 2001, vol. 3. — P. 257—278.

⁵¹ Например, «грибы» Великого Кентерберийского псалтыря (его «энтеогенная» часть, созданная на переломе XII—XIII вв., постоянно приводится в «сенсационного» рода литературе вроде Brown J. B., Brown J. M. *The Psychedelic Gospels: The Secret History of Hallucinogens in Christianity*. — Park Street Press, 2016. — 288 p.) на проверку оказываются обычными стилизованными деревьями. Ведь те же самые шляпчатые древа Эдема растут и на грешной земле после изгнания Адама и Евы! В других иллюминированных рукописях (см. folio 8r, 11r, 12v, 13r, 16v, 18r, 21r, 61v, 67v, 93v и др. Абердинского bestiaria XII в.) снова обнаруживаются красно-крапчатые деревья, «мухоморная» часть которых (folio 21v, 24r, 65r) совмещена с цветками и листьями (на folio 77v отмечено, что подобные грибовидные изображения являются деревьями). Или же «мухомор» на лбу зеленого человека в Росслинской часовне (Шотландия, XV в.), на деле дюжинный трилистник — типичный лиственный орнамент для того рода изображений.

⁵² Religion: Jesus as Mushroom // Time. 1970, June 8.

⁵³ Топоров В. Н. Семантика мифологических представлений о грибах // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. — Т. 1. — М., Языки славянской культуры, 2004. — С. 757.

⁵⁴ Поскребышев О. Среди людей // Урал. 1991, № 7. — С. 120.

ский поэт Александр Вербников, любивший вкусить мухомор⁵⁵ и настоявший на нем свою лирику, выпускает о грибе передовую художественную работу⁵⁶. Корякский поэт Юрий Алотов признается, что использует мухомор «для усиления интуиции и творческого вдохновения»⁵⁷. Запрос 90-х на новую духовность породил «шаманскую» литературу, в которой мухомор стал еще одним расширителем сознания. Но, вопреки распространенному мнению о шаманской предназначенности мухомора, его употребление среди некоторых северных народов (ханты, кеты, ительмены и др.) свойственно и простым людям, тогда как шаманы вполне могли использовать другие энтеогенные растения — коноплю, багульник, можжевельник, корень женьшеня, полынь и пр. Мухомор — это мирской гриб, «шаман для всех»⁵⁸, а кому его не хватало, пользовались своей, чужой или оленьей мочой, в которой не расщепляются кружащие вещества мухомора. Мирча Элиаде считал наркотическое опьянение деградацией шаманского культа, легким путем «достижения мистического экстаза или какого-либо иного решающего переживания»⁵⁹, но работа классика вышла до открытия как мухоморных петроглифов на уступах чукотской реки Пегтымель (1 тыс. л. до н. э.), так и грибной живописи в североафриканском Тассилин-Аджер (ок. 7 тыс. л. до н. э.). По ряду подсчетов, красный мухомор употреблялся на северо-востоке Азии еще с конца III тысячелетия до н. э.⁶⁰

На столь удобренной почве в 1999 г. одновременно всходят первый том «Мифогенной любви каст» Пепперштейна — Ануфриева и знаменитое «Generation П». Если парторг Дунаев давит фашистов еще псилоцибиновым коlobком, Пелевин в своем романе впервые задействует *Amanita muscaria* как героя. Мухомор рассказывает Владлену Татарскому о связи грибов и культа Иштар, открывая рекламщику древние аккадские тайны. Татарский видит ярко-белую сферу своего ума, в которой протянулись волоконца чувств: «“Значит, никакой смерти нет, — с радостью подумал Татарский. — Почему? Да потому, что ниточки исчезают, но шарик-то остается!”»

Среди знатоков возникли споры о подлинности мухоморных переживаний Татарского, хотя спор лишен оснований, так как мухомор, в отличие от тех же псилоцибинов⁶¹, действует на человека совершенно непредсказуемо. Причины этой непредсказуемости в общем виде сводятся к культурно-психологическим объяснениям: «Красный мухомор обладает именно такой степенью воздействия, какую допускает для себя его употребляющий. Зажатый человек обычно не испытывает ничего или желудочные боли, веселый смеется, пессимист предается унынию, у слабого возникает страх, а у склонного к преступной деятельности возможны вспышки дикой агрессии»⁶². Выстроенные этногра-

⁵⁵ Борис Рыжий. «...не может быть и речи о памятнике в полный рост...» Роттердамский дневник // Знамя. 2003, № 3. — С. 136.

⁵⁶ Вербников А. Дедушка Мухомор и мальчик Бананан, или Грибники-шкурники. — 1996. — 44 с.

⁵⁷ Батянова Е. П., Бронштейн М. М. Мухомор в быту, верованиях, обрядах, искусстве народов Севера // Сибирские исторические исследования. 2016, № 1. — С. 48—49.

⁵⁸ Симченко Ю. Обычная шаманская жизнь // Российский этнограф. — М., Центр прикладной этнографии Института этнологии и антропологии РАН, 1993. — С. 34.

⁵⁹ Элиаде М. Шаманизм и архаические техники экстаза. — М., Ладомир, 2015. — С. 321.

⁶⁰ Шаповалов А. В. Магический гриб мухомор: к вопросу об использовании психотропных средств в шаманской практике. — Новосибирск, 2001.

⁶¹ В отечественной литературе этот род грибов представлен в: Djonpu. Сказки темного леса. — Mushroom Elves Press, 2007. — 452 с.

⁶² Диксон О. Указ. соч. С. 40.

фами схемы мухоморного опьянения⁶³, работающие как для коренного населения, так и для моделей традиционной культуры, зачастую незначимы для европейцев, употребляющих мухомор вне регламентирующего их ритуала. Так на сцену, помимо объективной нейрехимии, выходит различие в культурных стандартах, обуславливающих картину энтеогенного эффекта⁶⁴. Важность культурной прошивки отмечали еще православные миссионеры: «Между прочим, многие коряки и Евъятгим рассказывали мне, что они во время этих сеансов и после принятия мухоморов видят иногда и русского светлого Бога, так что даже глаза не выносят такого света; а иногда видят светлого русского старичка, по описанию наружности похожего на св. Николая, а один коряк, даже зайдя за мной в церковь и увидев большую икону на холсте Св. Николая, говорит, что он видел именно его, только во весь рост»⁶⁵. Прекрасно зная об этой особенности, этнограф Тан-Богораз переименовывает ее в романе «Союз молодых»: чукчи пробивают землю «круглыми булками» и «железными наконечниками», так как «не знают ничего о посевах зерна» и «выплавке металла», а полковник Авилов «желто-опушенным гусенным» долбит «роговым клювом твердую и круглую темницу».

Но не все мухоморные переживания столь поэтичны. Они легко оборачиваются кошмаром. Директор советского совхоза может убежать в тундру, переплыть «довольно быструю и холодную речку во всей амуниции», а около дома выворотить «столб с электропроводами», и все потому, что за ним гнался «огромный медведь»⁶⁶. Денщику подполковника Мерлина «приказывал мухомор удавиться с таким представлением, что все ему дивиться будут»⁶⁷. Для глубоких состояний мухоморного опьянения характерны отрицательные переживания⁶⁸, что для европейца (в широком смысле этого слова) усугублено культурной установкой на саморефлексию: «Мухоморный пьяница после пьянства как бы с того света пришел, говорят, будто мухомор показывает ему рай и ад и наводит на человека страх, как будто он (мухомор) волен его возвратить на сей свет, или ввергнуть в бездну ада (подземную бездну). Иногда он заводит человека в темную пропасть и повелевает ему оглянуться назад, посмотреть наверх, и тогда сей свет представляется ему не более, как с яйцо небольшой птицы. В этот момент пьяница терзается страхом...»⁶⁹.

Или все тот же Крашенинников: «Другому из тамошних жителей показался ад и ужасная огненная пропасть, в которую надлежало быть низвержено: чего ради по приказу мухомора принужден он был пасть на колени и исповедаться»⁷⁰.

Поэтому *Amanita muscaria* не был включен в психоделическую революцию и не стал еще одной игрушкой тех, кто хочет крутить педали психоделического велосипеда. Слишком велик риск заехать туда, где тебе не рады. Красный гриб

⁶³ Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. — М., Наука, 1991. — С. 140—142.

⁶⁴ Гордеева О. В. Психологические эффекты мухомора красного (*Amanita muscaria*) // Сибирские исторические исследования. 2017, № 2. — С. 177.

⁶⁵ Иеромонах Нестор. Из Камчатки // Владивостокские епархиальные ведомости. 1909, № 11. — С. 351.

⁶⁶ Симченко Ю. Обычная шаманская жизнь. С. 31.

⁶⁷ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. С. 428.

⁶⁸ Гордеева О. В. Психологические эффекты мухомора красного (*Amanita muscaria*). С. 165.

⁶⁹ Анадырский край. Рукопись жителя села Маркова Г. Дьячкова. С предисловием г. О. О. Буссе. — Владивосток, 1893. — С. 114—115.

⁷⁰ Крашенинников С. П. Указ. соч. С. 428.

подчиняется древним природным циклам, его не вырастить на подоконнике, не превратить в таблетку, не убрать побочные эффекты и отсроченность действия. Даже мода на мухомор не причинит ему вреда. Со временем исчезнет нелепый грибной «микродозинг» и вновь раскроет свою пятнистую шляпку метафизика. И тогда развращенный экстенсивностью человек научится смотреть не в себя, а под ноги. Мухомор уберезен от хищнического оскала корпораций, от пут закона, от откровений гуру, от единообразности опыта — разный, разный гриб, истинный осенний анарх. Он не свою описанную химию проявляет, а неизведанность нейронных троп. Вместо веселой круговерти цветастых картинок мухомор предлагает прокрутить человека, свернуть его в ничтожную точку, в тлен, в ничто, пропитать древней сомой извечных вопросов.

Вот где сходятся мухомор, русская история, литература, природа и русское же страдание. Творчество трансгрессивно, оно переходит границы, и часто — с помощью химического Харона, которому платят разумом и здоровьем. Для русской литературы таким оболком была водка, протравившая многих великих. Куда естественнее заменить ее мухомором, соответствующим России географически, исторически, бытийно и сущностно. В союзе с ним раскроется вся неоднозначность культурных наслоений, тот жирный творческий перегиб, в котором давно вызрело нечто потаенное. Нужен только импульс, стремление. В мухоморе как раз есть усилие по взламыванию почвы, когда вырываешься из нее красноголовый, со здоровым вздохом рождения, разворотив тяжелую материнскую землю.

...Мухомор, он же мухотрав, он же мухобой, он же мухоед, он же мухомер, он же мухояр, он же гриб съедобный и ядовитый, священный и поганный, нарядный и бросовый, одноголосый и разноязыкий, космополитичный и абсолютно национальный, обособленный гриб с жаркой шляпкой и часть колдовского круга. Это гербовый гриб, гриб-камертон. В пазухе старой культуры, плотно одетой зеленым плющом, пытливого исследователя ждет мухомор. Из него растет башня Татлина, его разукрашенную скорлупу проламывают на Пасху, его крапчатые узоры различают в ковре на стене. И в то же время это гриб, освобожденный от любого контекста, сведенный просто до эстетической функции. Красное поле в белый горох легко становится сарафаном, жестяной с остатком крупы, чулочками, игрушкой на елке...

Не странно ли, что столь «опасный» гриб окружает нас с самого детства? Ведь даже пресловутых «Косцов» Бунина задают читать в пятом классе, и растерянные дети приходят на урок, спрашивают, зачем крестьяне едят мухомор, но точно так же растерян учитель — и правда, зачем?

В мире есть совсем немного вещей, которые мир этот не может поймать. И мухоморы, как тысячи лет назад на уступах реки Пегтымель, продолжают свою тайную пляску. Только размыкаются руки и удлиняются шляпки. Трещат камни. Грибы зовут в подземный хоровод русского человека.

Валерий КОПНИНОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ К СЕБЕ

*Заметки о сборнике прозы
Сергея Шаргунова «Свои»*

Человеческая память услужлива и верна, и верность ее сродни верности собаки. Но дает ли это человеку хоть малейшее превосходство над собственной памятью? Ни в коей мере.

С памятью необходимо жить в ладу. И это труд. Но труд необходимый.

Память, впитывающая все как губка, позволяет (а порой — заставляет) заново проживать минувшие события, облекая их в слова, тем самым привнося в минувшее оценки сегодняшнего дня. Проще говоря — растворяет жизненную правду в правде художественной.

«Дико устроена память. Что-то кажется мелким и неважным, а ты все равно возвращаешься к этому драгоценно мерцающему сору. В моем владении много людей — живых и мертвых, много драматичных сцен и никчемных сценок...» — с этого признания (предвкушения, предваряющего погружение в реку времени) начинается книга Сергея Шаргунова «Свои». Труд его памяти.

Свои — слово емкое, значимое, экзистенциальное. Из совокупности действий, сотен ведомых (и неведомых) «своих» и состоит человек.

И еще: «свои» — это сложные взаимосвязи, параллели, союзы, что образуют из миллионов частных жизней и общество, и само государство. А история государства есть не что иное, как деятельность «своих» во времени и пространстве.

В одной, к сожалению, уже подзабытой песне рефреном звучит вопрос: «С чего начинается Родина?» Вопрос не праздный, обязательный. Вопрос идентификации личности. По нынешним временам — вопрос на засыпку.

Родина для Сергея Шаргунова начинается со своих, с кровных. С героя Бородинской битвы Николая Русанова, с покорителя Севера Владимира Русанова, с классика кинематографа Сергея Герасимова, с фанатичной большевички тети Мураши, с сына Вани...

Равно как и с иконы святого Сергия Радонежского, подаренной Анастасией Цветаевой в день крещения, с благословения отца Александра Меня после

причастия, со штурма снежной крепости в вологодской деревне, с девушки, которую по-юношески робко целовал в московском дворе, с перестроечного шествия на Крымском мосту...

«Это проза очень личная. О родных, о любви, о памяти...» — поясняет Сергей Шаргунов.

Родные. Родина.

Свои — ближний круг, средний, дальний... Как годовые кольца дерева. Родового древа. У каждого свое количество колец — столько, сколько человек способен осознать. И чем шире его осознание, тем крепче стоять ему на земле — а покачнувшемуся возвращение «на круги своя» вновь придаст необходимую устойчивость.

При такой задаче трудно не впасть в пафос (почти как в ересь), и все построение книги «Свои» способно рухнуть в одночасье, если убрать из повествования запредельную искренность автора, искренность самой высокой пробы.

Сергей Шаргунов не просто раскрывается, он словно препарирует себя, стремясь показать самую суть человеческой природы (что по образу и подобию), индивидуальность собственной природы (и породы).

А максимальная открытость плодовита озарениями: «Ты хочешь эту женщину в жены, ты хочешь от нее ребенка, ты знаешь, что однажды умрешь. В мире есть нечто большее, чем ты сам. Ты способен стать больше себя. Выходишь за свои границы».

Автор делится сугубо личным, сокровенным, побуждая вспомнить, что мир — он не только материален, мир еще и духовен.

Но духовность — тонкая материя, а где тонко, там и рвется.

Мир как традиционное общество усилиями самого человека приходит в упадок. Осуществив поворот от божественного к земному (для людей щепетильных — агностиков, а тем паче атеистов — можно сказать иначе: поворот от духовного к материальному), человек вынужден перерождаться, встраиваясь в общество потребления и в процессе этой интеграции неуклонно трансформируясь из субъекта в объект потребления.

И если на то пошло, дело не в том, молится человек или нет.

Дело в том, что человек, не имея духовной составляющей (в виде церковных догматов или традиционного светского уклада) как точки опоры, принимая новые ценности постмодерна (где не только Бог упразднен, но и сам человек упразднен — он не самостоятелен), при современном состоянии цивилизации (цифровизация, возможность за считанные часы переместиться в любую точку земного шара — и это неумолимо совершенствуется) утрачивает время и пространство как таковые.

А вследствие этого homo sapiens постепенно теряет и экзистенциальную возможность самоидентификации (да и необходимость таковой: нет человека — нет проблемы!).

И когда это произойдет окончательно и бесповоротно, мир переродится, исчезнет (мир внутренний и мир внешний — сообщающиеся сосуды).

Ну чем не конец света?

И было бы это смешно, не будь так грустно.

Закономерен вопрос: что может данный сборник малой (!) прозы Сергея Шаргунова (равно как и иная современная литература) тому глобальному помешательству противопоставить?

А вот — может, и может многое! Хотя ныне государственная политика в отношении литературы, собственно говоря, отсутствует (да и откуда ей взяться при отсутствии идеологии?), но литература продолжает оставаться вакциной против мракобесия и жлобства. Не вся, конечно, — малая часть. И значит, литература может, более того — должна!

«Именно в этом измерении, в сфере искусства, соединяются минувшее и настоящее, вечность входит в быстротечный бег времени» — и это не соломинка утопающему, это — размышления о мировой духовной культуре отца Александра Меня.

Там, где миром правит духовная культура — с пониманием человеком своей сопричастности к вечному (те самые круги своих: ближний, средний, дальний — годовые кольца родового древа) и одновременно с признанием им, человеком, собственной малости на фоне вечного, — там человек великому предстоит. И формула этого предстояния до гениальности просто сформулирована Иммануилом Кантом: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

О том и речь! «Звездное небо» и «моральный закон». И это не метафора, тем более не мем (выражаясь современным языком) — это жизнь (на стыке правды жизни и художественной правды) героя книги Сергея Шаргунова: «Однажды, уже молодым мужиком, оказавшись на Вятке, я облапал темные шоколадные бревна родового дома, спокойно выдержавшего сто лет — возле него на фотографии сидел мой отец-мальш, — и ощутил отраду, как будто какая-то важная и потаенная часть меня скучала по этим стенам. Я прижался к бревну скулой, вдыхая староиконный запах, и среди бела дня сквозь тонкую глубокую расщелину на миг узрел черную бесконечность космоса и мерцание бесчисленных звезд».

В России в традиционной геометрии дома никогда не пустовал красный угол, отведенный от века под святые образа. Святые образа сменил портрет Сталина, затем место генералиссимуса занял Юрий Гагарин, а космонавта номер один заместил Владимир Высоцкий. Кто же там сейчас-то? Ах да, телевизор.

Но верится, что рано или поздно все вернется, все опять вернется. Вы понимаете, о чем я? Все о том же — о вечном!

* * *

Все о том же, о вечном, размышляет герой Сергея Шаргунова, герой, свершающий путешествие к себе и на этом нелегком пути открывающий миры — звездное небо над головой и нравственный закон в себе.

Это не беда, что миры те открываются не сразу! Не беда, что раба из себя возможно выдавливать лишь по капле. Не беда, что познание дозируется микроскопическими порциями — не более одной серебряной ложки за прием.

«Что за ложка такая?» — спросят те, кто «Своих» не читал.

Фамильная серебряная ложка — объективная реальность, данная нам автором в ощущении: «Она то легкая, то тяжелая. То обожаемая и верная, как часть рода, как продолжение тела, то злоедающая, чужая, самодостаточная, будто из какого-то неизвестного алхимического сплава.

В ее тусклом зеркале, в ее зыбком свете — слишком многое...

Оглаживаю выпуклые узоры черенка, и каждый раз, как слепцу, мнится разное: корабль с мачтами и парусами, дворец в языках огня, гибкая фигура танцовщицы с обручем на бедрах.

Есть ли память у этой благородной светлости? Может быть, все встреченные краски и события она хранит, как флешка?

Прикладываю черпало к уху, накрыв целиком, и слушаю шум, наверное, собственной крови, но хочется раствориться в нем, представляя, что это торжественный церковный хор, или плач полярной метели, или рев толпы на площади, или летает над Замоскворечьем отзвук сирены, сливаясь с нарастающим гулом «юнкеров»...»

Фамильная серебряная ложка — это фактически действующее лицо в сборнике «Свои», одна из «своих», путешествующая от ближнего круга к дальнему и обратно.

Фамильная серебряная ложка — это и образ памяти, и символ времени, и ценность, легко трансформирующаяся из материальной в духовную.

И в данном контексте фамильная серебряная ложка — верный способ соотношения внутреннего мира героя с внешним миром, надежный инструмент экзистенциального питания.

Можно было бы на этом поставить точку: вот такой он, герой Сергея Шаргунова, — экзистенциальный, выпестованный из собственного «я»...

Но автор делает еще один шаг, неожиданный шаг, способный заставить нерасторопного читателя зазеваться и от повествования отстать (или совсем из повествования выпасть).

Еще раз приведем пояснение автора, только в этот раз процитируем до конца: «Это проза очень личная. О родных, о любви, о памяти. О русской глубинке и далекой чужбине. Свои — образы, мысли, люди. От статиста из телевизионной массовки до одиночки, стерегущего в тайге взлетную полосу. И даже наглый депутат-толстяк и робкая северокорейская официантка. Все — свои. Потому что всех жалко».

Без подготовки читателя автор переходит от героя-«я» к герою-«мы». Но есть нечто, дающее возможность не отторгнуть этот прием, не сойти с круга «своих», — отождествление автора с героем-«мы», как было раньше с героем-«я», выраженное в приязни, в желании понять и вписать в круг «своих».

Это труд, нелегкий труд.

И перевоплощение авторского «я» в обобщенное «мы» читатель сможет анализировать: где «мы» («я» — за скобками) в те дни, когда земля уходила из-под ног (в любви или на войне), согнулись, а где сохранили спину прямой. Где были храбры, а где дали слабину. Где руководствовались разумом, а где поддались эмоциям. Где мы пришили жука булавкой по праву энтомологов высшего порядка, а где и, главное, когда условный жук-постмодерн пришил нас булавкой.

Все меньше в обществе доверия, понимания, прощения. Все чаще, словно на боевых курсах, работает опознаватель «свой — чужой». И «чужие» определяются активно, с готовностью. Что это, если не внутренний раскол, от которого страна в лучшем случае становится обездвиженной (в состоянии лебедя, рака и щуки), а в худшем — движется к гражданской войне?

Но в такой войне по обе стороны баррикад — свои... Или уже нет?

Свой! На том Сергей Шаргунов стоит твердо: «У нас вечно противопоставляют целесообразность и человечность, государство и личность, Родину и свободу, отцов и детей. Если не вырвемся из примитивного конфликта, останется барахтаться в тоске самоистребления, где вроде и те правы, и те, а куда податься — непонятно. У меня сильна надежда на то, что полюса могут сомкнуться не в очередном безумном противоборстве, а общего дела ради».

В понятиях «жизненная правда» и «художественная правда» Сергей Шаргунов делает явный акцент на слове «правда». Потому как для него, литератора и гражданина в равной степени, правда — не составная часть термина, не пустой звук, правда — это ответственность и честь.

Писателю и гражданину Сергею Шаргунову недостаточно растворять правду жизни в художественной правде, помешивая серебряной ложкой, — ему крайне важно не отойти от правды, той правды, что тождественна нравственности, как утверждал Василий Макарович Шукшин.

Крайне важно все то же великое и вечное (вековечное), позволяющее человеку твердо и основательно стоять на земле: звездное небо над головой и нравственный закон в себе, ради чего и существует литература. Литература по большому счету. Литература, что продолжает служить вакциной от мракобесия и жлобства.

Наталья СЕМАКОВА

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ БОРИСА СМИРНОВА

В 1950 году художественная коллекция Новосибирского государственного краеведческого музея пополнилась графикой русско-украинского художника Бориса Васильевича Смирнова. Художник передал музею сто рисунков, созданных в Омске, Барабинской степи, Красноярске и Иркутске в начале XX века — жители сибирских городов стали героями портретов и жанровых сценок, а своеобразие природного ландшафта нашло отражение в многочисленных пейзажах художника. Значительная часть работ посвящена судьбе переселенцев из разных мест России в Сибирь.

Несмотря на то что произведения Смирнова находятся в музеях России, Украины и Киргизии, о его жизни и творчестве известно не так много. И сегодня мы попытаемся заполнить некоторые пробелы — впервые приведем обширные архивные материалы личного дела Б. В. Смирнова, которые позволяют проследить путь его становления и развития как художника, выделить характерные этапы творчества и определить хронологические рамки пребывания его в Сибири, что, несомненно, будет способствовать и более достоверной атрибуции произведений.

* * *

Борис Васильевич Смирнов родился 12 марта 1881 года во Владикавказе в потомственной дворянской семье, корнями уходящей к династии Ольгердовичей-Булгаковых. Мать будущего художника происходила из грузинского княжеского рода Баратовых.

Мужская половина семьи Смирновых была связана с военным делом: отец художника Василий Феоктистович преподавал математику в военных гимназиях России и Украины, дед был артиллерийским штабс-капитаном, участником венгерского похода 1849 года. У Смирновых было семь дочерей и один сын — Борис, родившийся третьим. Будущего художника с детства окружало искусство: отец играл на скрипке, сестры были неплохими пианистками (кстати, и сам художник был не чужд музыке), мать увлекалась постановками любительских спектаклей. Тяга мальчика к изобразительному искусству неслучайна: среди его предков были живописец Алексей Егорович Егоров и скульптор Иван Петрович Мартос.

Ранние годы Бориса Смирнова прошли во Владикавказе, а в 1890 году отца перевели в Киевскую военно-фельдшерскую школу, и семья переехала в Киев.

Украина с ее природным многообразием навсегда западает в душу Смирнову. Среднее образование художник получил в Киевском реальном училище, параллельно посещал рисовальную школу Николая Ивановича Мурашко, в которой сильны были традиции реализма, заложенные художниками-передвижниками. В Киеве в то время работали широко известные мастера: Николай Корнильевич Пимоненко, Михаил Александрович Врубель, Михаил Васильевич Нестеров, братья Васнецовы — Аполлинарий Михайлович и Виктор Михайлович. У Смирнова сохранились воспоминания о встрече с В. М. Васнецовым во Владимирском соборе, над росписями которого тот тогда работал.

Школа Николая Ивановича Мурашко пользовалась популярностью, ей оказывал поддержку русский художник Николай Николаевич Ге, уже на закате своих лет часто посещавший обучающихся, одним из преподавателей был Харитон Платонович Платонов. В таком окружении происходило становление Бориса Смирнова, формирование его взглядов. Впоследствии школа Мурашко была реорганизована в Киевское художественное училище, которое перешло в подчинение Академии художеств.

Во время учебы юный художник увлекся творчеством украинского поэта Тараса Шевченко. В 1897 году Смирнов совершил поездку на этюды к его

Борис Васильевич Смирнов с женой Евгенией Александровной Смирновой (Павловой) и сыном Глебом.

Ок. 1911—1912 гг. Фото из мемуаров Алексея Смирнова, внука художника

могиле в Канев, по пути делая зарисовки окружающей природы, которые позже, в зрелом возрасте, переработал в серию автолитографий «У берегов Днепра — по шевченковским местам» (первоначальное название «По пути Т. Г. Шевченко»). Река Днепр затем не раз будет появляться в его пейзажах.

В 1901 году Смирнов оканчивает Киевское художественное училище и решает посвятить свою жизнь искусству — уезжает в Санкт-Петербург, чтобы поступить в Академию художеств. Однако поступить у него получается не сразу, сначала он два года обучается в студии Льва Евграфовича Дмитриева-Кавказского, офортиста и гравера по меди. Учитель и ученик были почти земляками, благодаря чему между ними установились близкие отношения. В Академию художеств Борис

Смирнов поступил в пейзажный класс к Александру Александровичу Киселёву.

Нужно отметить, что оба упомянутых преподавателя оказали большое влияние на Смирнова. Л. Е. Дмитриев-Кавказский часто путешествовал по Кавказу, где делал бытовые зарисовки, а после поездки в Среднюю Азию выпустил сборник «Средняя Азия. Записки художника» с оригинальными рисунками. Вероятно, пример наставника вдохновил молодого Бориса Смирнова на издание собственной книги о путешествиях в 1914 году (в своих воспоминаниях художник часто отмечал, что Л. Е. Дмитриев-Кавказский научил его обращать внимание на детали в этнографических экспедициях и все заносить в альбом). В свою очередь А. А. Киселёв, руководивший пейзажной мастерской в Академии художеств, упрочил в растущем художнике любовь к пейзажу, наблюдательность, развил способность передавать в работах изящную красоту природы.

Дебютируя на выставках Академии художеств в Санкт-Петербурге, Смирнов использует псевдоним «Васильев» (или «Василин») — по воспоминаниям художника, «из-за робости», не будучи уверенным в своем мастерстве. Однако потребность в псевдониме вскоре отпала — после того как одна из его работ была отмечена в печати и получила одобрение А. И. Куинджи.

Будучи студентом Академии художеств, Смирнов возвращается в одном кругу со многими признанными мастерами того времени — в оставленных им заметках содержатся воспоминания о таких художниках, как Илья Репин, Константин Маковский, Александр Киселёв.

Сохранилось несколько рисунков Б. В. Смирнова того периода. Например, «В Петербурге» («После дождя»), «Вечер на Неве» («Вид на Академию художеств»).

Однако мысли молодого художника занимало не только изобразительное искусство.

В начале XX века Российская империя оставалась самодержавной монархией. Консерватизм власти, неизменность политической системы в условиях социально-экономических перемен вели к протестным выступлениям — в основном рабочих, крестьян, но в том числе и студентов. Смирнов разделял либеральные идеи, состоял в революционных кружках, участвовал в студенческих сходках, прятал и распространял подпольную литературу, скрывал в своей квартире друзей-революционеров.

Окончить Академию художеств Б. В. Смирнову не удалось из-за начавшегося у него туберкулеза. Влажный и сырой невольский климат был непривычен выросшему в теплых краях художнику, поэтому ему пришлось уехать обратно на Украину. Внук Бориса Васильевича так говорит про деда в своих мемуарах: «В нем было много южной крови: кавказской, грузинской, и ему всегда было холодно в Москве».

В ноябре 1902 года Смирнов получил свидетельство Академии художеств с правом преподавания рисования в средних учебных заведениях. Однако Борис Васильевич по-прежнему принимал участие в петербургской художественной жизни и выставлялся на весенней выставке Академии художеств 1903 года.

Поправив здоровье, в том же 1903 году по рекомендации Л. Е. Дмитриева-Кавказского 23-летний Смирнов был приглашен как художник в научную

экспедицию по Средней Азии, организованную Русским географическим обществом. Сборным пунктом членов экспедиции был город Пишпек (Бишкек). Во время путешествия Смирнов вел путевой дневник, который позже был переработан для печати и издан в 1914 году отдельной книгой под названием «В степях Туркестана» — там описывается путь от Ташкента до Семипалатинска с остановками в местных селениях. В Пишпеке художником были выполнены зарисовки пейзажей Киргизии, жанровые сцены быта местного населения, портреты представителей разных народов. Особый интерес у художника вызвал колоритный киргизский базар. «Базар — это сосредоточение жизни всего туземного человека», — пишет Б. В. Смирнов в своей книге. Художник проникся местной культурой, пытался обращать внимание на все стороны жизни местного населения. Отдельного внимания заслуживает включенный в текст книги отрывок из киргизской былины о подвигах богатыря Ак-Була и одна из частей эпоса о богатыре Семетее и его невесте Ай-Чурек в исполнении известного местного певца Киндже-Кара — Смирнов был первым, кто опубликовал это киргизское произведение, и первым, кто проиллюстрировал эпос, изобразил богатыря Семетее и его невесту. Кроме того, художник запечатлел и самого Киндже-Кара — на портрете певец изображен с традиционным киргизским музыкальным инструментом.

Рисунки Б. В. Смирнова — одни из немногих имеющихся иллюстративных документальных материалов о жизни киргизов в начале XX века, поэтому они часто упоминаются в исследованиях, посвященных истории и этнографии Киргизии. Большая часть рисунков этой поездки находится сейчас в Киргизском государственном историческом музее.

Художник пробыв в Пишпеке месяц, в разгар весны, в апреле. Из Пишпека планировалось отправиться на Алтай, но Смирнов оставляет участников экспедиции и едет в Иркутск. По почтовому тракту он добирается до Семипалатинска, по дороге делая зарисовки, в Семипалатинске фиксирует на бумаге сцену отправления барж на Русско-японскую войну (работа находится в Приморской государственной картинной галерее) и садится на пароход до Омска. Можно считать, что с этого момента и начинается сибирский период в жизни и творчестве Б. В. Смирнова.

* * *

Этот сибирский период до сих пор остается самым неизвестным в биографии Смирнова, он особо не афишировался им самим. В воспоминаниях сына Глеба и в письмах художника родственнику Олегу Животкову лишь вскользь упоминается о путешествии по Сибири. Даже в написанной Б. В. Смирновым автобиографии сибирский этап жизни пропущен, и потому главным источником информации являются его многочисленные рисунки, сделанные в Омске, Красноярске, Иркутске и в дороге между этими городами.

Большинство работ этого периода хранится в Новосибирском государственном краеведческом музее, куда они были проданы художником, как уже было сказано, в 1950 году, незадолго до смерти. В письме Олегу Животкову живописец сообщает, как неожиданно и радостно было получить согласие му-

зая на покупку и как он обеспокоен тем, понравятся ли его работы сотрудникам. В этом же письме Б. В. Смирнов пишет, что рисунки, сделанные почти полвека назад, в 1903 году, требовали подновления перед отправкой в Новосибирск. Вероятно, именно тогда автор и решил исправить даты на сибирских рисунках: 1903 год был переправлен на 1904-й.

По прибытии в Омск художник останавливается у Филиппа Филипповича Штумпфа, гласного Омской городской думы и члена Русского географического общества. На рисунке Б. В. Смирнова «Балкон над Иртышом» (1903) изображен принадлежащий Штумпфу недавно построенный деревянный особняк с мезонином. На этот рисунок попали и Сибирский кадетский корпус, и река Иртыш.

Дорога из Омска в Красноярск идет через Барабинскую степь, виды которой Б. В. Смирнов также запечатлевает в своих работах.

Довольно длительный срок Смирнов проводит в Красноярске, где в основном пишет портреты горожан — купчихи, купца, казака, служащего на пристани, старообрядцев... В то же время он как пейзажист не может устоять перед величием и красотой красноярской тайги. В Новосибирском государственном краеведческом музее хранятся работы «Сумерки в тайге», «Проталины в тайге», «Избушка в красноярской тайге» и другие. Последняя работа, на которой изображен небольшой домик в чаще леса и белобородый старик, интересна авторской надписью — на обратной стороне рисунка художник указывает, что прожил в этой избушке несколько дней.

Однако конечная цель поездки Смирнова — Иркутск. Холодной осенью 1903 года он покидает Красноярск.

Большая часть сибирского периода приходится именно на Иркутск. Судя по выполненным тут рисункам, Смирнов ведет активную общественную жизнь, среди изображенных им горожан — чиновник иркутского губернского суда, врач переселенческого пункта, купец-золотопромышленник, монах, собирающий деньги на строительство храма, церковный староста, дворник, учителя и ученики Иркутского городского училища, дворяне, рабочие. Серия работ посвящена крестьянам-переселенцам и их детям. Трогательные портреты и жанровые зарисовки рассказывают нам о судьбах людей, оказавшихся в чужом краю за тысячи верст от родного дома. Еще часть работ посвящена ссыльным, которых художник изображает анфас, смотрящими прямо вперед, полными решимости и неповиновения, — «Ссыльный толстовец», «Арестант-духобор», «Студент в тюремной камере».

Круг контактов художника в Иркутске был широк и разнообразен, и здесь необходимо рассказать, какова была обстановка в Иркутске начала XX века.

Одним из важнейших центров общественной жизни города, где могли пересечься учитель, судья, ссыльный, церковный староста, была редакция газеты «Восточное обозрение», исповедовавшей либеральные ценности, консолидовавшей вокруг себя свободомыслящую интеллигенцию. Владел изданием Иван Иванович Попов, бывший административно-ссыльный, женившийся на дочери преуспевающего купца. Благодаря его финансовой поддержке в газете были довольно прогрессивные для того времени условия работы: восьмичасовой рабочий день, оплачиваемый ежегодный отпуск, регулярные медосмотры сотрудников у личного врача. Газета быстро обрела популярность как в

Иркутске, так и за пределами Сибири. Надо отметить, что большую часть коллектива издания составляли ссыльные, среди которых было много высокообразованных людей.

Помимо редакции «Восточного обозрения» у ссыльных и у местной интеллигенции была в городе еще одна точка притяжения — Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества.

Б. В. Смирнов неоднократно упоминает в письмах свое увлечение подпольной литературой и из-за этого увлечения — повышенное внимание к нему жандармов. Возможно, Смирнов едет в Иркутск именно потому, что там действует одно из самых крупных либеральных объединений того времени.

Точный период пребывания Б. В. Смирнова в Иркутске установить сложно. Вероятнее всего, он приезжает в конце октября или начале ноября 1903 года — на рисунках художника жители города предстают в зимней одежде, — а покидает Иркутск не раньше марта 1904 года. Основания для второй даты мы находим в письмах художника, а в одной из записок к альбому «маньчжурских» рисунков есть такие строки: «После работы в научной экспедиции географического общества в Средней Азии я не хотел возвращаться в Петербург и решил отправиться на Дальний Восток на “театр военных действий”... В Иркутске я прошел ускоренные курсы для братьев милосердия и получил командировку сначала на Байкал, чтобы участвовать в перевозке раненных на пароходе “Байкал” из станции Мысовая до станции Байкал...» (В Новосибирском государственном краеведческом музее находится рисунок Б. В. Смирнова, выполненный в этом районе, — «Заимка в тайге». На обороте рисунка автор написал: «Заимка в тайге недалеко от поселка Баранчики при станции Байкал. Здесь жили рабочие на постройке Кругобайкальской железной дороги. Жил здесь и я.») Далее в этой же заметке Б. В. Смирнов говорит, что,

Б. Смирнов. Заимка в тайге. Забайкалье, 1904. Пояснение художника на обороте: «Заимка в тайге недалеко от поселка Баранчики при станции Байкал. Здесь жили рабочие на постройке Кругобайкальской жел. дороги. Жил здесь и я».

несмотря на то что работа происходила в очень живописных местах, она не совсем соответствовала его стремлениям. Он желал находиться именно на полях сражений, в Маньчжурии, и запечатлеть геройства солдат. Затем художник пишет: «Сенатор Кауфман (главный уполномоченный по Сибири) знал, что я учащийся Академии художеств, и благословил меня в дальний путь. Я поехал в качестве сопровождающего эшелона с медикаментами, который направлялся во Владивосток». Упоминание сенатора Кауфмана является определяющим для датировки возможного отбытия художника из Иркутска. Петр Михайлович фон-Кауфман в 1904—1905 годах был назначен главным уполномоченным Российского общества Красного Креста в Сибирском регионе, затем в Забайкалье и Маньчжурии, прожил в Иркутске год — с марта 1904-го по март 1905-го — и в это время часто посещал редакцию «Восточного обозрения».

Таким образом, если Б. В. Смирнов был отправлен на Дальний Восток именно при содействии Кауфмана, произойти это могло не ранее марта 1904 года. Это предположение подтверждают и мемуары художника о Русско-японской войне, в которых повествование начинается с апреля 1904 года.

Нельзя не упомянуть, что в Иркутске с художником происходит неприятное событие: его арестовывают и отправляют в тюрьму. Причина, вероятно, политического характера: в одних документах указывается, что Б. В. Смирнов принимал участие в революционном движении, в других — что возбудил подозрение у жандармов в политической неблагонадежности. После недлительного срока заключения художник по памяти создает ряд рисунков, посвященных иркутской тюрьме (среди них — «В тюремном вагоне»), нам известен также интерьер избы, в которой Смирнов жил после освобождения (работа «В избе на окраине Иркутска»). Художник оставил пояснение к этому рисунку на паспарту: «Налево за русской печкой была моя койка, на которой я спал две недели после выхода из тюрьмы».

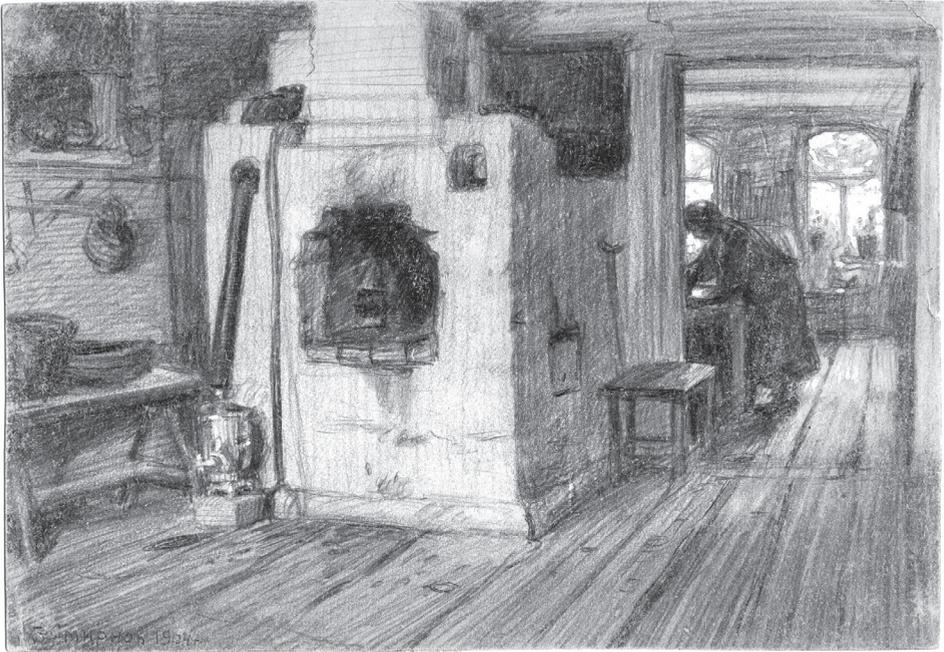
Об иркутском периоде жизни Смирнова известно, как сказано, совсем мало — он тщательно избегает упоминания о нем в своей биографии. В справочной информации к каталогам советских выставок этот период, как правило, опускается вовсе. Только в письме своему родственнику и ученику О. А. Животкову уже в 1950-х Б. В. Смирнов однажды проговаривается: «Помню, в 1904 году я, очутившись без всяких средств в Иркутске, нашел себе койку в ночлежном доме, как в “На дне” Горького... Меня влекла мысль узнать “настоящих” людей...»

Именно эти строки объясняют, возможно, внутреннюю потребность в путешествии художника в Иркутск.

* * *

В 1904 году 24-летний Смирнов отправляется добровольцем — в качестве брата милосердия — на Русско-японскую войну (обязательному призыву он не подлежал как единственный сын в семье). В Харбине художника определяют в летучий отряд казачьей дивизии под руководством князя Г. А. Туманова.

Лучше всего об этом периоде рассказывает он сам в письмах в музей Владивостока в 1950-х годах: «Сев в первый раз на лошадь, я через два дня оказался в полосе огня. Я получил, что давно хотел. Я не думал тогда о больших

Б. Смирнов. В избе на окраине Иркутска. Иркутск, 1904.

Пояснение художника на паспарту: «Налево за русской печкой была моя койка, на которой я спал две недели после выхода из тюрьмы».

задачах художника, призванного отобразить ужасы войны, я был братом милосердия, который перевязывал раны, выносил из боя солдат, и только в свободные минуты брался за карандаши. Нервная, постоянно прерываемая работа на боевых позициях не давала возможности сосредоточиться, а постоянные передвижения по фронту мешали выполнению законченных работ, поэтому все сводилось к одночастным этюдам и зарисовкам».

Художник вспоминает, что в Маньчжурии его в первую очередь заинтересовала природа. Работы с живописными сопками и долинами, а также бытовые зарисовки находятся в Приморской государственной картинной галерее. На войне художник перенес тиф и, так как в военных условиях полностью излечиться было невозможно, после Мукденского боя был отправлен домой. Спустя несколько лет после возвращения Б. В. Смирнов пишет мемуары о Русско-японской войне, где от третьего лица, под псевдонимом Васильев, рассказывает о пережитом.

После войны Смирнов остается на юге Украины, в Павлограде, в 1905 году устраивается учителем рисования в Павлоградскую женскую гимназию. Здесь он знакомится со своей будущей женой Евгенией Александровной Павловой, учительницей и детской писательницей. Е. А. Павлова была организатором Союза учителей, в который входила революционно настроенная молодежь.

В 1905 году, когда в Москве началось декабрьское вооруженное восстание, Б. В. Смирнов и Е. А. Павлова поехали для участия в нем, но их путь был прерван забастовкой железнодорожников. На фоне общих интересов, увлеченные одним делом, в 1906 году молодые люди женятся, а в 1908 году у них рождается сын Глеб, который в будущем также станет художником.

В 1911 году Смирнова переводят в Екатеринослав (после революции — Днепропетровск, теперь — Днепр) в учительский институт на такую же должность — преподавателя рисования. Художник активно участвует в культурно-общественной жизни города: становится членом научно-художественного общества, читает лекции по истории искусства рабочим Брянского завода, помогает организовывать местный художественный музей, тесно взаимодействует с местным краеведческим музеем, в частности с его директором Д. И. Эварницким.

В этот период издательство «Ришар» (Richard) в Санкт-Петербурге печатает работы Б. В. Смирнова на открытках, а в 1914 году выходит из печати его книга «В степях Туркестана» о путешествии в Среднюю Азию.

Как преподаватель Б. В. Смирнов много работает с детьми как в области художественного образования, так и в смежных областях: создает декорации для оперного театра и пишет инструкции по его устройству, пишет пьесы для кукольного театра, читает лекции о роли игрушки в художественном воспитании, создает серии работ, посвященных сказкам и былинам и творчеству кустарников-игрушечников. Плодотворно работает в разных издательствах: иллюстрирует полное собрание сочинений Тараса Шевченко, «Мертвые души» Гоголя, а также детские книги (в том числе своей жены). В 1911 году в Петербурге выступает на Всероссийском съезде художников с докладом о воспитательной функции книжной иллюстрации.

Когда в Екатеринославе устанавливается советская власть, Б. В. Смирнов моментально включается в работу по наглядной агитации — пишет большие многофигурные панно на политические темы, которые устанавливаются на площадях и улицах города, по заказу губисполкома создает масштабные картины «Продажа помещицей крепостных» и «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!», не оставляя преподавание, помогает организовывать педагогический институт (на базе бывшего учительского) и оканчивает в нем факультет дошкольного образования, чтобы повысить свою квалификацию.

Безусловно, в свободное от общественной и преподавательской деятельности время Борис Васильевич занимается тем, что ближе всего его душе, — пишет пейзажи. Каждое лето Смирнов вместе с семьей выезжает в разные уголки Украины на этюды. Бахчисарай, Гурзуф (там он знакомится с К. А. Коровиным и общается с К. С. Станиславским), берега Днепра... Художник совершает даже опасное путешествие на плотах по Днепровским порогам.

В конце 1920 года Б. В. Смирнов едет в Москву на Всероссийский съезд по дошкольному образованию, выступает с докладом о детской игрушке, который дополняет своими акварелями о творчестве кустарников-игрушечников. После съезда художник получает предложение стать руководителем сети школ для детей строительных рабочих в Москве, которое с энтузиазмом принимает. Переезд в Москву завершает украинский период творчества художника.

* * *

С 1921 года семья Смирновых живет в Москве. Если в Екатеринославе художник был широко известен, пользовался уважением, то здесь ему пришлось заново трудиться на свое имя.

Попробовав свои силы на административной должности (руководя сетью школ), художник вскоре понял, что это не соответствует его творческому складу, и перешел на должность заведующего Центральным детским клубом, который располагался во Дворце строителей (бывшая гостиница «Славянский базар»). За недолгий период существования клуба Б. В. Смирнов организовал множество детских творческих кружков, создал ряд театральных постановок, где актерами были дети, а сам он был режиссером, декоратором и бутафором. Вершиной его работы в области детской книжной иллюстрации стало издание более чем двадцати детских миниатюрных книжек в 1926—1927 годах. Написаны книжки были самим Смирновым совместно с женой, некоторые истории основаны на реальных событиях из детства художника, например «Хромоножка». После закрытия детского клуба Б. В. Смирнов начал преподавать графику в кожевенном техникуме, где также руководил молодежными кружками изобразительного искусства. Художник проработал там до начала 1930-х годов, а затем преподавал живопись в студии В. И. Немировича-Данченко при Московском Художественном академическом театре.

В 1920-е годы то и дело старые институты упразднялись и заменялись новыми, новые, в свою очередь, переставали существовать, не успев открыться, поэтому перечень художественных объединений, в которых успел участвовать Борис Васильевич, немаленький. Он был художником-экспонентом Товарищества передвижных художественных выставок, а после его распада — членом Ассоциации художников революционной России (АХРР), затем участвовал в организации ОХР (Объединения художников-реалистов), выделившегося из АХРР, где был избран членом правления; демонстрировал свои работы на выставке художников объединения ОБИС («Объединенное искусство»).

Когда по распоряжению советского правительства все художественные общества были закрыты и созданы «Всекохудожник» и Московский областной союз советских художников (МОССХ), Б. В. Смирнов вошел в оба объединения.

В первые годы проживания в столице Смирнов сблизился с А. М. Васнецовым, который пригласил его в краеведческое общество «Старая Москва». Тут художник познакомился с историками и археологами, во время заседаний общества зарисовывал его участников.

В 1930-х Смирнов вел личные дневники, назвав их «Мои воспоминания о художниках», в которых описывал события, происходившие с ним и в его окружении, а кроме того — яркие случаи из прошлого. Эти записи содержат массу интереснейшего материала о культурно-художественной жизни Москвы 1930-х: выставки, собрания МОССХ, музейная среда... В результате получилось двенадцать тетрадей, в которых сохранились истории разных лет о встречах с такими деятелями искусства, как К. А. Коровин, К. Е. Маковский, А. М. Васнецов, Л. В. Туржанский, С. В. Малютин, П. П. Кончаловский, К. С. Станиславский.

По воспоминаниям Глеба, сына художника, их дом в Перловке, построенный по проекту самого Смирнова, посещали многие мастера, которые часто подолгу гостили и вместе с хозяином писали этюды в лесу рядом, из-за чего Перловку иногда шутливо называли Смирновкой. Кроме этюдов Б. В. Смирнов

делал зарисовки простого домашнего быта — с особой любовью изображены кошки семьи, рисунки с ними сам художник называет очень тепло: «Кошка-мамочка», «Мама и сына».

После постановления о перестройке литературно-художественных организаций Б. В. Смирнов много и плодотворно работает по заказам «Всекохудожника» и МОССХ. Природа Украины всегда привлекала художника, и он часто ездит туда на этюды, по которым пишет индустриальные пейзажи, посвященные старому и новому Донбассу и шахтам Горловки — «Горловка прежде и теперь», «Шахты Донбасса», а в Киеве собирает материал для произведений «На Днепре жизнь бьет ключом», «Наводка понтонного моста», показанных затем на выставках «Индустрия социализма» и юбилейной выставке РККА. В это же время художник выпускает альбом автолитографий «У берегов Днепра — по шевченковским местам», который позже будет подарен Третьяковской галерее.

Однако наиболее желанными для Б. В. Смирнова были его самостоятельные поездки. По воспоминаниям Глеба Смирнова, его отец каждую весну начинал с подготовки к летним экспедициям. «С рюкзаками за спиной мои родители из года в год отправлялись для сбора этюдов и материалов для книг то на склоны Эльбруса или Казбека, то в ущелья Дагестана, то в медвежьи дебри валдайских лесов, то на необозримые болотистые равнины Ильменя озера».

Результатом поездки на озеро Валдай стал ряд картин, две из которых («Валдайское озеро» и «Озеро Ужин») были приобретены Третьяковской галереей. Темы Кавказа тоже близки художнику — детские воспоминания, живописная местность, а также любовь к творчеству Лермонтова стали предпосылками для многократных поездок в этот регион. Одна из экспедиций по высокогорным районам Кавказа была совершена в середине 1930-х годов, художник собрал этюдный материал, который позднее лег в основу масштабных полотен «Победители гор», «Подъем на Эльбрус». Но не только пейзаж интересует Смирнова в поездках, хочется упомянуть одну из работ — очень тонкую, напоминающую его юношеские портретные зарисовки — «Портрет Абазовой».

Отдельно необходимо отметить продолжительную работу Смирнова в Государственном учебно-педагогическом издательстве Министерства просвещения РСФСР — Учпедгизе, где он был членом художественного совета. Благодаря многочисленным путешествиям художник собрал обширный материал о природе разных районов страны, это сделало его незаменимым автором иллюстраций для школьных наглядных пособий.

Во время проживания художника в Москве его работы экспонируются на многих коллективных выставках, в 1935 и 1937 годах проходят персональные выставки Смирнова, где показываются работы разного времени, начиная с самых ранних — с 1901 года.

Сын художника, Глеб Борисович Смирнов, также выбрал путь живописца. По несчастному совпадению именно 22 июня 1941 года, в тот день, когда Германия напала на СССР, в Москве состоялся вернисаж выставки работ отца и сына Смирновых «Пейзажи нашей Родины». На этой выставке Смирнов-старший показывал свои ранние рисунки, сделанные в Сибири. Как вспоминал Г. Б. Смирнов, следующим утром в залах экспозиции уже был развернут пункт по призыву в армию.

В годы Великой Отечественной войны Б. В. Смирнов преподавал в студии для инвалидов и, несмотря на достаточно преклонный возраст, создал такие работы, как «Раздача подарков в окопах», «Проводы красноармейцев на фронт с Красной площади». Также в это время Б. В. Смирнов завершает свое монументальное произведение, начатое до войны, — «Въезд Александра Невского в Псков после Ледового побоища». В 1944 году в главной англоязычной советской газете Moscow News выходит статья, посвященная этой исторической картине. Вырезка из этой статьи сегодня хранится в Мытищинском историко-художественном музее.

* * *

После Русско-японской войны у художника на всю жизнь осталась хроническая болезнь легких. Особенно она обострилась в последнее десятилетие жизни Б. В. Смирнова. Однако он не оставлял работу — ни педагогическую, ни художественную. Почти в 70-летнем возрасте Смирнов продолжает преподавать — читает курс лекций о пейзаже на географическом факультете пединститута, выполняет ряд пейзажных полотен по заказу МГУ. В это же время художник приводит в порядок свое художественное и литературное наследие, накопленное за более чем полувековой период работы, пишет письма в музеи с предложением приобрести его работы. Так коллекция сибирской графики и оказалась в Новосибирском государственном краеведческом музее. В письмах своему родственнику и другу О. А. Животкову художник делится переполняющими его радостными эмоциями от ответных писем из музеев с высокой оценкой его работ.

Нужно отметить и деятельность Б. В. Смирнова на литературном поприще — он является автором объемной монографии по теории искусства «Морфологические проблемы художественного языка». В книгу вошли лекции по истории искусства, которые Б. В. Смирнов читал студентам многих учебных заведений, дополненные его личными историями о художественной жизни начала XX века, участником и свидетелем которой он был.

Борис Васильевич Смирнов умер в 1954 году. Он был неутомимым искателем и, где бы он не находился — на Украине, в Петербурге, Киргизии, Сибири, в Китае или в Москве, всегда активно включался в культурно-общественную жизнь. Благодаря любопытству, нескончаемой энергии и постоянной работе над самыми разными проектами Смирнов оставил огромное и разнообразное творческое наследие, столь же разнообразное, как география его работ — от древней крепости в Бахчисарае до деревень Маньчжурии, от вершины Эльбруса до непроходимых лесов красноярской тайги. Его рисунки находятся в коллекциях более чем сорока музеев России, Украины, Киргизии и в частных собраниях.

На данный момент исследование творчества Б. В. Смирнова продолжается. Удалось найти его правнучку — Надежду Алексеевну Смирнову, которая передала в Новосибирский краеведческий музей значительную часть семейного архива династии художников. Документы, письма, дневники, рисунки и другие материалы Б. В. Смирнова, хранящиеся теперь в музее, помогут расширить представление о жизненном и творческом пути художника.

АВТОРЫ НОМЕРА

Ахметшин Артур Расимович родился в 1994 г. в Кемерове. В 2020 г. окончил магистратуру Кемеровского государственного университета по направлению «политическая и социокультурная история Европы в новое и новейшее время». Работает журналистом.

Безрукова Елена Евгеньевна родилась в 1976 г. в Барнауле. Окончила юридический факультет Алтайского государственного университета и факультет психологии Томского государственного университета. Работала адвокатом, юрисконсультантом, последние пятнадцать лет работает на государственной службе в отрасли культуры. В настоящее время — министр культуры Алтайского края. Автор пяти поэтических книг. Лауреат премии журнала «Сибирские огни». Член Союза писателей России. Живет в Барнауле.

Зайцева Александра Васильевна родилась в 1981 г. в Потсдаме (Германия). Окончила исторический факультет Брянского государственного университета. Публиковалась в изданиях «Дружба народов», «Москва», «Алтай» и др. Автор четырех книг прозы и сборника стихов. Лауреат ряда литературных премий и конкурсов. Живет в Астрахани.

Злобин Володя родился в 1990 г. в Новосибирске. Трудится разнорабочим. Лауреат премии журнала «Сибирские огни» (2017). Живет в Новосибирске.

Каршин (Шинкарь) Дмитрий родился в 1968 г. в Курске. Окончил филологический факультет Курского педагогического института, аспирантуру при кафедре русского языка Курского педагогического института. Сменил несколько профессий, в настоящее время безработный. Публиковался в ряде региональных изданий. Живет в Курске.

Копнинов Валерий Павлович родился в 1963 г. в Барнауле. Окончил Алтайский институт культуры и ГИТИС. Автор книги рассказов «Сукины дети». Публиковался в журналах «Север», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни». Работает режиссером телевидения. Член Союза театралов России. Живет в Барнауле.

Корниенко Игорь Николаевич родился в 1978 г. в Баку. Работал в СМИ г. Ангарска. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Октябрь», «Сибирские огни» и др. Автор двух книг прозы. Лауреат ряда литературных премий. Живет в Ангарске.

Матонин Василий Николаевич родился в 1957 г. в Архангельске. Доктор культурологии, профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, главный редактор альманаха «Соловецкое море». Автор десяти поэтических сборников. Лауреат литературных премий им. Н. Рубцова и им. Б. Шергина. Член Союза писателей России. Живет в Архангельске.

Минаева Екатерина Сергеевна родилась в 1985 г. в Москве. Окончила филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Прозаик, литературный критик. Член Творческого объединения детских авторов России. Победитель и финалист ряда литературных конкурсов и премий. Публиковалась в журналах «Чердобряк», «Ключ», «Простокваша» и др. Автор трех книг прозы для детей. Живет в Москве.

Пахомов Владимир Анатольевич родился в 1948 г. В 1971 г. получил специальность геолога. Много лет проработал в Приморье и на Крайнем Севере. С 1998 г. живет в США.

Семакова Наталья Александровна — младший научный сотрудник Новосибирского государственного краеведческого музея. Живет в Новосибирске.

Урюмов Владимир Евгеньевич родился в Гурьевске Кемеровской области в 1964 г. Окончил Сибирский металлургический институт (1986). Учился заочно в Литературном институте им. Горького на отделении поэзии. Кандидат филологических наук. Прозаик, поэт, педагог, литературовед. Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «После 12», «Русская речь» и др. Автор монографии «Смыслы и ценности мировоззрения русского человека в произведениях С. Т. Аксакова» (2012). Член Союза писателей России. Живет в Новосибирске, работает на кафедре филологии Новосибирского государственного технического университета.

МАГАЗИН продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

**Работают отделы:
антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.**

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18
Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: sibirskieogni.npф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 19.01.2022. Дата выхода № 2 за 2022 г. в свет 20.02.2022.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.